

Марина Эльденберт

ИСТИННАЯ ПОНЕВОЛЕ

Глава 1

— Значит, ты хочешь обсудить приготовления к нашей свадьбе.

Собственные слова: все, что я хотела сказать, застывает на губах вместе со вздохом. Поэтому я упускаю преимущество внезапности. Хотя какая тут внезапность? Доминик сверкает глазами, а Одри оборачивается, смерив меня фирменным высокомерным взглядом. Они оба наверняка почувствовали и услышали меня еще в приемной. Она услышала. Не сомневаюсь, про свадьбу волчица тоже сказала нарочно.

Только Доминик не спешит ее поправлять. Он вообще смотрит волком и интересуется:

— Шарлин, что ты здесь делаешь?

Я оглядываюсь на Оуэна и Венеру: первый в замешательстве, вторая — в ужасе, и прикрываю за собой дверь.

— Так вас можно поздравить? Уже выбрали дату?

Одри открывает рот и мигом закрывает, когда со стороны альфы слышится утробное рычание. Вот только я здесь точно не для разговоров о чьей-то свадьбе, поэтому шагаю вперед.

— Нам нужно поговорить.

— Мы можем сделать это позже.

Ну нет! С Одри станется ради такого дела затянуть обсуждения счастливого события.

— Нет, сейчас, — говорю твердо.

— Я занят.

— Она подождет. — Я очаровательно улыбаюсь волчице, которая, судя по виду, готова меня загрызть, не перекидываясь. — Правда, Одри? Твоя невеста просто душка.

— Шарлин. — Вот вроде и голоса не повысил, а уже готов вмиг шерстью покрыться.

Кажется, нападение вервольфов и похищение Хантером положительно на меня повлияло, потому что меня больше не пугает ярость Доминика. У меня теперь совсем другие страхи и опасения.

— Я хочу с тобой поговорить, — повторяю я. — Срочно и наедине.

Видимо, вервольф тоже понимает, что проще со мной согласиться, чем продолжать играть в гляделки и рычать на меня. Ну или рассчитывает придушить без свидетелей. Потому что он отодвигает кресло в сторону и направляется к боковой двери, явно ведущей не в приемную.

— Иди за мной.

Когда он отворачивается, Одри готова испепелить меня взглядом, но я отвечаю ей взаимностью и следую за Домиником.

За неприметной дверью скрывается кабинет в кабинете. Достаточно большая комната без окон, с пейзажами на стенах, с двумя широкими диванами и журнальным столиком между ними. Она будто создана для секретных бесед, или для того, чтобы подремать в обед.

— Это очень личный разговор. Уверен, что нас не подслушают?

— Здесь звукоизоляция.

Значит, с секретными беседами я угадала. Хотя если честно, мне уже плевать — подслушает нас Одри или нет. Я обхожу диван, стараясь оказаться от Доминика как можно дальше.

— Что ж, поздравляю, — говорю я.

— С чем? — хмурится вервольф.

— С будущей свадьбой, конечно же. С тем, что ты все-таки определился со своими симпатиями.

— Ты прекрасно знаешь о моих симпатиях.

Его взгляд в который раз вонзается в меня с силой отточенного лезвия, но я стряхиваю его.

— Нет, не знаю. Я вообще тебя не знаю, Доминик. Ты говоришь, что можешь не жениться, но не спешишь разрывать помолвку. Вообще интересная постановка предложения «я могу не жениться». Могу не жениться, а могу жениться. Могу даже обсудить свадьбу с будущей женой. Ты вообще очень могучий!

С последним предложением я почти срываюсь на крик, поэтому мысленно одергиваю себя. Надо успокоиться. Я здесь не за этим.

— У тебя была возможность узнать меня, Шарлин, — несмотря на исходящую от него злость, которую я чувствую кожей, голос у Доминика спокойный. — Ты от нее отказалась.

Я киваю на дверь в кабинет.

— И ты быстро нашел мне замену?

— Это теперь тебя не касается.

— А что касается?!

Между нами диван и пару метров комнаты, но ощущение такое, что целый квартал, а может, город.

— Зачем ты здесь? — спрашивает Доминик.

Я должна рассказать про ребенка, но слова снова застревают в горле. Понимаю, что просто не могу этого сделать. Не после того, что здесь услышала.

— Если я выполнила обязательства по сделке, то я хочу сегодня же вернуться в свою квартиру.

Больше всего на свете хочу этого!

— Это невозможно. Пока Кампала ведет свою игру, тебе лучше оставаться в безопасности. А мой дом — самое безопасное место.

И наблюдать за его приготовлениями к свадьбе? Точно нет!

— Установи охрану. Пусть сидят у меня на кухне, но я хочу...

— Нет, — отрезает он, — я поклялся тебя защищать. Это не обсуждается.

Вот теперь я приближаюсь к нему, останавливаюсь в шаге и запрокидываю голову, пытаюсь рассмотреть в глазах этого чужого мужчины того, с кем я смеялась, играла в снежки, бегала на пляже. Которого впустила в свое сердце. Осознание, что я влюбилась в Доминика такое сильное и внезапное, что от этого больно вдвойне.

Правда, я люблю Доминика, а не этого бессердечного хищника!

— Тебе нравится издеваться надо мной? — интересуюсь я.

— Тот же вопрос к тебе, Шарлин.

И о чем нам еще говорить?

Я отворачиваюсь, потому что в груди печет от тех чувств, которые сейчас горят во мне. От всего невысказанного.

— Это все? — спрашивает Доминик.

— Да, — не раздумывая, отвечаю я.

— Тогда я не стану тебя задерживать.

Намек более чем прозрачен, поэтому я, не глядя на счастливую невесту, вылетаю из кабинета. Натыкаюсь на Оуэна и Венеру и сворачиваю к туалетам.

Нет, меня не тошнит — попросту нечем. Но пульс грохочет в ушах, и не получается вздохнуть. Я силюсь, но ничего не выходит. Поэтому я просто врубаю кран с холодной водой на полную и плещу ею в лицо. Умываюсь до тех пор, пока это все не проходит. Боль внутри не проходит.

Только затем выключаю воду и смотрю на отражение.

— И что ты будешь делать? — спрашиваю у себя.

Легкий шорох со стороны заставляет вскинуть голову. На пороге стоит Одри, только смотрит на

меня без торжества. В ее взгляде замешательство и неверие.

Она принюхивается и все-таки спрашивает:

— Ты... беременна?

Лучше бы это была Венера. Или Оуэн. На крайний случай, Доминик. Хотя что последнему делать в женском туалете? Но он мог пойти за мной, чтобы... Чтобы что? Он свое мнение насчет меня уже высказал.

Его невеста — последняя, кому я бы хотела рассказывать про малыша. А выходит, и рассказывать не нужно? К счастью, потому что все, чего я хочу — чтобы она поскорее отсюда убралась.

— Это очень странная традиция, — отвечаю волчице, — наши разговоры в дамских комнатах.

Одри складывает руки на груди:

— Отвечай на вопрос.

— Зачем? Ты же и так все прекрасно унюхала.

Я медленно беру бумажное полотенце и промокаю им лицо. Медленно, потому что не хочу выдать себя дрожью в пальцах.

Значит ли это, что Доминик тоже в курсе?

Почему тогда ничего мне не сказал?

— Он не может быть ребенком Доминика. Это невозможно. Значит, ты ему... изменила? — Последнее Одри выдает с таким отвращением, будто я не альфе изменила, а лично ей на крыльцо нагадила.

— Тебя это не касается, — повторяю я излюбленную фразу Экрота.

— Я его будущая жена, поэтому меня касается все, что касается его.

— А так же все, кто касаются его?

На щеках волчицы проступает гневный румянец, но она только вздергивает подбородок и возвращает себе неприступный вид.

— Скоро касаться не будешь. Он тебя выгнал.

Нужно просто не отвечать, но тогда эта самодовольная стерва решит, что может мне указывать.

— Ошибаешься. — Я выбрасываю полотенце в корзину и поворачиваюсь к ней. — У нас сейчас сложный период в отношениях. Доминик привык, чтобы перед ним бегали на задних лапках, а я — к тому, что я сама альфа. К тому же, это его ребенок, и он еще не в курсе.

Глаза Одри широко раскрываются.

— Но это же...

— Невозможно? — хмыкаю я. — Я тоже так считала. Но как видишь, бывают исключения.

— Ты лжешь!

— Зачем мне это? И разве можно обмануть вервольфа? У вас же звериное чутье.

Удивительно только, почему Одри почувствовала мою беременность, а альфа нет.

На лице волчицы сквозь недоверие и злость проступает растерянность.

— Ты действительно беременна от Доминика?

— Да.

— И не сказала ему?

— Нет. Хочешь рассказать за меня?

По одному взгляду Одри видно, что не хочет. Потому что незапланированный ребенок может нарушить ее планы стать женой альфы. Она ничего не расскажет. Сохранит в тайне, а это именно

то, что мне нужно. Пока я не разберусь во всем.

— Пропусти.

Как ни странно, она отступает в сторону. Неохотно, но на этот раз не пытается распускать свои лапы. Что удивительно.

— Если это его ребенок, — бросает Одри мне в спину, — если он будет вервольфом, мы примем его в свою стаю. Можешь не волноваться на этот счет.

От ее слов я едва не спотыкаюсь о порог. До этого я считала, что моя единственная проблема в том, что Доминик может мне не поверить. А даже если и поверит, я все равно буду матерью-одиночкой. И я почти смирилась с этим фактом. О том, что моего малыша попросту могут у меня забрать, я даже не подумала. При этой мысли все внутри меня восстает, мне хочется разорвать Одри на части. Любого разорвать на части, кто попробует забрать моего ребенка.

Не позволю!

Поэтому я оборачиваюсь и, глядя ей в глаза, напоминаю:

— Пока что это не твоя стая, Одри.

Спокойствие дается мне непросто, но я выхожу за дверь, расправив плечи, сохранив достоинство и оставив последнее слово за собой.

Я возвращаюсь той же дорогой, только сворачиваю не к лифтам, а снова в приемную Доминика. Мне нужно узнать, почему Одри почувствовала перемены во мне, а главный волк нет. И единственная, кто может дать мне ответ — Венера.

Я нахожу девушку за ее рабочим столом и, игнорируя Оуэна, говорю:

— Знаю, ты на работе, но можешь уделить мне минутку? Это очень важно.

— Да. Хорошо.

— Где мы можем поговорить, чтобы нам не помешали?

Венера кивает и проводит меня в большой зал, который, судя по длинному столу и множеству стульев вокруг него, предназначен для переговоров. Она прикрывает за собой дверь.

— Во-первых, хочу сказать, я очень рада, что ты вчера не пострадала. Во-вторых... Во мне что-то изменилось?

Венера всегда держит лицо, но сейчас даже не скрывает собственного замешательства.

— Не понимаю.

— То есть ничего не изменилось? — уточняю я.

Вот теперь волчица смотрит на меня пристально, а потом ведет носом, как совсем недавно делала Одри. Чтобы через пару минут охнуть.

— Ты в положении?

— Да.

Сосредоточенность на ее лице сменяется улыбкой.

— Поздравляю, Чарли! Это чудесно! Но... Но как?

— А как появляются дети? — У меня вырывается нервный смех. — Прости. Все это неважно. Лучше скажи, как ты это почувствовала. И почему это не почувствовал Доминик?

— Он не почувствовал?!

— Нет. По крайней мере, не сказал...

Венера хмурится:

— Возможно, потому что срок беременности слишком маленький, твой запах еще не слишком изменился. Волки и волчицы по-разному чувствуют это, но...

Он закусывает губу, не договорив.

— Что но? — интересуюсь я.

— Отец обычно чувствует своих детенышей даже в утробе. Это наша природа.

Мне становится смешно, настолько смешно, что я едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться. Очень зло рассмеяться. Особенно, когда Венера тихо интересуется:

— Это ребенок Доминика?

— Конечно, Доминика! Или ты думаешь, что я могла ему изменять при таком тотальном контроле? Вокруг меня армия преданных вервольфов. Да, вчера меня похитили, но забеременела я не вчера!

— Извини за глупый вопрос. Дело правда не в армии вервольфов, в тебе. Ты бы не стала изменять сама.

— Считаешь, что слишком хорошо меня знаешь?

— Успела узнать. К тому же, между тобой и Домиником такие искры, что это сложно не заметить. Не знаю, про какие искры речь, но между нами все кончено.

Было бы кончено, если бы не мой малыш!

— Какая разница, если он все равно не чувствует собственное дитя?

— Огромная. Альфа не глупец. И хотя это чудо, что ты смогла забеременеть от вервольфа, он ни за что не откажется от своего волчонка.

Эта новость мне совсем не нравится!

— Одри меня уже просветила на этот счет. Сказала, что Доминик мне его не отдаст. Это правда?

— Одри точно не та, к советам кого стоит прислушиваться. Зачем тебе это? Ты можешь жить в стае. Никто не имеет права прогонять тебя.

Жить в стае и смотреть на Доминика с Одри. Вот и ответ.

— А если не захочу? Захочу уехать вместе с ним.

— Любому волку нужна поддержка стаи.

— Если он родится волком.

— Кем еще он может родиться? — хмурится Венера.

— Человеком.

Хотя сейчас я не уверена, что этого ребенка можно будет назвать человеком. Ведь я не человек, я — имани. Непонятно кто. И мой ребенок может быть как вервольфом, так и... Кем он вообще будет? Таким как Хантер. Историк сказал, что у него сила проснулась в тринадцать. Возможно, до этого она просто пряталась в нем. Так и мой малыш маскируется и не хочет выдавать себя биологическому папаше.

Я влипла!

Я влипла в это сильнее, чем в долг Дэнвера.

— Чарли, — прерывает мою мысленную панику Венера, — ты должна рассказать все Доминику. Поверь, он будет счастлив.

— Счастлив забрать у меня ребенка?!

Кажется, я все-таки срываюсь, поэтому делаю медленно вдыхаю и так же медленно выдыхаю. Волчица смотрит на меня с сочувствием.

— Никто у тебя его не забирает.

— Но может.

Зря я рассказала все Венере. И зря обратилась к ней. Но теперь это уже не важно.

— Чарли...

— Я расскажу ему, когда буду готова. Хорошо? И прошу ничего ему не рассказывать. Думаю, ты бы тоже не хотела расстаться со своим малышом.

Венера вздрагивает, но кивает. Возможно, я бью по больному, но сейчас мне еще страшнее, чем когда я увидела вторую полоску на тесте.

Потому что понравится это Доминику или нет, ребенка я ему не отдам!

Глава 2

С Домиником я больше не сталкиваюсь, поэтому без приключений возвращаюсь в магазин. Работы много, и я берусь помогать Рэбел обслуживать бесконечный поток покупателей, который не иссякает до самого закрытия. Где-то в коротких перерывах я размышляю, что стоит записаться к доктору и начать все планировать. Планировать на двоих.

Проблема в том, что сейчас в моей жизни все слишком зыбко, чтобы начинать что-то планировать. Взять хотя бы необходимость жить в доме Доминика. Но именно туда меня привозит Оуэн после работы, и провожает до порога. Вервольфы никогда не входят в дом альфы без его приглашения.

А вот самого альфы дома нет: в этом я убеждаюсь, когда поднимаюсь в спальню, чтобы принять душ и переодеться. Двери в его комнату и в кабинет приоткрыты, свет выключен. В гостиной и на кухне тоже пусто. Не знаю, где сейчас Доминик, хотя есть подозрения, с кем.

Выкинуть из головы картинки с ним и Одри получается далеко не сразу, но все-таки получается. Мы ничего друг другу не должны, а лишние нервы мне сейчас ни к чему. Стресс не нужен ребенку, поэтому отныне никакого стресса!

Я включаю любимую радиостанцию и готовлю себе ужин. Спокойно, медленно, с удовольствием. Не знаю, причина в том, что во мне проснулась эта имани, или в том, что я ношу ребенка вервольфа, но я действительно стала по-другому воспринимать запахи. Они стали ярче, а еще я будто стала экспертом в свежести продуктов. Сегодня в меня совершенно не влез сэндвич с ветчиной из кафе напротив. Мне оказалось достаточно его понюхать, чтобы понять, что с ветчиной что-то не то. Зато в холодильнике Доминика все было очень свежим: охлажденное мясо, овощи, фрукты. Стоило уловить аромат стейка, аппетит у меня проснулся волчий.

— Значит, любишь мясо? — поинтересовалась я, положив ладонь на живот. — Как интересно. А что еще?

Никогда бы не подумала, что смогу осилить огромный кусок стейка с кровью, но сейчас не просто осилила, мне захотелось добавки. Так же малышу зашли зеленые овощи, а вот от всего сладкого, включая виноград и бананы, меня воротило. И от кофе тоже, что стало для меня огромной печалью.

После ужина я решила не изменять своим привычкам: раз Доминик сказал, что я теперь живу с ним, то вести себя буду как дома. Принесла ноутбук на кухню и села за продолжение романа. Удивительно, но я чувствовала себя умиротворенной, даже написала половину главы. Но моего спокойствия хватило ровно до телефонного звонка.

Звонок от Хантера, поэтому первое мое желание — не отвечать на него. Но историк настойчив, продолжает названивать каждые пять минут. Что жутко бесит и не дает сосредоточиться на сюжете. На шестнадцатый раз я уже просто не выдерживаю:

— Что тебе надо?

— Считаю справедливым, что если я утром ответил на твои вопросы, вечером ты ответишь на мои.

Что?! У него вообще с головой в порядке?

— Ты меня обманул и похитил. Я тебе ничего не должна.

— А кто говорит про долг? Это всего лишь дружеский разговор.

— Мы не друзья!

Я сбрасываю звонок и возвращаюсь к главе, но телефон снова изображает большую пчелу и продолжает жужжать на беззвучном режиме.

Раз.

Два.

Три...

Десять!

Так, хватит.

Я хватаю телефон со стола и собираюсь совсем его выключить, но хорошее настроение и так помахало мне ручкой, а мне безумно хочется высказаться. Спустить всех бесов на Хантера!

— Мы бы могли стать друзьями, если бы ты не использовал меня, чтобы подобраться к Доминику.

— И я прошу прощения за то, что напугал тебя. — На этот раз в его голосе нет показной веселости, историк предельно серьезен. — Еще я пообещал, что не причиню тебе вреда, и сдержал свое слово.

— Думаешь, достаточно извиниться, и все будет как прежде?

— Думаю, мы можем быть полезны друг другу.

Вервольфы все настолько самоуверенные? Или только мне такие попадаются?

Пока я думаю над цензурой ответа, он продолжает:

— Я обещаю тебе свою защиту, Чарли. От Экрота и Кампалы. И свою преданность.

— Это что? Какая-то волчья формулировка?

— Клятва альфы, известная с пятого века.

— Но ты не вервольф. И точно не альфа.

Хантер тихо смеется.

— С первым ничего не поделаешь, а ради нашей дружбы и альфой станешь.

— Хочешь занять место Доминика? — интересуюсь.

— Да. Оно мое по праву.

— Тогда не рассчитывай, что я стану тебе помогать.

Я собираюсь снова повесить трубку, но гипнотический бархатный голос Хантера не позволяет это сделать.

— Я звоню не поэтому, Чарли. Не из-за Экрота, а из-за твоих слов. Мое предположение насчет альф и имани подтвердилось, так? Ты носишь его ребенка?

Бесы!

Бесы дважды!

Потому что я не должна поминать бесов при ребенке.

— Это не твое дело!

— Значит, носишь.

Это что, сожаление?

— Я могу повторить...

— Не нужно, — перебивает меня историк. — Тогда тебе действительно понадобится моя помощь. Потому что никто не знает про имани и про их детей столько, сколько я.

Я резко втягиваю воздух и выдыхаю:

— Ты ошибаешься. Во всем.

Нажимаю отбой и для верности выключаю телефон, а потом обхватываю себя руками. На кухне тепло, во всем доме очень тепло, но сейчас у меня мороз по коже.

Потому что уже слишком многие знают о моем положении.

Бесов Хантер!

Мои слова вряд ли его убедят. А ведь он, правда, знает многое. Он родился таким и изучал вервольфов всю свою сознательную жизнь. И, конечно же, мог ответить если не на все мои вопросы, то на многие.

Это слишком заманчиво: воспользоваться тем, что он предлагает. Но я не нуждаюсь в ничьей защите или помощи. И уж точно мне не нужны ничьи клятвы, у них слишком большая цена. А в том, что историк назовет свою, я не сомневаюсь. Он прекрасный игрок, поддаваться на его фальшивое участие — себе дороже.

— Мы справимся сами, — говорю я малышу. Не уверена, что он меня слышит — слишком он мал для этого, но мне нравится так думать. Будто нас связывает какое-то особое чутье: он чувствует меня, а я чувствую его. — Хотя почему сами? У тебя еще есть бабушка с дедушкой и тетя Рэбел.

На этой мысли стальные пальцы, будто сжимающие мое сердце, отпускают, мне больше не хочется свернуться клубком и выть от бессилия.

Я всегда справлялась справлюсь и на этот раз!

Подумав, что сегодня вряд ли напишу еще хоть строчку, закрыла файл с романом и записалась онлайн (ближайшей датой оказался понедельник) к гинекологу. После выпила чашку травяного чая и отправилась спать. Наверное, прошлая ночь, а может, весь этот день вытянули из меня все силы. Я чувствовала себя так, будто в одиночку перетаскала все книги в магазине, заодно и все шкафы передвинула. Поэтому я сбросила одежду на стул и залезла под одеяло, чтобы тут же провалилась в сон.

Мне снился Дэнвер. Таким, каким я его запомнила. Мы неслись по ночной автостраде и ссорились. Я просила его сбавить скорость, но он только сильнее жал на газ. Волк, огромный белый волк, возник в свете фар так внезапно, что я закричала, а Дэн вывернул руль, и резким ударом меня выкинуло через лобовое стекло. Я приготовилась к боли, но ее не последовало — волк подхватил меня и оттащил в сторону. Только оглянувшись, я поняла почему: машина загорелась и вспыхнула костром.

— Там Дэн! — крикнула я. Попыталась рвануться обратно, но нас отбросило взрывом. Взрывом, в эпицентре которого был мой бывший муж. И после которого никому не выжить...

Меня встряхивают, но не лапами, а руками. И я вздрагиваю, выныривая из кошмара. Меня действительно обнимают и прижимают к широкой, обнаженной груди.

— Шарлин, тише. Я рядом.

Голос Доминика, глубокий, низкий, стряхивает с меня остатки сна. Как и его объятия.

— Что ты здесь делаешь? — интересуюсь хрипло.

— Ты кричала. Во сне.

Доминик вместе со мной, на кровати, и обнимает меня так, будто не было его слов про конец сделки. Но они были.

И они ввинчиваются в сознание. Вместе со страхом, что он вот-вот почувствует, поймет, что я ношу его ребенка. Этот страх настолько сильный, что до меня не сразу доходит его вопрос:

— Что тебе снилось?

Я отстраняюсь, вытираю мокрые щеки и холодно отвечаю:

— Это неважно. Не входи ко мне больше. Кричу я или нет. Я всего лишь твоя гостья, которой ты дал клятву. Больше никто.

Во взгляде Доминика вспыхивает что-то звериное. Но спустя мгновение даже оно запечатывается холодом и безразличием, желтое сияние исчезает из его глаз. Вервольф резко поднимается и уходит к себе.

А я поглубже закапываюсь в одеяло и пытаюсь заснуть.

Просыпаюсь я как по будильнику и обнаруживаю, что Доминик свои обещания выполняет — я снова в доме одна. И выполняет не только сегодня, все последующие дни мы с ним почти не пересекаемся. За исключением пятницы, когда я поздно вернулась из магазина и увидела, как он провожает к выходу отца Одри, и случайного столкновения в воскресенье на кухне. Меня это почти радует. Почти, потому что всякий раз при встрече с ним я замираю и ищу в его лице удивление или злость, или хоть какие-нибудь эмоции. Но нахожу только безразличие.

Хотя моя беременность становится для меня все очевиднее.

Теперь я не могу есть по утрам. Совсем. Не могу пить кофе. Малыш все держит под строгим контролем. Стоило однажды нарушить установленные им правила, и пришлось снова запираиться в туалете. Зато я съедаю два стейка в день. Один в обед в «Бэйлизе» или в стейк-хаусе «Бычье копыто», второй — уже по возвращении в особняк Доминика.

Понедельник наступает неожиданно, и гинеколог, светловолосая женщина в годах, поздравляет меня с тем, что я и так знаю. У меня будет малыш. Еще у меня прекрасные анализы и токсикоз из-за полной перестройки организма.

На этом, правда, поздравления и заканчиваются. Потому что мне назначают УЗИ. Впрочем, когда я вижу своего малыша на экране, слезы подкатывают к горлу. У него большая голова, и он действительно очень крохотный, но он мой.

Маленький мой.

Но разве он не должен быть меньше?

— Вы утверждаете, что у вас срок не больше трех недель? — уточняет доктор Кимран, водя по моему животу датчиком ультразвука.

— Да, — хмурюсь я. Учитывая наши недолгие отношения с Домиником, забеременеть раньше я просто не могла.

— Очень интересно.

— Что именно?

— Просто по тому, насколько развит плод, я бы сказала, что у вас седьмая-восьмая неделя.

По спине тянет холодом.

— Этого не может быть, — говорю я, вглядываясь в экран. Доктору или себе?

Я не медик, но в школе биологию изучала, и знаю, сколько у людей длится беременность. У людей...

Мой догадка чуть ли не подкидывает меня вверх. А у волков?

— Сколько длится беременность у вервольфов? — спрашиваю я.

— Двадцать две недели. Это из-за их звериных генов. Но вы человек.

Я уже в этом не так уверена.

— Я должна о чем-то узнать, прима Брайс? — Доктор Кимран смотрит на меня, как тот ультразвук. Но сначала мне самой нужно во всем разобраться, поэтому я отвечаю:

— Нет, все нормально. Седьмая неделя — это хорошо. Я, наверное, что-то перепутала.

Не знаю, смогла ли я ее убедить или нет, но доктор назначает мне витамины, советует больше отдыхать и максимально исключить стресс.

Исключишь тут! Да мы с ним практически сроднились!

Покинув кабинет, я сворачиваю в нишу (к счастью, Оуэн и его напарник согласились подождать в холле клиники, и у меня есть фора), достаю из сумки телефон и набираю номер, по которому пообещала себе больше не звонить.

Хантер отвечает сразу, и даже не пытается шутить. Что тоже к лучшему.

— Мне понадобится твоя помощь, — говорю без предисловия. — Но учти, никаких условий!

— Я обещал, что на этот раз все будет честно.

— Хорошо.

Я все еще сомневаюсь верить мне ему или нет, о доверии вовсе речи не идет. Но какие у меня варианты? Перелопатить все книги о вервольфах в магазине? Да у меня почти каждая о вервольфах! Поискать в сети? Там, пожалуй, можно найти все, что угодно. Про волков, но не про имани. До знакомства с Хантером я о таком даже не слышала. Имани и их дети не существуют ни для людей, ни для вервольфов. Но они существуют: я и Хантер прямое тому доказательство.

— Что ты хочешь знать? — спрашивает историк.

— У меня много вопросов.

— Я мог бы предложить встретиться, но твои телохранители вряд ли подпустят меня к тебе ближе, чем на километр.

— Я все равно не собираюсь с тобой встречаться, — осаживаю его. — Мы будем общаться исключительно по телефону.

— Вербольфы слышат и телефонные разговоры, а тебя все время охраняют.

— Не все время, — говорю я и прикусываю язык.

Ну и чего, спрашивается, я с ним разоткровенничалась? Он мне не друг. Просто источник ценной информации.

— Я не собираюсь хранить в тайне то, что ты мне расскажешь, — исправляю ситуацию.

— Пойдет, — подозрительно легко соглашается Хантер. — Набери меня, когда сможешь разговаривать, и я отвечу на любой твой вопрос. Искренне и без условий.

Я и так задержалась, поэтому нажимаю отбой и возвращаюсь к Оуэну. Мой главный телохранитель сканирует меня взглядом, но ничего не говорит, а я чувствую себя странно, ведь только что разговаривала с врагом и соперником Доминика. В голову приходит не менее странная мысль: правильно ли я поступаю? Но я прогоняю ее прочь. Мне нужно все узнать, ради нашего с малышом будущего. Ведь по словам Хантера, с детьми имани не все так просто. Я сама в этом убедилась на сегодняшнем приеме у доктора.

Рабочий день проходит как обычно, не считая того, что я все время думаю о разговоре с Хантером, и того, что мою беременность обычной не назовешь. Хотя бы потому, что она развивается слишком быстро. Поэтому я иногда путаю заказы и книги. К счастью, Рэбел все вовремя исправляет и не задает вопросов. За что я благодарна ей вдвойне.

Время в автомобиле до особняка тоже растягивается, и мне хочется, чтобы водитель ехал быстрее, но естественно, я тороплю его только в собственных мыслях. И даже забываю попрощаться с Оуэном, настолько спешу остаться одна.

Вот только в холле я натыкаюсь на Доминика.

Он спускается по лестнице, ведущей на второй этаж. Без пиджака, в брюках и светлой рубашке, босиком. Такого Доминика можно смело назвать домашним, если зверю вообще подходит этот эпитет.

— Здравствуй, Шарлин.

Только он так произносит мое имя — глубоко, рычаще, что даже сейчас его голос будто теплом прокатывается по моему телу. Я по-прежнему на него реагирую, отзываюсь, несмотря на то, что не должна. Не хочу отзываться!

Я застываю на пороге, потому что появление Доминика полностью рушит мои планы сразу же набрать Хантера. Почему из всех дней он решил остаться дома именно сегодня?! Или не решил?

— Привет, — киваю я. — Ты сегодня дома?

— Да.

Если и существовала крохотная возможность, что Доминик еще куда-нибудь уедет, то она только что испарилась. Поэтому я перестаю изображать перепуганного зайца и иду к нему навстречу. Кто же виноват в том, что это единственная лестница на второй этаж?

— Тогда постараюсь не выходить из своей комнаты, чтобы тебе не мешать.

— В моем доме ты можешь делать все, что захочешь, Шарлин. — Доминик останавливается посередине лестницы и прямо у меня на пути. Она достаточно широкая, чтобы его обойти, но что-то мне подсказывает, что просто обойти его не получится.

— Скажу по-другому: мы не будем мешать друг другу, если разойдемся по разным комнатам.

Наверное, сейчас мы выглядим как семейная пара на грани развода. Они давно охладели друг к другу, и уже даже не ссорятся, а просто вынуждены делить общий дом, пока не подписали бумаги. Я едва не смеюсь. Какой же бред лезет в голову! Мы не семейная пара.

Мы вообще не пара.

— Оуэн передал мне, что ты была сегодня в больнице. Почему?

На то, что моя охрана будет держать рот на замке, я даже не надеялась, но к тому, что альфа устроит мне допрос, не готова.

— Доминик, мы же вроде договорились, что ты меня защищаешь, и на этом все. Я должна докладывать тебе обо всем, что происходит в моей жизни?

— О том, что касается твоей безопасности и здоровья — да.

Он спускается еще на одну ступеньку и нависает надо мной.

Альфа слишком близко. Настолько близко, что я чувствую его аромат — сильный, мужской, манящий, и ловлю себя на мысли, что хочется податься вперед, провести ладонями по мужской груди, прижаться к Доминику. Руками. Губами. Все мое тело будто превращается в оголенный нерв, жаждущий его близости. Прямо здесь, на лестнице. До сорванного голоса, до сбившегося дыхания. Это звериное желание наброситься на него такое сильное, что именно это меня и спасает от необдуманных поступков. Осознание, что я собиралась сделать, выдергивает меня в реальность. Осознание и страх, что только что практически утратила контроль.

В глазах Доминика гаснет тот же алчный огонь, который я успела ощутить на себе. Это сделал он? Заставил меня почувствовать себя ненасытной самкой, желающей спариваться. Венера говорила про голос альфы, а что насчет взгляда?

Я облизываю пересохшие губы и сжимаю кулаки, чтобы не выдать дрожь, от которой до сих пор меня всю колотит. Мне нельзя волноваться. Малышу это не на пользу.

— Не делай так больше, — приказываю я. Мой голос тоже дрожит, но это вполне можно списать на раздражение.

— Как?

— Как ты делаешь!

— Я всего лишь спросил тебя про визит к доктору.

— Ты разве не знаешь, что с моим здоровьем?

— Это конфиденциальная информация, поэтому для начала я решил все уточнить у тебя.

Желание никуда не исчезло, но я понемногу превращала его в здоровую злость.

— Для начала? Это угроза?

— Предусмотрительность. Так в чем дело?

Я заглядываю в его лицо и понимаю, что Доминик не лжет. Не пытается вывести меня на чистую воду, чтобы признаться первой, не издевается. Иначе бы на вопрос про «знаешь» ответил иначе. Он действительно не чувствует, что я беременна.

Вопрос — почему?

Проще всего спросить у него, но я не готова признаваться Доминику сейчас.

— Меня кое-что беспокоило, поэтому я делала УЗИ. Но с моим здоровьем все хорошо. Спасибо, что интересуешься.

— Поужинаем вместе?

А вот это неожиданно! Настолько неожиданно, что я зависаю второй раз за вечер.

— Нет, — отрезаю я. — Чем меньше мы будем проводить время в обществе друг друга, тем лучше. Ты сам сказал, что мы друг другу не подходим. Друзей из нас тоже не получится.

— Не получится, — соглашается Доминик. — Я не смогу дружить с тобой, Шарлин. Для этого я слишком тебя хочу.

Его слова отражаются в груди болью. Потому что «хочу» не равно «люблю». Он хочет мной владеть, и на самом деле не видит во мне равную. Наши отношения изначально были обречены на провал.

— А я — нет, — отвечаю я, все-таки ныряя в промежуток между перилами и Домиником и сдерживаю себя, чтобы не начать перепрыгивать через ступеньки. Наоборот, поднимаюсь медленно, и уже на верхней площадке оборачиваюсь, чтобы заметить закрывшуюся входную дверь. После чего спешу к себе.

Далеко босиком Доминик не уйдет, наверняка, отправился на пляж, поэтому у меня есть немного времени.

Набираю Хантера и прошу:

— Расскажи все, что знаешь про имани!

— Всё — слишком расплывчатое понятие, — отвечает историк.

Я подхожу к окну и замечаю пересекающего внутренний двор Доминика. Не оглядываясь, он толкает заднюю калитку и скрывается в темноте пляжа. Того самого, на котором я впервые увидела его в волчьей ипостаси.

Замечаю, что свободной рукой вцепилась в край подоконника до побелевших пальцев, и отстраняюсь. Выдыхаю, пытаюсь расслабиться. Мне нужно сосредоточиться на Хантере и его словах, а не думать о Доминике. Не думать, что я угадала насчет пляжа. Что я слишком хорошо его знаю.

— Я рассчитываю, что ты ничего не упустишь, — говорю я. — Потому что я должна знать, кто я такая.

— Справедливо. — В голосе Хантера слышна улыбка. Он вообще как-то быстро включился в разговор, будто с нетерпением его ждал.

Конечно, ждал! Наверное, нарадоваться не может, что встретил настоящую, живую имани.

— Как они появились? — спрашиваю я, и тут же исправляюсь: — То есть мы.

Что я чувствую, когда думаю, что я какая-то особенная? Что я не человек и не вервольф? Только растерянность и неверие. Неверие в то, что все это на самом деле происходит со мной.

— Мои родители — мои настоящие мама и папа, я на них похожа.

— Не сомневаюсь в этом ни капли, — успокаивает меня Хантер. — Как и в том, что они обычные люди.

— Тогда... почему я?

— А почему я родился с разноцветными глазами? Природа, генетика. Тебе просто повезло.

Повезло, как же!

— Но как и мои способности, — продолжает он, — твои тоже долгое время находились в спящем состоянии. Пока их не спровоцировала встреча с Экротом.

— Почему это вообще происходит? Почему рождаются такие дети?

— Я думаю, что таким образом природа заботится об исчезающем виде. А может, это новая ступень эволюции, которая берет лучшее из двух существующих на планете видов и создает нечто совершенное. Более сильную, здоровую, выносливую версию людей и вервольфов.

— А по-моему, тебе просто хочется считать себя особенным.

— Здесь ты ошибаешься. — Беззаботный голос Хантера сменяется ледяным. — Раньше я бы все отдал, чтобы быть обычным. Но потом понял, что глупо отказываться от того, что тебе подарила судьба.

— Я подобных подарков не просила.

— Это уже неважно. Тем более что твой будущий ребенок будет именно таким. Он уже особенный.

— Для меня он особенный, потому что мой, — отрезаю я и кладу ладонь на живот.

Моя фигура пока не изменилась, но с таким быстрым ростом малыша, я не смогу долго скрывать беременность.

— Значит, — продолжаю я, — дело во мне и в альфе?

В моей сильной генетике и в том, что я занималась сексом с вожаком.

— Мой бывший муж не был альфой, поэтому моя сила не раскрывалась, а тут раскрылась. Выходит, дело не в Экроте? Подошел бы любой сильный... самец?

— Вероятнее всего у вас с мужем не было детей не из-за разницы в видах, просто ты, как имани, ждала более сильного и достойного *самца*. — Последнее слово Хантер произносит с насмешкой, а вот мне совсем не смешно.

От таких новостей голова кругом. Значит, все мои мечты насчет мужа-человека и детей все равно бы не сбылись. Я бы осталась бесплодной, потому что моя сущность ждала Доминика или кого-то другого. Но поверит ли он мне?

— Я была сегодня у доктора, и мне сказали, что моя беременность развивается очень быстро.

— Как у волчиц, — подтверждает Хантер. — Это нормально, не бойся. Если ты имани, значит, твой организм должен быть приспособленным к рождению волчат.

— А если нет? Ведь... — Я осекаюсь, но потом все равно заканчиваю: — Ведь твоя мать умерла при родах.

Повисает короткая пауза, и мне даже кажется, что историк ничего не ответит, но он отвечает:

— Считаю, что нам не стоит это обсуждать.

— Я не хочу обсуждать тебя, я хочу обсуждать себя. Скажи, чего мне стоит бояться? Потому что мне уже страшно.

Мне действительно страшно. Даже страшнее, чем когда на меня неся оскалившийся волк.

— Вервольфы не просто так заиклены на потомстве, — все-таки говорит Хантер, — и именно поэтому берегут волчиц. У них случаются выкидыши, многие волчата погибают во время родов...

— И волчицы тоже, — заканчиваю за него и меня прошибает ознобом. В спальне жарко, даже душно, но мне невыносимо холодно. Сердце в ушах звучит набатом.

Что, если мой ребенок не выживет? Если не выживу я?

Я, кажется, выпадаю из реальности, потому что прихожу в себя только когда слышу свое имя и ругательства в трубке.

— Чарли, с тобой все будет в порядке, поверь мне. Уверен, Экрот для своего наследника не пожалеет ни лучших врачей, ни внимания и заботы.

— Он не знает, — признаюсь я.

— Что?!

— Доминик не почувствовал, что я беременна. И не знает, что это его ребенок. То, что я в положении, почувствовали только две волчицы.

Судя по донесшемуся из трубки грохоту, у историка что-то свалилось и рассыпалось.

— Это невероятно! — восклицает Хантер со смехом. — Малыш просто чудо.

— И что в этом чудесного?

— Он дитя имани и вервольфа невероятной силы, и он тоже очень сильный. Сильный и хитрый. Он прячется, Чарли. Маскируется, чтобы его не почувствовали мужчины. Волчицы не представляют для него угрозы, они, как и ты, женщины. А вот от Экрота он спрятался, потому что... — Хантер останавливается, и его голос становится спокойным и задумчивым: — Потому что этого хочешь ты? Он чувствует тебя. Почему ты не хочешь рассказывать о ребенке его отцу?

Можно сказать правду, можно солгать, но зачем мне вообще нужно отвечать на этот вопрос?

— Это не имеет никакого отношения к нашему разговору.

— Имеет, и прямое. Чего ты боишься?

Потерять его.

Я знаю о существовании малыша несколько дней, но уже безумно люблю его и больше всего на свете боюсь его потерять.

Но я не собираюсь признаваться в этом Хантеру. Я вообще никому не собираюсь в этом признаваться.

— Давай вернемся к имани, — говорю я.

— А мы от них и не отходили.

— Отходили. Все, о чем я тебя прошу, так это рассказать о том, с чем мне придется столкнуться, будучи беременной от вервольфа. Я хочу защитить своего малыша, а с его отцом как-нибудь сама разберусь!

— Было бы неплохо.

Голос Доминика за спиной заставляет меня замереть. Пальцы деревенеют, поэтому телефон просто выскальзывает из рук, ударяется о подоконник и улетает на пол. Не знаю, пережил ли он падение, выключился, или Хантер продолжает слушать мое срывающееся дыхание.

Я медленно поворачиваюсь: альфа стоит, прислонившись к дверному косяку и сложив руки на груди. С виду спокоен, но этот вид обманчив, потому что глаза Доминика горят желтым, и от сверкающих в них молний по коже бежит холодок. Я узнаю этот взгляд: так он смотрел на меня, когда забирал из дома Хантера.

Доминик плавным движением хищника наступает на меня, и я бессознательно прижимаюсь, прилипаю к подоконнику — дальше мне бежать некуда. Но он останавливается в двух шагах, подбирает телефон, проводит пальцем по экрану, а после швыряет его на постель. Только потом повторяет:

— Было бы неплохо разобраться во всем.

От Доминика веет животной силой и такой же яростью, мы сталкиваемся взглядами, и это приводит меня в чувство.

— Что ты слышал?

— Очевидно, ваш занимательный разговор с твоим недавним похитителем.

— Ты же уходил... Я видела, как ты отправился на пляж!

— Я вернулся.

— Ты меня обманул, — доходит до меня. Показал, что уходит, а сам тихо вернулся!

— И это говоришь мне ты, Шарлин? — Доминик почти рычит, в один шаг преодолевая расстояние между нами. — После разговора с моим врагом. Или после того, как решила не рассказывать мне о моем ребенке?

Я не собираюсь оправдываться. Ни перед кем, а тем более — перед Домиником.

— С чего ты взял, что это твой ребенок?

Альфа усмехается. Жестко.

— Чьим еще он может быть? Я первый мужчина, которого ты подпустила к себе после неудачного брака с Дэнвером, на тебе мой запах. Историк-недовервольф прав, — он опускает взгляд на мой плоский живот, — я не чувствую своего волчонка, но я не идиот, Шарлин. Я чувствую тебя. То, как ты изменилась, стала другой. Новые привычки в еде. Перепады настроения. Визит к доктору. Твоя скрытность. Я не мог в это поверить, но факты — вещь упрямая. Оказывается, мы с тобой совпали даже сильнее, чем я думал.

Доминик тянется ко мне, намереваясь положить ладонь на живот. Я перехватываю его запястье двумя руками. Конечно, во мне нет и сотой доли его силы: альфа может скрутить меня в два счета. Мы это оба понимаем, поэтому застываем друг напротив друга.

— Ты догадался про ребенка и молчал?!

— Я надеялся, что ты мне расскажешь. Видимо, зря.

— Это ничего не меняет, — говорю я.

— Ошибаешься, Шарлин. Это меняет всё. Всё между нами.

Я не понимаю, а когда начинаю понимать, хочется вцепиться ему в горло в лучших традициях вервольфов.

— Ты дал слово! Освободил меня от обязательств, я могу уйти отсюда в любую минуту.

Его глаза вновь загораются желтым, а скулы заостряются, выдавая готовность принять волчью

ипостась. Альфа отступает так же стремительно, как подошел ко мне.

— Ты носишь под сердцем моего волчонка, значит, останешься здесь, в этом доме, пока он не появится на свет.

Мое сердце падает, и этой пропасти нет конца и края.

— А потом? — спрашиваю севшим голосом.

— Потом можешь делать все, что захочешь. Мой сын останется со мной.

Глава 3

Мой самый страшный кошмар последних дней воплощался наяву. Доминик узнал про малыша и, как и говорила Одри, решил присвоить его себе. Забрать его у меня.

Я настолько падаю в этот страх, что бросаюсь на Доминика с криком раненой волчицы. В попытке расцарапать лицо, сделать больно. Так же больно, как он делает мне! Но альфа легко перехватывает меня, фиксирует и тесно прижимает к себе, пока я бьюсь в его руках, будто бабочка в паутине.

— Я не отдам тебе его! — рычу я. — Не отдам! Он мой!

Он ждет, пока я выдохнусь, и только после коротко обещает:

— Посмотрим.

Доминик резко отстраняется и стремительно покидает мою комнату, забирая мое сердце. Забирая нечто большее.

Надежду. Надежду, что он так ни о чем и не узнает.

Мне остается только дойти до кровати и упасть на нее вслед за телефоном. В голове крутилось: «Ты, Чарли, самая настоящая дура, если верила, что может быть иначе!»

Перезванивать Хантеру было бессмысленно, поэтому я свернулась на кровати прямо в одежде и прикрыла глаза. Чтобы открыть их от ярких полосок солнечного света, проникающих в комнату через неплотно прикрытые жалюзи.

Беременность влияла на меня странным образом: раньше я бы ни за что не уснула вот так, без души, и не проспала больше десяти часов. Главное — вряд ли бы выпалась. Но сейчас чувствовала себя бодро и решительно. Я проснулась с мыслью, что все мои советчики были правы — вряд ли бы у меня получилось спрятать беременность от Доминика. Не говоря уже о младенце. Сейчас, когда он знает, все стало проще и сложнее одновременно. Проще, потому что мне больше не нужно прятаться, а сложнее, потому что теперь надо убедить альфу изменить свое решение. Доказать ему, что ни я, ни ребенок ему не нужны.

Доминик любит сделки, и я собиралась с ним договориться.

Наскоро приняв душ, почистив зубы и причесавшись, я спустилась на кухню. В это время альфа обычно завтракал, а после отправлялся на работу. Я выучила его график, когда старалась с ним не сталкиваться. Это было несложно, учитывая, что сама я не завтракала.

Мне повезло: сегодня Доминик не изменял своим привычкам и готовил яичницу. Любопытно, но при всех своих возможностях, завтрак он делал себе сам. Правда, никто не предупреждал меня, что он делает это без рубашки. Стоило моему взгляду споткнуться о литые мышцы на мощной спине, все вступительные слова заготовленной речи выветрились из головы.

Это происходило вновь: мне дико захотелось подойти сзади и провести ладонями по его спине, прижаться к ней грудью, лизнуть его под лопаткой. Наваждение, которое мне не принадлежало. Не могло мне принадлежать!

— Доброе утро, — говорит Доминик, не оборачиваясь. — Ты вовремя. Завтрак готов.

— Я не завтракаю.

— Придется, если хочешь, чтобы наш сын родился здоровым.

Я складываю руки на груди и приподнимаю бровь.

— То есть ты собираешься насильно затолкать в меня омлет?

Альфа наконец-то оборачивается и сканирует меня испытывающим взглядом.

— В этом есть необходимость?

Как ни странно, сейчас от запаха еды мне не хочется немедленно воспользоваться гостевым туалетом. Наоборот, в животе тихо урчит, потому что второй стейк вчера я пропустила, а против омлета малыш, кажется, не возражает. Поэтому я отодвигаю стул с ближайшей к двери стороны стола.

— Хорошо, я позавтракаю с тобой.

Доминик выключает плиту и раскладывает омлет по тарелкам, а потом ставит одну передо мной.

Порция волчья, но я решаю не спорить и принимаю врученную мне вилку. Альфа опускается на соседний стул. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, что он меня ждал. Услышал, как я проснулась, и ждал, пока спущусь. А значит, не только я хочу поговорить.

— Я хочу, чтобы ты сегодня посетила доктора, — подтверждает мою догадку Доминик.

— Я вчера уже была в больнице.

— Это хорошая клиника, но она не для вервольфов. Я хочу, чтобы тебя осмотрел наш специалист.

— И как ты собираешься убедить их принять не волчицу?

— Не волнуйся, они не станут задавать лишних вопросов. А я должен быть уверенным, что с сыном все хорошо.

Омлет вкусный, и я даже позволяю себе немного насладиться завтраком, прежде чем перейти к собственным вопросам.

— Зачем тебе ребенок?

— О чем ты? — прищуривается он.

— Зачем тебе ребенок от меня? Ты сам вчера сказал, что Хантер недовервольф. Этот малыш тоже родится таким. Неполноценным с точки зрения волков. Когда ты женишься на Одри, у вас будут общие волчата. Так зачем тебе мой ребенок?

Доминик откладывает вилку и пристально изучает мое лицо. Долго.

— Ты действительно не понимаешь? — интересуется он, и его вопрос заставляет меня почувствовать себя глупо.

— Что я должна понять?

— Это мой ребенок, Шарлин. Я не собираюсь от него отказываться только потому, что тебе так захотелось.

— Но ты заставляешь отказаться от него меня, потому что тебе так захотелось! — Мой голос почти срывается на крик, и я заставляю себя продолжить завтрак, только чтобы вернуть себе видимость спокойствия.

Странно, что у меня получается есть в присутствии этого тирана!

— Разве я тебя заставляю?

Я едва не давлюсь от возмущения.

— А как еще назвать то, что ты хочешь отобрать у меня ребенка?

— Не хочу.

Мои брови взлетают вверх: я совершенно точно ничего не понимаю. Поэтому прищуриваюсь и решаю уточнить:

— Что?

— Я хочу, чтобы мой ребенок остался в стае. Я не считаю его недовервольфом, как ты сказала. И я не собираюсь прогонять тебя, Шарлин. Ты тоже можешь остаться.

Остаться?

— Остаться в качестве кого, Доминик? Не думаю, что твоей супруге понравится присутствие в стае твоей бывшей любовницы. Уверена, мне придется ходить и оглядываться.

— Она не тронет тебя. Не пойдет против моей воли.

— Мы точно про одну и ту же Одри говорим? Или у тебя в запасе еще десять невест, послушных и кротких?

Доминик гневно раздувает ноздри.

— Ты видишь врагов там, где их нет, зато водишь дружбу с одним из них.

— Ни с кем я ничего не вожу!

Вот теперь мне кусок в горло не лезет, поэтому тоже отставляю тарелку и поднимаюсь. Стул отъезжает с противным скрежетом. А Доминик поднимается следом, нависает надо мной.

— Я тебе уже говорила, Доминик, что не смогу играть вторую роль. Поэтому мне нужен мужчина, для которой я буду единственной, вместе с которым мы будем семьей. Обычной семьей. Если я останусь в твоей стае, то ни с Одри, ни с другой волчицей или твоими любовницами я не стану мириться.

Я не опускаю взгляд, когда альфа смотрит прямо мне в глаза. Понимаю, что биться здесь бесполезно: он сильнее меня во всех смыслах. Но пасовать перед ним не собираюсь!

— Это торг?

— Это факт!

— Вот и мы вернулись к тому, от чего ушли, Шарлин. Хочешь ты быть со мной или нет?

Я хочу ответить, но он меня перебивает:

— Наверное, нет, раз ты все время придумываешь новые и новые причины, чтобы не оставаться.

— Мы можем заключить сделку...

— Нет! — отрезает Доминик. — Больше никаких сделок или условий. Этот ребенок мой, со мной и останется. А у тебя есть выбор: остаться с нами или уйти.

Он проходит мимо меня и только в дверях кухни бросает:

— Собирайся. Я отвезу тебя к доктору.

Спорить с ним больше нет ни сил, ни желания, а учитывая, что я уже собралась, мне остается только забрать сумку и предупредить Рэбел, что задержусь. Доминик не заставляет долго ждать и появляется спустя несколько минут. В костюме, строгий и сдержанный, он кажется мне еще более чужим. Незнакомцем. По пути в клинику мы молчим — несмотря на то, что сидим рядом. Я не представляю, о чем разговаривать с мужчиной, который хочет забрать у меня малыша. Он, очевидно, потому что все уже сказал.

Частная клиника вервольфов ничем не отличается от множества других: белые стены, светлая плитка на полу, тихая приятная музыка и минимум декора в приемной. Разве что здесь нет очереди — нам вообще не встречаются другие пациенты. Ни в коридоре, ни в приемной отделения. А вот весь персонал — мужчины-вервольфы. И я впервые задумываюсь о волчицах, о том, сколько их и как у них проходят беременность роды.

Как вообще проходят беременность и роды?

Почему-то именно здесь мне не по себе. Хотя вчера мой доктор сказал, что с малышом все в порядке. Мне просто нужно подтверждение, чтобы Доминик успокоился и больше не включал заботливого палашу, который стережет инкубатор. Чем быстрее все это закончится, тем лучше.

— Доктор Милтон готов вас принять. — Администратор указывает мне на дверь кабинета, и я направляюсь туда. Правда, буквально в шаге от цели понимаю, что Доминик следует за мной. Это заставляет меня остановиться.

— Ты куда? — интересуюсь я.

— К доктору.

— Со мной?

— Естественно.

Только присутствие персонала с чутким слухом останавливает меня от того, чтобы послать Доминика лесом.

— Это обязательно? Это же личная консультация!

— Я отец нашего сына, Шарлин, и хочу знать, как протекает твоя беременность. Знать все.

— Почему ты уверен, что родится сын? Или девочка тебе не нужна?

Взгляд Доминика тяжелеет.

— Вероятнее всего, это будет мальчик. Во-первых, потому что волчицы появляются на свет реже.

Во-вторых, у Экротов всегда рождались мальчики.

— Из любого правила бывают исключения.

Черты его лица немного смягчаются.

— Пол не имеет значения, я буду рад любому ребенку, которого ты мне подаришь.

Мне хочется сказать, что я ему ничего не собираюсь дарить, но толку об этом говорить? Как и просить его оставить меня.

В кабинете я чувствую себя еще более странно, потому что общается с доктором Милтоном, вервольфом средних лет, в основном Доминик. Если доктора и удивляет тот факт, что я человек, то виду он не подает. Как и не высказывает своего мнения насчет присутствия альфы. Милтон интересуется моим самочувствием, на вопрос о котором снова отвечает Доминик. Что меня тошнит по утрам, что я ем, о моем настроении. Даже о сроке беременности. Я будто сама ребенок, которого привели к врачу!

Поэтому, когда дело доходит до осмотра, я готова просто вскипеть.

— На УЗИ тоже вместо меня пойдешь? — интересуюсь у счастливого отца.

— Делай, как говорит доктор, Шарлин, — спокойно советуют мне. — Дома поговорим.

Несмотря на растущее раздражение, я снова замираю, когда вижу своего малыша на экране монитора. Это волшебство, но во мне будто переключается тумблер, и на меня накатывает сначала изумление, а затем волны бесконечной безусловной любви. Только что хотелось покусать Доминика, а сейчас я улыбаюсь.

Это чувство такое сильное, такое яркое, что оно переполняет меня. И не только меня. Оглянувшись на Доминика, я вижу, что он неотрывно смотрит на экран и тоже улыбается.

Я понимаю, что еще ни разу не видела у него подобной улыбки. Такой светлой. Такой искренней. В эту минуту мне даже кажется, что все не так плохо. Что с этим Домиником я смогу договориться.

А вот доктор не улыбается, наоборот, хмурится, когда заканчивает УЗИ.

— Альфа Экрот, мы можем поговорить наедине?

Мне это не нравится. Совсем не нравится. Поэтому перехватываю руку Доминика, который собирается последовать за медиком.

— Доминик?

— Побудь здесь, Шарлин. Я все тебе расскажу.

— Если это касается меня, доктор Милтон, то я тоже хочу присутствовать при разговоре.

Я смотрю в глаза альфе и прошу:

— Доминик, пожалуйста.

Я чувствую, как напряжены его пальцы под моей ладонью, и уже понимаю, что никакие просьбы здесь не помогут. Поэтому просто отпускаю руку, но Доминик перехватывает ее снова, сплетая наши пальцы.

— Хорошо. Это действительно касается тебя.

— Могут возникнуть определенные сложности, альфа Экрот, — говорит доктор. — Прима Брайс носит волчонка. Плод развивается нормально по меркам вервольфов, но слишком быстро для человека. Поэтому ее тело, нервная и эндокринная система не успевают подстраиваться под такие перемены.

— Что это значит? — спрашиваю я, и только сейчас доктор наконец-то отвечает мне:

— Это значит, что вам нужны особые условия для того, чтобы выносить и родить этого ребенка. Я бы сказал — идеальные. Но даже в этих условиях я не могу ничего вам гарантировать. Ваша жизнь и ваше здоровье под угрозой.

Меня посещает странная мысль, что возможно стоило выйти и оставить все на Доминика, но я гоню ее прочь. Лучше послушать советы доктора из первых уст. Тем более, по тому как напрягся альфа, заметно — он всерьез задумался над идеальными условиями для меня.

— Я не обычный человек, доктор Милтон, — я спешу объяснить. — Мой... знакомый назвал меня «имани».

Взгляд доктора смягчается и становится задумчивым.

— Когда альфа Экрот вчера вечером рассказал мне о вас, я сначала не поверил. Впервые слышу об общих детях людей и вервольфов! Но результаты ультразвукового исследования и анализ вашей крови потрясают. И все же я не отказываюсь от своих слов, для вашего организма подобная беременность — настоящее испытание. Я бы хотел наблюдать вас на протяжении этих месяцев.

— Обязательно, доктор Милтон, — на этот раз за меня отвечает Доминик. — Еще я хочу уточнить насчет идеальных условий. Что вы под этим подразумеваете?

Да, мне тоже это интересно.

— Сбалансированное питание, массаж, специальная гимнастика, но самое главное — исключить любой стресс.

— Любой?

— Любой?!

Ну хотя бы в удивлении мы с Домиником солидарны.

— Да, — подтверждает доктор. — Обычно я советую это всем своим пациенткам, но вам, прима Брайс — особенно. Не нужно лишних волнений. Только отдых, позитивные эмоции и настрой. Исключите общение с личностями, которые вам неприятны и которые вызывают раздражение.

Я прикусываю губу, чтобы сдержать смех, и ловлю взгляд Доминика. Его просто надо видеть: так внимательно слушает и будто не верит тому, что слышит. Еще бы! Чтобы исключить всех раздражающих личностей, мне нужно держаться как можно дальше от самого Доминика.

— Я советую окружить приму Брайс заботой, — продолжает доктор, — и быть к ней внимательным и лояльным. Как я уже говорил, ее гормональная система перестраивается слишком быстро, поэтому возможны слишком резкие перепады настроения. Постарайтесь отнестись с пониманием к просьбам, которые могут показаться женскими капризами.

А вот это уже перебор.

— У меня не бывает женских капризов! — возражаю я.

— Бывает, — отрезает Доминик, за что получает укоризненный взгляд от доктора.

— Это именно то, о чем я говорю.

Не знаю, что насчет позитивного настроения, но мое настроение стремительно скачет вверх. Возможно, все не так плохо, как я представляла. Это же какая власть над альфой теперь в моих руках!

Я широко улыбаюсь Доминику, а вот он хмурится.

— Еще насчет ваших сексуальных отношений, — продолжает доктор Милтон.

— Никаких сексуальных отношений? — с притворной грустью интересуюсь я. — Это сложно, но можно пережить.

— Наоборот, это часть животных инстинктов. Во время беременности вы должны отдаваться на волю инстинктов, чтобы ваш ребенок привыкал к своей волчьей сути. К тому же, во время секса выделяется огромное количество эндорфинов, вы и ребенок начинаете чувствовать себя в безопасности. Я бы настоятельно вам его рекомендовал. Разве что выбирайте более безопасные позиции.

Теперь моя очередь хмуриться, но возразить мне нечего. Не объяснять же доктору, что между мной и Домиником больше нет и не будет никакого секса? Хотя теперь понятно почему я хотела наброситься на вервольфа тогда, на лестнице. Когда я практически отдалась на волю инстинктов, а заодно чуть не отдалась ему.

Мне выдают еще множество указаний, записывают на регулярные обследования и анализы, и наконец-то отпускают.

Мы выходим из клиники вместе, и я интересуюсь:

— Подвезешь меня в магазин?

— Я отвезу тебя домой.

Мое хорошее настроение лопаётся как мыльный шар.

— Что?! У меня рабочий день в разгаре.

— Тебе нельзя работать, Шарлин, — раздраженно сверкает глазами Доминик. — Ты беременна.

— Беременна, а не больна.

— Ты слышала, что сказал доктор?

— Прекрасно слышала! Меня нельзя раздражать, а ты меня сейчас раздражаешь.

Лицо Доминика нужно видеть: зрачки налились желтым, скулы заострились, губы сжаты в тонкую линию. Ощущение такое, что он вот-вот лопнет от сдерживаемой ярости! Но он быстро берет себя в руки и распаивает передо мной дверь автомобиля.

— Значит, на работе ты не раздражаешься?

— Нет, она меня умиротворяет.

Конечно, не в дни перед праздниками, когда я и Рэбел сбиваемся с ног, чтобы всех обслужить и ничего не забыть, но если доктор Милтон прав в своих опасениях, мне стоит закончить все дела в магазине именно до праздников, чтобы потом полноценно отдыхать. Как бы ни был велик соблазн злить Доминика, я не собираюсь подвергать жизнь малыша опасности.

— Хорошо, — говорит вервольф, устраиваясь на соседнем сиденье. — Тогда я должен сам в этом убедиться.

Что?! Надеюсь, это не то, о чем я подумала!

— То есть?

— Я поеду с тобой, чтобы убедиться, что твоя работа не доставляет тебе и нашему сыну беспокойства.

Я даже поворачиваюсь к нему целиком, всматриваясь в резкий мужской профиль.

— И как ты собираешься в этом убедиться?

— Проведу день рядом с тобой, в магазине.

Доминик в моем магазине? Он распугает всех покупателей! Не говоря уже о том, что он будет постоянно мелькать у меня перед глазами, и о работе можно забыть.

— Не получится. Это будет меня раздражать. Лишний стресс и все такое.

Теперь Доминик смотрит на меня, но без прежней ярости, в светло-карих глазах лишь решимость. Он подается вперед и кладет ладонь на мою скулу, я даже не успеваю отпрянуть. Да и отпрянуть — значит, показать свою слабость, и плевать, что он наверняка слышит мой учащенный пульс.

— Тебе придется смириться с моим присутствием в своей жизни, Шарлин, и перестать все списывать на раздражение. Тем более что я чувствую, когда в тебе вспыхивает гнев, а когда — совершенно другие эмоции. — Вервольф усмехается. — Если мы будем порознь, сложно будет выполнять все рекомендации доктора. Особенно ту, где тебе нужно обязательно отдаваться на волю животных инстинктов.

Он всего лишь проводит большим пальцем по скуле, задевая ухо и прядь волос, а по всему моему телу в секунду прокатывается жаркая волна. Это ненормально, но мне дико хочется секса. С Домиником.

Бесы!

— Доктор Милтон не сказал, что мне обязательно делать это с тобой.

Доминик рычит, обхватывает меня за плечи и притягивает к себе. Так быстро и так внезапно, что я не успеваю ничего сделать.

— Никто к тебе не притронется, Шарлин, — клянется он мне прямо в губы, и я понимаю, что это действительно слово альфы. — Я не позволю.

Мой пульс не просто сбился, сердце грохочет уже где-то у горла.

— Ты снова меня раздражаешь, Доминик, — говорю я. — Больше. Так. Не делай.

По его лицо прокатывается судорога, меня возвращают на место очень медленно и осторожно. Но больше всего меня поражают его слова.

— Прости. Это больше не повторится.

— Хорошо, — киваю я. — Держи свои эмоции в узде. И домыслы тоже.

— Домыслы?

— О множестве мужчин вокруг меня. Сейчас для меня важен только ребенок.

Это правда. Мой малыш сейчас важнее всего.

— И если ты собираешься в мой магазин только затем, чтобы отпугивать от меня мужчин, то не стоит. Твои вервольфы уже всех распугали.

Доминик снова бросает на меня пристальный взгляд.

— Я проведу день в магазине только по той причине, которую озвучил. Чтобы убедиться, что ты не раздражаешься.

— Тебе разве не нужно заниматься своими делами? — снова не выдерживаю я. — Бизнесом там, обязанностями альфы, подготовкой к свадьбе, в конце концов!

— Нужно. Но наш сын важнее.

— Дочь. Это будет девочка.

— Как скажешь.

Мне хочется съязвить о том, что я не верю своим ушам, но во мне снова вспыхивает раздражение. Вот как обходиться без стрессов, когда вся твоя жизнь наперекосяк!

— То есть об Одри ты совсем не думаешь?

— Пока о ней думают и заботятся отец и альфа ее клана.

Тема Одри раздражает меня еще больше, поэтому я предпочитаю не разговаривать с Домиником до самого приезда в магазин. Работа кипит, и уже с порога видно, что Рэбел едва справляется с потоком покупателей, которые выстроились в длинную очередь к кассе. Один из вервольфов помогает ей, складывая книги в пакеты, второй занят тем, что расставляет новую партию по полкам, но при нашем появлении они вытягиваются в струну.

Кажется, неуютно будет не только мне.

— Если не передумал, — говорю я Доминику, — то можешь занять одно из кресел и наслаждаться наблюдением.

— Нет, я тоже буду тебе помогать.

— Как? Носить книги?

— Все, что попросишь.

— А если я попрошу уйти?

Приподнятая бровь Доминика лучше слов говорит, что мне от него не избавиться. По крайней мере, сегодня. И я мысленно заставляю себя смириться с этим фактом.

— Что в твоей работе тебе нравится меньше всего? — внезапно спрашивает он.

— Мне все нравится.

— Совсем все?

Теперь я понимаю, к чему он клонит.

— Поможешь с заказами.

На то, чтобы объяснить Доминику что делать, уходит минут двадцать. Он разбирается в программе заказов быстрее, чем когда-то разобралась я. Что интересно, он так быстро включается в работу и так ответственно подходит к задаче, что я понимаю — сделает на совесть. Поэтому я со спокойной душой оставляю его с ноутбуком, а сама сменяю Рэбел на кассе.

Общение с посетителями мне нравится гораздо больше! Нравится помогать с поиском и выбором нужных книг, видеть их улыбки. Стоит очереди немного рассосаться, Рэбел ожидаемо подходит ко мне и осторожно кивает на Доминика.

— Что происходит? Почему он здесь?

— Можешь не шептать, — говорю я, — он все равно нас слышит.

Рэбел выглядит смущенной.

— Все время забываю, какой у них слух. Но не уходи от моего вопроса.

Ну и как объяснить все подруге в присутствии трех вервольфов?

— Доминик решил мне помочь перед праздниками.

— Смеешься надо мной? — У Рэбел такой вид, будто я сморозила какую-то чушь. — Правда? Я за все время работы здесь видела твоего мужа от силы пару раз. Думала, ты его не подпускаешь к магазину. А этого, получается, впустила в святая святых.

Попробуй его не впустить!

— Дэнвер сам не хотел помогать.

Это чистая правда. Муж ненавидел мой магазин и мою работу, о чем и сказал в вечер последней ссоры. Он никогда мне не помогал. А Доминик сам предложил помочь, хотя мог вообще этого не делать. Вбивал в базу и проверял зачастую раздражающие меня заказы. Еще умудрялся отвечать на вопросы посетителей, блуждающих по торговому залу. Обычно это были привлекательные молодые женщины, и тогда моя волчья суть начинала ощетиниваться. Но он их разворачивал, поэтому она сразу успокаивалась.

— Твой альфа, видимо, хочет, — усмехается Рэбел.

Из-за малыша. Он делает это не ради меня, а потому что я ношу его волчонка. Это логично. Так откуда взялось это разочарование?

К счастью, следующий покупатель отвлекает меня от подобных мыслей, работа идет своим чередом и настолько увлекает, что я не замечаю, как Доминик ко мне подкрадывается, когда магазин снова пустеет.

— Я закончил.

— Надоело?

— Нет. Я проверил все заказы, ввел их в базу и ответил на все письма.

Я приподнимаю брови.

— Что значит — все?

— Все, что там были.

Я иду проверять, и понимаю, что он потратил час на то, что я бы делала неделю. Конечно, я все время отвлекаюсь на помощь Рэбел, на работу на кассе и на личную жизнь, но все-таки.

— Спасибо, — благодарю его искренне.

— Пожалуйста. Тебе нужно отдохнуть.

— Я еще не устала.

Во мне действительно море энергии, а сейчас только середина дня.

— Это не предложение, Шарлин. Тебе нужно сделать перерыв и поесть ради нашего ребенка.

— Ребенка? — восклицает подошедшая к нам Рэбел. — Владыка, я была права!

Я бросаю на Доминика сердитый взгляд, но он непреклонен.

— Я хотела рассказать тебе. Не так.

— Не имеет значения, как. — Потрясение подруги сменяется беспокойством. — Я могу тебя поздравить? Вас поздравить.

Она пристально смотрит на меня, и Доминик тоже, будто ему действительно интересно, что я отвечу.

— Да, Рэбел, можешь. Не все гладко, но я очень рада своему малышу.

Она прижимает меня к своей большой груди.

— Я так рада, Чарли! Ты как никто заслуживаешь счастья.

А я с грустью думаю, что у меня какое-то странное счастье. Или же я не умею ценить то, что есть.

— Мне нужно на обед, — говорю я.

— Конечно, — кивает Рэбел. — Не торопись. Ребенок, надо же, — последнее она бормочет себе под нос, возвращаясь к делам, оставляя нас с Домиником.

— Возьму пальто, и пойдем. Я знаю один неплохой стейк-хаус поблизости. Нам с малышом там нравится.

— Ты хотела сказать — малышкой? — напоминает он о нашем утреннем разговоре.

— Да, малышкой.

Доминик набрасывает пальто мне на плечи, но выйти мы не успеваем: сначала я замечаю, как напрягаются руки вервольфа, а потом слышу его тихое, но от этого не менее угрожающее рычание.

Колокольчик сообщает о новом посетителе, и в магазин входит Хантер.

Глава 4

Я могу поклясться, что кожей чувствую, как между вервольфами пробегают искры ярости и неприятия. Они застывают друг напротив друга как хищники, готовые наброситься в любой момент. Как волки. Хотя остаются в человеческом облики и между ними все пространство торгового зала.

К счастью, пустого! Не считая вервольфов Доминика и Рэбел.

Сейчас Хантер не считает нужным скрывать свою суть, поэтому его глаза загораются ярко-синим, и за стеклами очков это смотрится жутковато. Пальцы Доминика застывают на моих плечах, он не сжимает их, но я понимаю — мне просто не позволят двинуться с места.

— Торопишься встретить свою смерть, Бишэм? — Даже голос Доминика напоминает рычание зверя.

— Вообще-то нет. — А вот голос Хантера звучит до холодности спокойно. — Тем более что мы договорились о встрече в другом месте.

— Тогда что ты здесь забыл?

— А как же клиентоориентированность? Видишь ли, это единственный букинистический магазин в Крайтоне, где можно достать нужные мне редкие издания.

— Тебе придется доставать их где-то еще. Или заказывать доставку.

— У нас нет доставки, — шепотом отвечаю я.

— Теперь будет, — отрезает Доминик. — Я запрещаю тебе приближаться к Шарлин и ее магазину.

Историк складывает руки на груди.

— Ты не можешь мне ничего запретить, Экрот. Я не вхожу в твою стаю. Я вообще не являюсь членом ни одной стаи.

— Если хочешь дожить до нашей битвы, придется смириться с моими требованиями. Иначе я буду расценивать это так, что ты снова посягаешь на мою территорию и мою женщину.

Мне становится жутко. Прямо как в тот момент, когда я поняла, что Хантер увозит меня непонятно куда. Я не представляю, что буду делать, если они все-таки сорвутся с цепи и разнесут мой магазин. Но главное — они же могут просто поубивать друг друга!

Я осознаю, что последнюю минуту просто не дышала, и жадно втягиваю воздух ртом. Получается какой-то недостон. И неожиданно Доминик притягивает меня к себе, нежно обнимая и обволакивая собой. Это на уровне инстинктов, что-то настолько глубокое, что я не способна понять или объяснить, но я мгновенно чувствую себя в безопасности. Оп — и я будто защищена со всех сторон. Чувство такое странно, что я на время отвлекаюсь от историка, смотрю только на профиль альфы. Скоро, наверное, все изгибы и впадины на его лице выучу!

— Хорошо, — подозрительно внезапно соглашается Хантер, напоминая о себе. — Я подожду. А когда выиграю бой, вернусь сюда: и в магазин, и к Шарлин.

Идиот! Специально же нарывается!

Но Доминик на этот раз не ведется на провокацию.

— Сначала выиграй, — говорит он.

Хантер обводит взглядом магазин (я только сейчас замечаю, что вервольфы Доминика подобрались и готовы наброситься на него в любой момент) и кивает:

— До встречи на ринге.

А после уходит.

Снова звякает колокольчик, но это уже две женщины, которые не имеют к историку никакого отношения. Внутри меня начинает мелко подрагивать, особенно когда Доминик отстраняется.

— Он больше не приблизится к тебе, Шарлин, — обещает он.

— Если ты выиграешь.

Я всегда была оптимисткой, но сейчас, видимо, мой оптимизм сломался. Даже представлять не хочу, что такое волчий ринг, и как будет происходить бой. Хотя это сделать несложно.

— Я выиграю.

— Он не обычный вервольф, Доминик.

— Он полукровка.

— Нет, дети имани — они как суперволки! Ты же видел, какие у него глаза. Такой будет и наша дочь.

— Даже не сомневаюсь в том, что наш сын родится сильным и могущественным волком.

Я ударяю его по плечу. Вряд ли больно, но мне просто необходимо выплеснуть напряжение.

— С тобой бесполезно спорить!

— Я уже давно тебе об этом говорю. Он ушел, так что мы можем идти.

Только на крыльце магазина вспоминаю, что я ничего не объяснила Рэбел. В последнее время рассеянность — мое второе имя. Но неудивительно, сейчас все мои мысли заняты совершенно другим!

— Доминик, когда будет ваш бой?

— Это неважно.

— Нет, важно, — останавливаюсь я прямо посреди улицы. — Помнишь, мне нельзя нервничать или раздражаться. А я буду раздражаться, если не получу ответы на свои простые вопросы!

Доминик смотрит на меня так, будто готов придушить на месте, но спустя долгую минуту отвечает:

— На встрече с Кампалой.

Так скоро?

И отговаривать его бессмысленно. Мне должно быть плевать, но мне не плевать. Наоборот, сердце сжимается от дурного предчувствия. А потом сжимаюсь я вся.

Когда делаю шаг к его машине, и низ живота простреливает болью.

Боль такая, что я не могу сдвинуться с места, и у меня вырывается:

— Ай!

Громкий такой «Ай», хотя хватило бы и тихого: Доминик в секунду оказывается рядом и подхватывает меня, не позволяя осесть на тротуар.

— Что такое?

— Малышка, — цежу я и морщусь от новой мучительной волны, теперь отдающей в поясницу. — Ай!

Доминик резко бледнеет.

— Видимо, доктор Милтон был прав, — выдыхаю. — Мне противопоказан стресс.

— Шарлин, если ты решила меня напугать, сейчас самое время признаться, — рычит вервольф.

А мне хочется ему врезать. Если бы любое движение не приносило мне столько мучения, точно бы врезала!

— Ты не альфа, ты идиот! Я таким шутить не стану!

— Великие предки, — шепчет он, осторожно поднимая меня и с ноги открывая дверь магазина.

Представляю, как это выглядит для посетителей. Но новый спазм вычеркивает из сознания остальные мысли.

— Вызови доктора Милтона, — приказывает Доминик, видимо, одному из вервольфов. — Сюда. Как можно скорее. И закрой магазин.

Меня укладывают прямо поверх стеклянных столов с книгами, с которых я пытаюсь сползти. Безуспешно, потому что Доминик тут же возвращает меня на место.

— Они же треснут, — говорю я.

— Ничего не треснет. Тебе нужно лежать.

С последним я согласна, потому что любое даже самое незначительное движение заставляет выгибаться от боли и крепко сжимать зубы, сдерживая стоны. Я даже на бок не могу перевернуться, чтобы при этом не заорать.

— Что происходит? — надо мной склоняется Рэбел.

— Это из-за ребенка, — объясняет Доминик, подкладывая под мою голову свернутый плед. — Потому что он мой.

— Потому что ты вервольф?

— Да, еще и альфа.

Меня снова всю скручивает изнутри и накрывает страхом. Липким, жадным, затягивающим меня в беспросветную темноту. Несмотря на то, что моя малышка пришла ко мне неожиданно. Несмотря на то, что не все гладко в моей жизни и в отношениях с ее отцом. Несмотря ни на что, я всем сердцем хотела ее.

— Я не хочу ее потерять, — всхлипываю я, и чувствую, как по щекам струятся слезы.

Потому что сейчас мне страшно как никогда.

— Не потеряешь, Чарли. — Рэбел гладит меня по волосам. — Детка, дыши глубоко. Вот так. Ты справишься. Твоя малышка появится на свет, когда нужно.

— Шарлин, — говорит Доминик, и я вижу его лицо через пелену слез. — Ты сама сегодня заявила, что ты имани, значит, сможешь выносить моего сына.

— А если не смогу?

— Сможешь. Ты же альфа. Моя маленькая альфа.

Его голос звучит уверенно, и в то же время нежно, что я перестаю рыдать и прошу:

— Сделай так, как ты делал.

— Что? — хмурится он.

— Как ты делал, когда приходил Хантер.

— Но я ничего не делал.

— Тогда просто обними меня.

Больше объяснять не приходится, Доминик прижимает меня к себе, и я снова оказываюсь под его защитой. Мы с малышкой оказываемся. Это удивительное чувство, мне тепло и уютно. И даже следующий спазм не такой яркий.

Доминик укачивает меня, как ребенка, и боль постепенно сходит на нет. Низ живота по-прежнему тянет, но по сравнению с тем, что было, это ерунда. И все же Доминик не отпускает меня до самого приезда доктора Милтона. Только потом неохотно размыкает объятия и отступает в сторону.

Доктор снова меня осматривает, судя по привезенной им технике, которая сначала представилась мне двумя чемоданами, он захватил с собой маленькую лабораторию.

— Сейчас все хорошо, — обнадеживает Милтон. — Кризис миновал, но это именно то, о чем я вас предупреждал. Чрезмерная физическая или психическая нагрузка может спровоцировать выкидыш.

— Что значит чрезмерная? — интересуюсь я, стараясь сдержать рвущееся наружу раздражение. — Я сегодня вообще не напрягалась. Невозможно же вовсе не нервничать и не волноваться?

Он поворачивается к Доминику:

— А это уже вопрос к вам, альфа Экрот.

— Я позабочусь о том, чтобы она не нервничала.

Мне хочется закатить глаза, потому что я узнаю этот тон. Наверняка, готов немедленно посадить меня под колпак. Но я-то знаю, что дело не в идеальных условиях, а во мне самой. Это мне нужно взять под контроль собственные чувства и думать прежде всего о малышке. Иначе какая из меня мать? Поэтому я поглаживаю живот и мысленно прошу у нее прощения.

Доктор собирает свои чемоданчики и уезжает.

— На сегодня твой рабочий день закончился, Шарлин, — включает строгого альфу Доминик. Хорошо хоть не приказывает закрыть магазин.

— Да, тебе нужно отдыхать, Чарли, — вклинивается Рэбел. — Насчет магазина можешь не переживать — я справлюсь. У меня теперь есть мальчики, а скоро придет Лола.

— Что мне остается, если вы и так все за меня решили?

Я ворчу больше для вида, потому что после этого чудовищного приступа мне больше всего на свете хочется покушать и поспать. К счастью, мне разрешили стоять и ходить, поэтому я сажусь.

— Доминик, — прошу я, — дай мне пять минут. Я поговорю с Рэбел, а потом можешь везти меня, куда захочешь.

Я готова к спору, но он кивает:

— Я вернусь через пять минут. Не вздумай идти самостоятельно.

Как это на него похоже — раздавать приказы направо и налево. Но я напоминаю себе о спокойствии.

Стоит ему уйти, я поворачиваюсь к Рэбел.

— Кажется, я теперь редко буду появляться в магазине.

— Я уже поняла, и от своих слов не отказываюсь.

— От меня обязательная прибавка к зарплате.

— Ловлю на слове, — смеется подруга и обнимает меня.

— Спасибо тебе.

— На здоровье!

— Если возникнут какие-то вопросы...

Рэбел меня перебивает:

— Чарли, я надеюсь, он не увезет тебя в глухой лес, где не будет связи! Если возникнут вопросы, с которыми я не смогу справиться самостоятельно, я тебя наберу. Договорились?

Я киваю и с ужасом понимаю, что снова готова расплакаться.

— Это от избытка чувств, — пытаюсь объяснить сквозь слезы.

— Ты беременна, детка. У нас и не такое бывает. Уже рассказала родителям?

— Пока нет.

Не представляю, как и что им расскажу.

«Я беременна от вервольфа, так случается».

«Ваша внучка теперь сможет бегать по лесу на четырех лапах и спать на снегу».

«Скоро ее отец женится, так что нас ждет двойное пополнение семьи».

«Между нами связь, которую я не могу объяснить».

И с последним...

— Все сложно.

Видимо, пять минут закончились, потому что в магазин возвращается Доминик, и мне ничего не остается, как пожелать Рэбел удачи.

Вервольф снова подхватывает меня на руки, и я возражаю:

— Я могу идти сама.

— Уверен, что можешь. Но пусть лучше я надорву спину, чем ты опять перетрудишься.

От возмущения я даже забываю про свою просьбу.

— Ты надрываешь спину?!

— Нет, ты почти ничего не вешишь. Тебе нужно больше есть.

— С этого дня ем столько, чтобы ты точно спину надорвал, когда в следующий раз решишь таскать меня на руках.

— Не настолько больше.

Доминик старается выглядеть серьезно, но уголки его губ все равно ползут вверх. Значит, издевается надо мной! Поэтому в машине я решаю отодвинуться от него и не разговаривать, и меня даже хватает минут на двадцать. Правда, ровно до того момента, когда я понимаю, что городской пейзаж сменился лесным.

Кажется, насчет «вези меня, куда хочешь» я сильно погорячилась. Мантон-Бэй явно в другой стороне.

— Куда мы едем?

— В безопасное место.

— В твой домик в лесу?

— Нет, его нельзя назвать безопасным. Случай на парковке показал, что Кампалу и Бичэма от твоего похищения не остановила даже небольшая армия вервольфов, которой я тебя окружил. Значит, они вполне способны проникнуть и на мою виллу на побережье. Я не знаю, что у них на уме, не хочу рисковать.

— Поэтому ты везешь меня в лес?

— В Морийский лес, точнее в родовое поселение. Оно принадлежит моей стае.

О поселениях вервольфов нам рассказывали еще в школе: у каждой стаи с самых древних времен были свои земли, своя территория. В современном мире границы стерлись, и теперь взрослые вервольфы могут оставаться со стаей, а могут жить отдельно, но земли стаи священны. В поселениях обычно отмечают все праздники, собирают советы. Ни один чужак не может ступить на земли стаи без разрешения альфы. Еще в самом начале нашего знакомства, Дэнвер обещал однажды показать мне свое поселение и познакомить с родителями, но дальше разговоров это не пошло. Подозреваю, что прошлый альфа отказался допускать меня на вверенную ему территорию, а Доминик — сам закон.

Но здесь вся его стая! И родители Дэнвера!

— Доминик, я не хочу в лес. Мне туда не надо.

— Это поселение, Шарлин. Я не заставляю тебя жить в лесу буквально.

— Но там твоя стая.

— Да.

— Я не готова к новым знакомствам.

Кажется, голос выдает мое волнение, потому что Доминик неожиданно сжимает мою ладонь. Так осторожно и одновременно с этим крепко, что в меня втекает его уверенность.

— Тебе не обязательно с кем-то общаться. Ты будешь жить в доме альфы, он современный и удобный, и гораздо больше моего на Мантон-Бэй.

— Тогда почему ты сам там не живешь?

— Люблю побережье.

Почему-то у меня ощущение, что он что-то недоговаривает.

— В поселении свежий воздух, много троп для прогулок, это полезно для тебя и волчонка. Я приказал забрать твои вещи и ноутбук, сможешь закончить книгу.

— Это удар ниже пояса.

Доминик коротко улыбается, но потом вновь становится серьезным.

— Я не смогу быть все время рядом, а если и есть место безопаснее земель стаи, мне оно неизвестно.

Разве у меня есть выбор?

Я глубоко вздыхаю и, глядя ему в глаза, интересуюсь:

— Обещаешь мне жизнь без стресса?

— Только в ближайшие месяцы.

— Почему?

— Ты слишком альфа, чтобы жить без нервов.

Подумать над тем, прав он или нет, я не успеваю, мы приближаемся к посту охраны и тут же оказываемся за высокой стеной. Я наконец-то могу рассмотреть поселение вервольфов.

Это поселение? Это маленький город!

Местность здесь гористая, поэтому аккуратные дома построены на склоне вдоль трассы, по которой мы поднимаемся. Некоторые из них старинные, похожие на те, что сохранились в старой части Крайтоне, а некоторые — современные, с панорамными окнами и гаражами. На самой вершине этой пирамиды — без преувеличения огромный каменный особняк с красной крышей, выделяющейся среди укутанных снегом гор и вечнозеленых сосен. Здесь, за городом вообще много снега.

— Твой домик? — Я киваю на махину впереди.

— Теперь мой.

— Теперь?

— Это особняк альфы, переходит по наследству. Раньше он принадлежал моему дяде, а до него моему деду. И так далее. Ему больше двухсот лет.

— Там водятся призраки?

— Нет, — усмехается Доминик. — Только пыль, если ее не убирать.

Мы проехали через мост и оказались на выложенной брусчаткой площади. Ничем другим ее назвать не получилось бы.

— Площадь судеб. Здесь раньше собирались советы и альфы вершили судьбы вервольфов.

— Звучит пафосно.

— Для тех времен это было нормально. Сейчас это любимое место для прогулок, а вот на той стороне кафе и ресторан, их держат мои родственники по отцовской линии. Можешь как-нибудь сюда заглянуть.

Точно город!

Я втянула воздух в легкие и так же медленно его выдохнула. Чем ближе мы подъезжали к дому, тем больше я волновалась. И дело было вовсе не в призраках, а в живущих здесь вервольфах. Для такого большого поселения удивительно, что мы никого не встретили по дороге, но это не мешало мне нервничать.

Впрочем, не оценить величие и красоту особняка, на подъездной аллее которого мы остановились, я не могла. Трехэтажный, с вытянутыми окнами, светлыми стенами с фигурно выложенными камнями. Он как произведение искусства. Как музей! По крайней мере, снаружи.

— Понимаю, почему ты отказываешься в нем жить. Навскидку здесь может поместиться все поселение.

— Ты права, он слишком большой для одного, но для семьи в самый раз.

Доминик бросает на меня пристальный взгляд, но я делаю вид, что не замечаю этого. Потому что у нас с ним счастливой семьи не получится. Вообще никакой не получится.

Вервольф снова решает нести меня на руках, и сейчас я не возражаю. Во-первых, я устала, чтобы спорить. Во-вторых, на вершине горы гораздо холоднее, чем в Крайтоне, а он все-таки большой и горячий вервольф, способный согреть и меня, и малышку. Парадную дверь открывает Оуэн, и я выдыхаю с облегчением. Хоть здесь знакомые лица!

— Привет, — здороваюсь я, но вервольф остается привычно суровым.

Мне бы еще в эту глушь Венеру, и все будет замечательно.

— Я могу одолжить у тебя ассистента? — интересуюсь у Доминика, который несет меня вглубь дома.

— Обсудим это позже.

— Почему не сейчас?

Мой слух наконец-то улавливает голоса. Множества голосов. Издалека этот звук напоминает осиный рой, но чем ближе он становится, тем ярче я начинаю различать человеческие голоса. Человеческие ли?

Я даже забываю рассматривать интерьер, а Доминик уже останавливается возле высоких двустворчатых дверей. Останавливается только для того, чтобы еще один вервольф распахнул их перед нами.

Мы оказываемся в большом зале, и я получаю ответ на свой вопрос, куда подевались все поселенцы. Кажется, здесь собралась вся стая — мужчины, женщины, дети. Все они единодушно замолчали и посмотрели на нас.

На меня.

Готова поклясться чем угодно, в меня впились взгляды всех присутствующих. Любопытные, удивленные, яростные, неприветливые. Представляю, что они все думают! Какого беса их альфа притащил к ним человека?!

— Это ты называешь без стресса? — интересуюсь я надтреснутым шепотом, который, наверное, в такой тишине звучит с мощью отбойного молотка.

Доминик ставит меня на пол, но продолжает обнимать. Честно, лучше бы за спину задвинул! Так хотя бы все смотрели на него, а не на меня.

— Ты в безопасности, — сказал Доминик, касаясь губами моего уха, а потом обратился к вервольфам: — Приветствую тебя, стая.

— Приветствуем тебя, альфа, — ответили они в один голос, очевидно соблюдая какой-то ритуал.

— Эта женщина — моя, и она носит моего волчонка.

По толпе пронесся недоверчиво-удивленный гул, и я их понимала. Сама бы раньше не поверила.

— Да, такое возможно, это подарок волков-предков. Ее зовут Шарлин и теперь она будет жить в моем доме как член стаи.

Я покосилась на Доминика и едва удержалась, чтобы не наступить ему на ногу. И то исключительно потому, что мы с ним были в центре внимания. Я не соглашалась жить в стае! Я вообще не должна присутствовать на этом собрании.

— Любое оскорбление, любой нанесенный ей вред будет приравниваться к оскорблению мне, и отвечать вы тоже будете передо мной по нашим волчьим законам. Если кто-то не согласен с моим решением, пусть скажет это сейчас.

Теперь настала моя очередь вглядываться в незнакомые лица. У мужчин в большинстве своем они были суровые и хмурые, а у женщин — удивленные и сосредоточенные. Только волчица в первом ряду, смуглая и высокая, открыто мне улыбалась. Я неуверенно улыбнулась в ответ, скользнула взглядом к стоящим возле ближайшего окна вервольфам и узнала в немолодой, но по-прежнему красивой паре родителей бывшего мужа.

Кримсон и Анна Брайс. Я знала их в основном по фотографиям, и помнила по одной-единственной встрече. Когда они пытались уговорить меня бросить Дэна и отказаться от нашей свадьбы, проще говоря — пытались откупиться. Потому что я была недостойна их сына, из-за меня его прогоняли из стаи. Я тогда была не слишком вежлива, послала их к бесам, и больше мы не встречались. Но вряд ли их отношение ко мне изменилось.

Они даже не позвали меня на похороны Дэнвера, а Доминик предлагает мне жить с ними на одной закрытой территории. Как он это представляет?

Впрочем, когда Доминик поинтересовался:

— Все меня слышали?

— Да, альфа, — вервольфы ответили единодушно, в том числе и родители Дэна.

Доминик удовлетворенно кивнул, снова подхватил меня на руки и понес назад. Правда, в холле свернул не к выходу, а к широкой лестнице, расходящейся рукавами и уводящей на второй и третий этажи.

Я молчала.

Я честно молчала на второго пролета лестницы. Мысленно напоминала себе о волчьем слухе, и о том, что вряд ли стая начнет меня воспринимать дружелюбнее, если я начну нецензурно орать на их альфу. Но по дороге на третий этаж, я поняла, что меня порвет на маленькие сувенирные флажки с празднования Дня освобождения Крайтона, если я не скажу этому мохнатому все, что думаю!

— Доминик, — рычу я, — жизнь среди вервольфов — это совсем не то, что прописал мне доктор!

— Нужно было познакомить тебя со стаяей, Шарлин. Теперь все позади, и ты можешь отдохнуть.

В подтверждение своих слов он внес меня в большую спальню и усадил в ближайшее кресло. Сесть мне, действительно, не помешало бы. Тем более кресло оказалось таким мягким, что я в нем почти утонула.

— Отдохнуть? Да я теперь буду бояться дышать!

— Бояться?

— Да, бояться вервольфов, которые считают, что мне здесь не место.

Доминик склонился надо мной и положил руки на подлокотники, так, что наши лица оказались на одном уровне.

— Шарлин, ты боишься Венеры?

— Нет.

— А Оуэна?

Я задумалась, но поняла, что мой большой и не улыбочивый телохранитель не вызывает во мне страха.

— Тоже нет. Но я догадываюсь, куда ты клонишь. Венера и Оуэн не тоже самое, что огромная стая вервольфов.

— Это моя стая, — напоминает Доминик. — Они давали клятву слушаться меня во всем. И теперь они будут слушаться во всем тебя.

— Потому что я ношу твоего волчонка?

— Потому что ты моя женщина.

— Кстати, о женщинах. Как скоро здесь появится Одри?

Доминик прищуривается и подается вперед, так, что мы едва не соприкасаемся носами. Мне хочется отодвинуться, но отодвигаться просто некуда, можно только сползти вниз по спинке кресла. Его звериная суть давит, но еще больше на меня давит собственное некстати вспыхнувшее желание податься вперед.

— Разве тебя не раздражают разговоры про Одри? — спрашивает он.

— Очень раздражают.

— Значит, не будем о ней говорить.

Все так просто?!

— Ты боишься ответить на простой вопрос?

Я хочу задеть Доминика, так же сильно, как он задевает меня. Сделать ему больно, но он даже носом не ведет.

— Боюсь? Нет, Шарлин. Я думаю, ты просто еще не готова услышать мой ответ.

— И что это значит, бесы тебя заберут?! — рычу я.

— Я расскажу тебе позже, — обещает этот образец мужской невозмутимости. — Тебя устраивает твоя комната?

Устраивает ли меня комната?!

Он выпрямляется, а я теперь рычу натурально. Так, что все волки в округе, должно быть, умерли от зависти! Я взвинчиваюсь с кресла пружиной, бросаюсь на Доминика и колочу кулаками по его твердой груди, царапаюсь и кусаюсь. Рвусь на свободу, когда он перехватывает меня за талию. Тогда я ударяю со всей силы, и Доминик падает на пол, а я падаю вместе с ним. На него.

Ощутимо ударяюсь коленом, но это, наверное, ничто по сравнению с тем, что чувствует этот мерзавец, когда я бью его в живот. До усталости, до ответной боли в ладонях и кулаках, до сбившегося дыхания. Ему должно быть больно. Больно. Больно!

Я выдыхаю последний хриплый рык и только сейчас осознаю, что Доминик не сопротивляется: он осторожно удерживает меня, но кажется, больше для того, чтобы я в своем яростном желании ему навредить сама себя не стукнула. И желание вредить даже ему как-то резко пропадает. Это как бить ногами связанного. Хотя он не связан, и ногами я его не била, но все равно уже не то.

Тогда сдуваю прядь волос, упавшую на глаза, и вижу, что Доминик улыбается. Не просто улыбается, тихо смеется.

— Какого беса тебе весело?

— Ты великолепна! — говорит он, приподнимаясь на локтях.

— Как это понимать?

— Когда злишься, ты превращаешься в настоящую волчицу.

— Я не волчица!

— По поведению и не скажешь.

На это мне ответить нечего, потому что в последние минут пять я вела себя не просто как волчица, как очень агрессивная волчица. Владыка, в кого я превращаюсь?!

— Почему ты дал себя ударить?

— Потому что тебе это было нужно.

Мне действительно это было нужно. Но это совсем не ответ на мой вопрос.

— У тебя царапина на скуле. — Я провожу пальцами по его щеке, слежу за этой линией, чтобы не смотреть Доминику в глаза. Потому что вместе с осознанием своей вспышки меня накрывает стыдом.

— Ерунда, к вечеру затянется.

Ну да, для него мои удары — наверное, как готовить и порезаться ножом. Неприятно, но жить можно. А для меня... Это я его так укусила?!

— Шарлин, посмотри на меня, — просит Доминик, но мое внимание полностью поглощено следами зубов у него на шее, наливающимся кровоподтеком.

— Я веду себя как какая-то зверюга.

— И это невероятно возбуждает.

Теперь я смотрю на него. Недоверчиво так смотрю.

— Тебя возбуждает, когда тебя бьют?

— Меня возбуждаешь ты. — Доминик позволяет ладоням сползти на мои бедра и вжимает меня в свой пах. Учитывая, что моя юбка давно задралась, я чувствую это очень ярко, и мое дыхание снова сбивается. — Такая воинственная, необузданная и сидящая сверху.

— Знаешь, в такой позе сложно тебе не поверить.

Мы смотрим друг на друга одну долгую секунду, а потом просто сталкиваемся. Телами. Руками. Губами. Мы целуемся так же яростно, будто мы изголодавшиеся волки. Жадно, сильно, страстно.

Меня ведет, и по телу растекается огонь, грозящий поглотить меня целиком. Еще немного, и остановиться будет сложно, поэтому я отстраняюсь.

— Нет, я не могу так.

— Можешь. — Голос у Доминика хриплый и спокойный, но я чувствую, что контроль дается ему так же сложно, как и мне. — Отпусти себя наконец, моя маленькая альфа.

— Не смей меня так называть! — снова рычу я и кусаю его за нижнюю губу. От ответного стоны у меня мутится сознание.

Все к бесам! Мне это даже доктор прописал!

Я дергаю за пуговицы на его рубашке, и, кажется, с парочкой расправляюсь сама, остальные отлетают стараниями Доминика от единого рывка. Моей водолазке везет больше, ее просто стягивают через голову. По обнаженной коже бежит прохлада, но это ничто по сравнению с жаром большого сильного волка. Пока Доминик расправляется с молнией на брюках, я глажу его грудь и живот, чтобы хоть немного успокоить грохочущее в груди сердце. Потому что нам уже не до прелюдий. Я хочу его так, что снова готова рычать.

Мой волк это чувствует, потому что дальше совсем не церемонится: просто двигает кромку нижнего белья в сторону и входит в меня. Плавно. Слишком плавно для того, чего хочется мне. Тогда я приподнимаюсь и насаживаюсь на него сама, задавая собственный ритм.

— Не торопись, — уговаривает он, хотя я чувствую, что я его тело под моими ладонями напряжено до предела.

— Мне можно. — Я ловлю его дикий взгляд. — Нужно. Я так чувствую.

И Доминик отпускает меня, позволяет вести, наращивая темп. Врезаться в него, царапать грудь теперь не от ярости, а от звериного желания быть с ним единой.

Мгновение — и от наслаждения скручивает все тело, перед глазами темнеет. С моих губ срывается долгий стон, и одновременно с ним я слышу рык Доминика.

Я падаю ему на грудь, меня всю колотит, а по телу продолжают разливаться волны удовольствия. Такого со мной не было. Такого я не чувствовала за всю свою жизнь. Ни с другими мужчинами, ни даже с Домиником.

Это из-за беременности? Или...

Доминик напрягается раньше, чем я успеваю услышать шаги на лестнице.

— Кажется, у нас гости.

Хочется пожелать гостям возвращаться туда, откуда пришли. Потому что Доминик выглядит так, будто я его изнасиловала: искусанным и исцарапанным, а я... Даже представлять боюсь, как я сейчас выгляжу.

После быстрого секса.

После быстрого страстного секса на полу.

Тут нет зеркал, но губы горят от яростных поцелуев, соски снова сморщились, на этот раз от прохлады, а юбка задралась до длины мини.

Впрочем, Доминик ловко перекачивается на бок, поднимается и увлекает меня за собой. Ему хватает несколько секунд, чтобы стянуть с себя рубашку и накинуть мне на плечи, а после застегнуть молнию на брюках.

Незванный гость ступает мягко и осторожно, останавливается за дверью: он явно в курсе того, что между нами произошло, и вежливо ждет, когда мы приведем в себя в порядок. Хотя мое мнение — был бы он вежливым, остался бы внизу!

А вот мягкость и осторожность наводит на мысли, что с той стороны волчица. Понятия не имею, откуда у меня эта уверенность, но почему-то не оставляет эта мысль. Интересно только, кто она.

Вряд ли мать Дэнвера. Судя по взгляду, который я поймала внизу, она меня по-прежнему на дух не выносит.

Одри? Она не из этой стаи, да и вряд ли бы сейчас церемонилась. Скорее бы ворвалась в спальню в самый разгар процесса.

Кто-то из бывших Доминика?

Об этом я раньше не задумывалась, а вот сейчас задумалась и захотелось покусать его еще больше. Только этого не хватало!

Я влезла в рукава рубашки и завязала ее узлом на животе: получилось так себе, но кто бы там ни был за дверью — сам виноват. Или виновата. Почему-то в голову пришла странная мысль, что это теперь моя территория. И эта спальня. И этот дом. И этот мужчина.

Додумать ее я не успела, потому что Доминик приказал:

— Входи.

Дверь приоткрылась, и в спальню скользнула смуглая волчица. Та самая, что улыбалась мне в зале.

— Альфа? Не помешала?

— Здравствуй, Клара.

Сложно сказать сколько ей лет: волчицы всегда выглядели моложе человеческих женщин, но я бы дала не больше тридцати. Яркая и красивая, она мне напомнила Венеру. Только в отличие от ассистента Доминика, Клара смотрела прямо. Кажется, ее не смущала ни нагота альфы, ни мой вид. Интересно, почему?

— Представьте меня, пожалуйста, — попросила Клара.

Доминик привлек меня к себе, и на этот раз я не возражала. Несмотря на улыбку, я не собиралась доверять красивым волчицам.

— Шарлин, это Клара.

— Одри тут точно лишняя, — заметила я.

— Клара — супруга моего дяди. Когда я стал альфой, она отказалась покинуть поселение вместе с ним и осталась следить за домом.

Того самого дяди, который бывший альфа?

Я посмотрела на Клару по-другому. Значит, она волчица альфы, пусть даже бывшего. Тогда это вполне объясняет ее бесцеремонность. Объясняет, но не оправдывает. У стаи новый вожак.

— Я рада, что больше мне не придется за ним следить. Как вижу, у дома теперь новая хозяйка. Поздравляю. В том числе с малышом. Это действительно чудо!

— Я не...

— Благодарю, — перебивает меня Доминик, и посылает мне предупреждающий взгляд. — Но ты поднялась сюда не для знакомства.

Клара снова улыбается.

— Вообще-то меня прислала стая. Когда ты приказал всем приехать для срочного собрания, никто не знал, что думать. Новость про беременность твоей женщины стала для всех полной неожиданностью. Стая растерялась и совсем забыла о традициях.

— Традициях? — хмурится Доминик.

— Традиционным знакомстве, — кивает волчица. — Все семьи хотят познакомиться с ней, поздравить и устроить праздник в ее честь. Пока все не разошлись, я могу передать твое решение.

Праздник? В мою честь? Ни за что! Мне хватило собрания!

Но все здесь решает альфа, так что я вскинула голову, всматриваясь в лицо Доминика.

— У Шарлин достаточно непростая беременность, — объясняет он. — Думаю, ей не до празднований. Но так как праздник в ее честь, то решать тоже ей.

Вот же... волк! С одной стороны, предоставил мне выбор, с другой — перевел на меня стрелки. А если откажусь, стая меня невзлюбит?

— Решение нужно принять сейчас? — интересуюсь я и наталкиваюсь на еще одну хитрую улыбку Клары.

— Я не тороплю, — пожимает она плечами, — но сейчас вся стая в сборе. Впрочем, если нет, то неважно, когда они узнают.

Тут до меня доходит, к чему все это, и почему Клара не могла подождать час или два, или день, чтобы заявиться к нам с Домиником.

Это проверка!

Как с новичком в сплоченном коллективе.

Альфа представил стае свою женщину, и стая хочет знать, кто она такая.

Кто я такая.

Я могу отказаться. Я здесь задержусь в лучшем случае на несколько месяцев, так зачем разводить танцы с волками? Но в прямом взгляде Клары вызов. Она ждет, что я дам слабину, и тогда стая отнесется ко мне, как к очередной любовнице альфы, не стоящей их внимания. Не стоящей его внимания.

На самом деле мне не нужно их внимание. Я здесь для того, чтобы переждать в безопасности. Чтобы отдыхать и ни с кем не общаться. Чтобы малышке было хорошо. Но этот вызов нереально раздражает. Именно он не позволяет мне послать всех лесом.

— Хорошо, — киваю я. — Пусть будет знакомство и праздник. Если, конечно, возьмешься все организовать. Как понимаешь, для меня это сейчас слишком утомительно. К тому же, я не знаю обычаев.

Глаза волчицы вспыхивают, подтверждая мою догадку о проверке.

— Отлично. Тогда передам всем, что празднику быть. До встречи. Рада была познакомиться.

Вот тебе и спокойная беременность!

Клара уходит, а Доминик подхватывает меня на руки и несет к кровати.

— Эй-эй, полегче.

— Тебе нужно отдохнуть.

— Не помешало бы, — соглашаюсь я. Тем более, стоит головой коснуться подушки, у меня начинают смыкаться глаза. Из меня будто все силы выкачали. А ведь сейчас еще только середина дня!

— Ты все правильно сделала, маленькая альфа.

— Ты еще скажи, что гордишься мной, — ворчу я.

Доминик, кажется, что-то отвечает, но я уже проваливаюсь в сон.

Глава 5

Просыпаюсь я от зверского голода. За окном уже стемнело, и спросонья я не могу вспомнить, где нахожусь. Обстановка комнаты не похожа ни на мою спальню, ни на спальню Доминика. Комната очень большая, если не сказать огромная, а кровать, на которой я лежу, просто гигант: на такой только оргии устраивать. Но я умудрилась во сне заползти в самый центр. Или меня «заползли». В смысле, положили и даже стянули обувь.

Теперь живо вспоминается и моя драка с Домиником, и яростный животный секс после, и мое согласие на вечеринку для вервольфов. Поэтому я со стоном утыкаюсь лицом в подушку.

Вот кто меня за язык тянул? Нужно было просто отказаться! Но дело сделано, и эта Клара наверняка уже готовит вечеринку.

Впрочем, долго рефлексировать у меня не получается, потому что желудок напоминает, что обед мы благополучно пропустили, а голодать мне сейчас никак нельзя.

Включив прикроватный светильник, я привожу себя в порядок перед зеркалом в полный рост: поправляю рубашку и юбку, пытаюсь расчесать волосы пальцами. В конце концов, бросаю это занятие и надеюсь, что вечеринка назначена не на сегодня.

Теперь я могу получше рассмотреть обстановку дома, хотя он больше напоминает замок. Для начала тут все массивное: мебель, рамы картин и зеркал на стенах, лестничные перила. С поправкой на большие комнаты и коридоры все это выглядит вполне гармонично, но ощущение, что тот, для кого строили особняк был гигантом, не проходит.

Я понятия не имею, где Доминик, но надеюсь, что он не бросил меня здесь одну, а если и бросил, то с холодильником, забитым продуктами. Мне сложно для себя определить, хочу я после всего видеть Доминика или нет, но холодильник с продуктами точно хочу. Еще бы выяснить, где здесь холодильник, то есть кухня. Главный недостаток дома-музея — отсутствие указателей, но я решаю положиться на логику и спуститься на первый этаж.

Если зал для собраний и вечеринок здесь, значит, рядом должна быть и кухня. Не станут же нести закуски через весь дом? Рядом, но не впритык, иначе запахи кухни распугают всех гостей с хорошим обонянием.

Поэтому я возвращаюсь по тому пути, которым мы пришли с Домиником, и шагаю дальше. Я оказываюсь права, потому что, завернув за угол, улавливаю божественный аромат тушеного мяса и пряностей. К тому же, в конце коридора меня ждет сам альфа в том виде, в котором мы расстались: без рубашки и в царапинах.

При виде такого Доминика мне хочется развернуться и бежать куда глаза глядят, потому что во мне снова вспыхивает желание завалить его на первую попавшуюся поверхность. Будто еще пару или сколько там часов назад мы не трахались как впервые дорвавшиеся до секса подростки. Я едва подавляю в себе этот порыв.

Нет, так нельзя.

Все закончилось в ночь моего похищения, а точнее, в то утро, когда сам Доминик отказался и от меня, и от нас.

Так что я сжимаю кулаки и сосредотачиваюсь на голоде.

Кухня, в отличие от дома, современная, с длинными столами из черного камня, вытяжными шкафами и множеством разнообразных бокалов, подвешенных вверх ножками.

— Как настроение? — интересуется он, когда я подхожу.

— Я сейчас готова съесть даже тебя, если не покормишь.

Доминик усмехается и кивает на стол.

— Перенесем мою дегустацию на конец ужина.

Его намек даже намеком назвать нельзя, поэтому я понимаю, что нужно сразу расставить точки над i.

— Я знаю, что доктор прописал мне секс, и это вроде как полезно для моих гормонов и для развития малышки, но это больше не повторится.

Глаза Доминика сверкают желтым, он плотно сжимает губы, но тут же расслабляется.

— Никакого секса? — уточняет он, когда я занимаю место на высоком стуле и наблюдаю за тем, как вервольф ловко раскладывает мясо и овощи по тарелкам. — Почему? Почему ты так серьезно относишься к сексу, Шарлин?

— Видимо, недостаточно серьезно. Иначе бы я не залетела как глупая малолетка, которая не знает, откуда дети берутся.

— Ты жалеешь?

— О том, что я была душой? — фыркаю я. — Да.

— О том, что носишь моего сына.

— Что? — Я вскидываю голову. — Конечно, нет. Это моя дочь!

Доминик почему-то на этот раз не спорит, кивает и приступает к еде. Я тоже не отстаю, от нежного вкуса говядины и ее сочетания с ягодным соусом хочется мурлыкать от восторга.

Как же вкусно!

— Ты не ответила на мой вопрос.

Ну вот зачем портить такой прекрасный ужин ненужными разговорами?

— Насчет секса?

— Насчет секса.

Я делаю вид, что подбираю слова, но тут и подбирать нечего.

— Для меня секс — это нечто большее, чем животная страсть для здоровья и поднятия настроения. Поэтому наша сделка изначально была для меня неправильной.

— Теперь мы не связаны никакими сделками.

— Но ты снова хочешь заставить меня заниматься с тобой любовью!

Я готова откусить себе язык за такую оговорочку, поэтому быстро поправляюсь:

— Хотела сказать — сексом.

— Любовью, — задумчиво повторяет Доминик. — Я всегда думал, что ты боишься свободы. А ты боишься того, что я буду о тебе заботиться? Или же... Боишься, что я однажды перестану это делать? Оставлю тебя. Как это сделал Дэнвер.

— По-моему, разговоры за едой — очень плохая идея.

— А по-моему, в наших с тобой отношениях не хватает откровенности.

— У нас нет никаких отношений, нас связывает только ребенок.

— Есть, — отрезает Доминик. — И ты все время пытаешься их усложнить.

— Ха! Зато у тебя всегда все просто!

— Я не Дэнвер, — говорит он. — Я сказал тебе об этом еще в тот вечер на веранде, когда мы впервые поцеловались.

— Поправочка — ты меня поцеловал, я была против.

— Ты всегда была против меня. Всегда остерегалась, потому что чувствовала то же самое, что и я.

Я поднимаю голову и смотрю ему в глаза:

— Чувствовала что?

— Опасность.

— Опасность?

— Опасность, что стоит поддаться этому притяжению, оно тебя поглотит.

Значит Доминик чувствует то же самое, что и я? Это дикое желание, раздирающее изнутри. Эту одержимость. Эту опасность. Если да, то нам стоит держаться друг от друга как можно дальше, а не

жить под одной крышей.

— Ты прав. Опасностей стоит избегать. На то они и опасности.

Я кладу вилку на стол, вроде бы спокойно, но она все равно противно звякает о камень.

— Я наелась и возвращаюсь к себе в комнату.

Поднимаюсь, и Доминик поднимается за мной следом. Я не успеваю и шага ступить, как он оказывается рядом и всем телом прижимает меня к столешнице.

— Ты даже не попробовала десерт, — шепчет он мне в губы, и меня ведет.

— Малышке не нравятся сладости.

— Эта сладость ей точно понравится.

Он хочет меня поцеловать, или это я хочу его поцеловать?

— Доминик, не нужно, — упираюсь ладонями ему в грудь, и тут же понимаю свою ошибку: прикосновение кожа к коже обжигает.

Наши взгляды встречаются, и я замечаю, как меняет цвет его радужка. От светлого медового до ярко-желтого, и обратно. Вижу, как яростно бьется жилка на лбу. Как гулко отзывается сердце волка под моей ладонью.

— Я ничего не знаю про имани, — говорит он, — но в тебе явно живет волчица, которую ты все время подавляешь. Маленькая альфа, которая так мне нравится.

Он подается вперед и касается щекой моей щеки.

— Что ты делаешь со мной, Шарлин? Ты разрушаешь все мои барьеры. Заставляешь переступить через все принципы.

Делаю я?! Да я бы вообще ничего с ним не делала!

— Вроде тех, когда ты привез меня в дом альфы и представил стае?

— И это тоже, — соглашается он. — Ты имеешь надо мной власть. Ты — моя слабость. Я не могу отпустить тебя, сколько раз не пытался. Не могу забыть. Убеги ты от меня на край света, я нашел бы тебя по следам. Так может, хватит этому сопротивляться?

Последнее, что мне сейчас хочется — сопротивляться. Хочется податься вперед, целовать его,лизать все царапины и синяки. Вместе с этим принять все, что Доминик говорит. Без условий и условностей. Быть счастливой. Быть счастливыми вдвоем.

Я поддаюсь этому наваждению и тянусь к Доминику, но тихая мелодия разрушает момент.

Вервольф рычит и в мгновение оказывается возле панели коммуникатора, вмонтированную возле двери.

— Альфа, приехал прим Конелл. Говорит: что-то срочное.

Отец Одри?

— Пропустите.

— Хорошо.

Охрана отключается, Доминик поворачивается ко мне.

— Если хочешь десерт, он в холодильнике. Я присоединюсь к тебе позже.

Доминик уходит, а я выдыхаю и, прикрыв глаза, прислоняюсь к столу.

Не знаю, чего во мне больше: облегчения или разочарования. Этот разговор между нами — лишний. И его признание тоже. Они заставляют меня терять разум, самостоятельно разрушать границы, которые я так старательно выстраиваю между мной и ним.

Доминик прав лишь отчасти. Я боюсь не того, что он прекратит заботиться обо мне или о малышке, я сама способна о ней позаботиться. Я не хочу, чтобы он снова разбил мне сердце. Сердце, которое никак не восстановит свой нормальный ритм, несмотря на то, что вервольф давно ушел.

Я делаю вдох-выдох в попытке успокоиться.

Еще.

На третий раз бросаю это дело и решаю вернуться в спальню. Электронные часы на панели показывают половину девятого, поэтому лечь спать еще рано, но я могу попробовать написать главу или осмотреться и выяснить, где в этом доме ванная.

Интересно, что понадобилось отцу Одри в такое позднее время? Заскочил в гости по пути домой? Ага, в закрытое поселение далеко за городом! Я бы сейчас половину магазина отдала за то, чтобы послушать, о чем они говорят! Но даже если предположить, что я узнаю, где они с Домиником разговаривают, то вряд ли мне удастся подойти незаметно и подслушать хотя бы слово. Я, конечно, благодаря беременности овервольфилась или правильнее будет — обиманилась, но не настолько, чтобы двигаться бесшумно.

Поэтому мне остается только смириться с этим фактом и думать о книге. А еще о более короткой дороге в спальню. Должна же тут быть более короткая дорога! Или о том, чтобы на моем месте сделала книжная героиня? Наверняка, не стала бы отказываться от идеи узнать хоть что-нибудь.

Я возвращаюсь уже знакомым путем, но в холле притормаживаю, потому что натыкаюсь взглядом на двух вервольфов, застывших столбами по обе стороны от парадного входа, и смутно знакомую рыжую девушку в длинной белой шубе.

Отступить назад я не успеваю: вервольфы синхронно поворачивают головы в мою сторону, рыжая тоже оглядывается.

— Шарлин? Привет!

Только теперь я узнаю в ней любовницу прима Конелла, с которой мы познакомились в клубе альф. Тогда она была без шубы и улыбалась искренней. Но вот то, что шуба до сих пор на ней — знак хороший. Значит, отец Одри не собирается задерживаться надолго.

— Добрый вечер, Элис.

Рыжая снова улыбается, но как-то натянуто, и продолжать разговор явно не спешит. Я по клубу помню, что Элис — любительница поговорить и пораздавать всем советы, так что изменилось сейчас?

Развлекать гостей в мои обязанности не входит, но может, Элис все-таки расскажет что-то интересное. Поэтому я вежливо интересуюсь:

— Вы с примом Конеллом к нам по делам?

— К нам?! — хмыкает любовница. — Ричард приехал к Доминику. Из-за тебя.

Интересный поворот!

— Из-за меня? — переспрашиваю.

— Да, из-за твоей беременности и ее невозможности.

— Невозможности?

Чувствую себя глупо, повторяя за ней слова, но ничего не могу с собой поделать. Не знаю, злиться мне или смеяться

Элис нервно поправляет волосы.

— Ты не можешь быть беременна от вервольфа.

— Но я беременна. — Я складываю руки на животе. — От Доминика.

— Ты человек.

— Это чудо, — повторяю я слова Доминика из его речи перед стаей.

Элис качает головой.

— Неважно. Старейшины уже потребовали тест ДНК, так что правда все равно выйдет наружу.

— Мне скрывать нечего. — Я хмурюсь, хотя какой, к бесам, тест ДНК? — Какое отношение старейшины имеют к моему ребенку?

Взгляд Элис становится сочувствующим.

— Самое прямое. Рождение этого ребенка нарушит все столетиями устоявшиеся законы вервольфов. Если любовницы начнут рожать от вервольфов, то надобность в волчицах отпадет. А с появлением на свет полукровок их раса начнет вырождаться.

— Какой бред!

Какие-то вервольфы, которых я в глаза не видела, требуют от меня анализа. Да пошли они!

Память подсказывает слова Хантера о том, что он не подчиняется ни одному альфе.

— Мой ребенок не полукровка, но так как я не состою ни в одной стае, то волчьи законы ни на меня, ни на него не распространяются.

— Тебе придется выбрать стаю, если хочешь, чтобы он вырос среди волков. Не эту, конечно.

— Почему не эту? — Я приподнимаю брови. — Это стая его отца.

— Именно поэтому придется отдать его на воспитание в другую стаю. Чтобы избежать соперничества.

— Чьего соперничества?

— Детей и женщин, конечно же. Доминик слишком тобой увлекся, но такой сильный альфа должен оставить после себя сильное потомство, а значит, ему нужно жениться на Одри. В любой стае статус женщины альфы принадлежит жене. Волчице. Жены должны оставаться женами, любовницы — любовницами. Одни для продолжения рода, другие для души и удовольствия. Так сохранится порядок.

Кто вообще рассказал о моей беременности этим старейшинам? Сомневаюсь, что Одри, иначе ее отец приехал бы гораздо раньше, а не в день моего знакомства со стаей Доминика. Значит, кто-то из желающих устроить вечеринку. Вот тебе и стая! Сама преданность и честность. Очень надеюсь, на праздник в мою честь старейшин не позовут, потому что им я точно не буду рада.

Мне хочется рычать. Хочется послать всех куда подальше, но вместо этого я холодно интересуюсь:

— Значит, прим Конелл приехал, чтобы удостовериться, что Доминик не передумал насчет свадьбы?

— Ричард не хочет, чтобы его дочь чувствовала себя третьей лишней.

Бедняжка!

— Зря он так. Из нас троих получится замечательная семья.

У Элис приоткрывается рот, она даже не сразу находится с ответом. А потом делает шаг ко мне и переходит на драматично-доверительный тон:

— Ты не понимаешь, Шарлин. Ты теперь для них как кость в горле. Если Доминик нарушит закон, поставит тебя на один уровень с Одри, то нарушать можно будет всем остальным. А старейшины этого не хотят. Я тебе советовала, и еще раз повторю: лучше соглашайся на все их условия, и у тебя не будет проблем.

Согласиться на условия? Интересно, на какие? Чтобы у меня забрали малышку и отдали ее чужим вервольфам? А мне что прикажете делать?! Расслабиться и вычеркнуть этот период из своей жизни? Как будто мне мало проблем с Кампалой и сложной беременностью, теперь еще вервольфы-старейшины на голову свалились.

Поняла, что меня трясет, и резко себя осадила.

Да пошло оно все! В лес!

— Тебе какое до меня дело? — спрашиваю у рыжей. — Думаешь, Конелл бросит тебя в поисках новой любовницы, которая способна от него забеременеть?

Щеки Элис розовеют, судя по яростному взгляду, от гнева.

— Ты самоуверенная дура, если считаешь, что стая тебя примет!

Теперь вперед шагнула я. Что там доктор с Домиником говорили? Не сдерживать свои эмоции и новообретенную волчью суть. Так я с радостью!

— Как невежливо с твоей стороны оскорблять хозяйку дома.

— Ты не хозяйка!

— Парни, — я поворачиваюсь к вервольфам, — пожалуйста, попросите нашу гостью подождать в машине. Мне неприятно ее присутствие в моем доме.

Если тех вервольфов, которые помогали Рэбел в магазине, я знала, знала, что их зовут Пит и Бимар, то этих видела первый раз. Хорошо, наверняка, не первый, потому что они точно должны были присутствовать на собрании стаи, но помнила я их смутно. Очень молодые, темноволосые, похожие друг на друга, будто близнецы.

Они переглядываются, потом смотрят на меня, но я ни секунды не сомневаюсь, что они сделают именно так, как нужно мне. Просто знаю, и все.

Гадкая усмешка на лице Элис стирается, когда один из близнецов шагает к ней и кивает на дверь.

— Я прошу вас покинуть дом.

— Что? Там холодно!

— Раньше надо было думать, — говорю я.

Элис топает ногой, поправляет волосы и покидает дом через распахнутую вторым вервольфом дверь, напоследок пообещав:

— Тебе это не сойдет с рук.

Уверена, что сойдет. Жаль, что со старейшинами такое вряд ли сработает.

— Благодарю, — говорю я вервольфам.

— Не за что, женщина альфы, — отвечает близнец, стоящий ближе ко мне.

— Чарли. — Я протягиваю ладонь.

— Чарльз.

— Нет, — поправляю я. — Мое имя Чарли.

— А меня зовут Чарльзом, — улыбается парень, и я тоже смеюсь, осознав, как забавно получилось.

— Пожимать руку не буду. Не хочу, чтобы альфа потом оторвал мне мою.

— Или что-нибудь нужнее руки, — хмыкает второй.

— Это Майкл, — представляет его Чарльз.

— Рада знакомству. — Как ни странно, говорю я совершенно искренне. — Придете на вечеринку?

— Конечно! — Вервольфы синхронно кивают.

— Тогда до встречи.

На этой хорошей ноте я решаю, что нужно уже вернуться в комнату. Тем более что мое настроение начинает стремительно улучшаться. Может, мое пребывание здесь будет не таким ужасным?

Я поднимаюсь на второй этаж и собираюсь свернуть на лестницу к третьему, когда до меня доносится яростное:

— Ваша свадьба с Одри должна состояться как можно скорее!

Ближайшая к лестнице дверь распахивается, и в коридор шагает прим Конелл. Судя по звериному взгляду и выступившей густой щетине на скулах, очень злой прим Конелл. Свет здесь неяркий, но вервольф едва успевает сжать кулаки и тем самым спрятать жуткие когти — отец Одри едва сдерживает трансформацию.

Тут же вспоминается другой вервольф. Тот, на подземной парковке, с огромной пастью и лапами, способными впечатать меня в пол. Этого достаточно, чтобы по спине побежал холодок, а сердце ускорило свой бег. Особенно когда отец Одри замечает меня и направляется в мою сторону. Я хотела бы выглядеть беззаботной, как с Элис, но он царапает взглядом по моему лицу, и слова приветствия застревают в горле.

Мне хочется сжаться, обхватить себя руками, чтобы защитить. Не себя, свою малышку. Все во мне кричит: «Беги!», когда он на мгновение замедляется. Наверное, только какая-то внутренняя безбашенность, глупость, а может, новоприобретенные способности имани заставляют меня

остаться на месте и выдержать фoniaщую от него ярость.

По лицу вервольфа вижу, что он хочет что-то сказать, и это вряд ли то, что мне понравится, но в последний момент отец Одри передумывает и проходит мимо. Только когда внизу хлопает парадная дверь, я позволяю себе опереться руками о лестничные перила и мысленно посчитать до десяти.

А потом до двадцати.

Элис права. Вервольфы не люди, даже безобидный и человечный с виду прим Конелл способен разорвать любого на части. Любого человека. Если я действительно стану помехой для старейшин, что сделают они?

— Шарлин, что ты здесь делаешь? — раздается за спиной, и я подпрыгиваю от неожиданности, потому что Доминик умудрился подобраться ко мне бесшумно.

Для встречи гостя он надел рубашку и стал выглядеть более цивилизованно. Ну, почти.

— Вроде как живу, — огрызаюсь я. — И собираюсь подняться в спальню. Или в этом доме есть места, в которые мне запрещено заходить?

Доминик приподнимает бровь.

— Нет. Ты можешь ходить, где хочешь. Только не покидай территорию поселения.

— А то — что? — Я складываю руки на груди, потому что никакой мысленный счет не помог, меня по-прежнему трясет. Сейчас даже больше. — Меня поймают старейшины и устроят проверку?

Доминик сдвигает брови, и они сливаются практически в одну линию. Он шагает ко мне, прижимая меня к перилам и вглядываясь в лицо. Приходится опустить руки, потому что это неудобно, но теперь неудобно вдвойне, потому что мы стоим слишком близко друг к другу.

— Ты не успела поговорить с Конеллом.

— Нет. Зато я поговорила с его любовницей.

Которая оказалась права. Если еще оставалась надежда на то, что Элис все выдумала, слова Доминика только что ее разрушили.

— Не волнуйся. Охрана будет наказана за то, что не предупредили ее не распускать язык.

Он так смотрит в сторону лестницы, что сразу понятно — парням внизу не светит ничего хорошего.

— Я первая с ней заговорила.

Теперь яростный взгляд альфы вонзается в меня. По его лицу проходит судорога трансформации.

— Ты не должна была, — рычит Доминик.

— Скажи мне, что еще я не должна, — рычу я в ответ, наплевав на инстинкты, которые вопят о том, что сейчас его лучше не злить.

Доминик напирает, и я вжимаюсь поясницей в перила — только чтобы отодвинуться подальше от него, но от его близости никуда не деться.

— Лучше скажу, что ты должна делать точно — заботиться о себе и о нашем ребенке. Доктор Милтон сказал тебе не волноваться. Сказал? Еще хорошо есть, дышать свежим воздухом и качественно трахаться. Я привез тебя в стаю, обеспечил всем, чем захочешь. Трахаться не хочешь? Хорошо! Гуляй, пиши книги, отдыхай и готовься стать матерью. А что делаешь ты, Шарлин? Сама лезешь с вопросами к любовнице Конелла!

— Чтобы узнать о том, что должен рассказать мне ты...

— Молчи, — приказывает он. — Тебя интересуют не старейшины, а Одри. Будто она не моя невеста, а твоя. Твоя ревность мне льстит, пока не затрагивает здоровье моего сына.

— Я не ревную! Я хочу знать, к чему готовится. И откуда ждать удара?

— Никаких ударов, Шарлин, не будет, если ты будешь выполнять рекомендации Милтона и слушать меня, а не других.

— Если бы ты еще что-то мне говорил!

— Я говорю только то, что считаю нужным и важным.

— То есть — ничего?

— Ты хочешь, чтобы твой приступ повторился?

А вот это срабатывает, как удар под дых.

— Ты не волк, Доминик Экрот, а самый настоящий козел!

Не знаю откуда у меня берутся силы, но я отталкиваю его, и ухожу к себе.

Памкин-стрит, Юго-Западный округ Крайтона

Венера припарковала машину на привычном месте в конце улицы и заглушила мотор. Она побарабанила пальцами по панели, хмуро рассматривая падающие в свете фонарей снежинки — покидать нагретый салон безумно не хотелось.

Сегодня был непростой день. Доминик решил устроить себе небольшие каникулы, попросту взять несколько свободных от работы дней. Поэтому сегодня она занималась тем, что отменяла или переносила все его деловые встречи на ближайшую неделю. Приходилось раз за разом объяснять одно и то же, а так как график Доминика был достаточно плотным, Венера покинула офис гораздо позже обычного.

В итоге у нее разболелась голова, а сил осталось лишь на то, чтобы добраться домой. Почти добраться, потому что нужно еще заставить себя выйти из машины и преодолеть несчастные двести метров и восемь каменных ступенек, ведущие к парадному входу. Волчица чувствовала себя так, будто пробежала множество миль, да еще и в человеческом облике, но дома тоже будет тепло, она приготовит себе вкусный ужин и сделает горячую ванну.

Мысль о горячей ванне и бокале красного вина все-таки пересилила, Венера подхватила пальто с сумкой и вышла из машины.

Снега насыпало по щиколотку, и его еще не успели убрать. Венера поморщилась и от души порадовалась, что он не успел превратиться в наледь. Скакать по льду на каблуках — то еще удовольствие. А вот завтра наверняка все подмерзнет, и придется надеть новые сапожки на низком каблуке, купленные как раз для этого случая.

Она слишком задумалась, замечталась, а может, от усталости притупились инстинкты. Поэтому когда Венера уловила запах другого вервольфа, было поздно: он вынырнул из тени, преградил ей дорогу к лестнице, ведущей домой.

— Привет, бельчонок. — Это было сказано мягко, игриво, но от этой игривости волчица внутри ошетижилась и утробно зарычала.

Венере понадобилась вся ее выдержка, чтобы сдержать своего зверя и не броситься обратно в машину. Не успеет. Он сильнее. Быстрее. Он мужчина. И не раз доказывал ей, что от него не сбежать и не спрятаться. Правда, Венера считала, что ему она давно надоела, и он нашел новую игрушку.

— Август? Что ты здесь делаешь?

Когда-то ей казалось, что Август Прайер — самый красивый мужчина из всех, кого она когда-либо встречала. У него самые синие глаза, самые широкие плечи, невероятно соблазнительная улыбка. И он молодой альфа. Когда отец объявил, что договорился с Прайером насчет их союза, Венера танцевала от счастья. Только за красивой улыбкой скрывался очень плохой волк.

Она бросает взгляд на лестницу: до дома всего ничего, но Август замечает.

— Кажется, ты мне не рада.

— А я должна прыгать от восторга?

— Но-но, бельчонок. — Он делает еще шаг, плавно перетекает, и свет от фонаря уродливо подчеркивает тени на красивом лице. — Не дерзи. Разве ты не соскучилась? Я по тебе — очень.

— Не соскучилась, — отрезает Венера. Хотелось бы, чтобы голос звучал резко, но после множества разговоров он слишком хриплый и тихий. А может, дело в том, что рядом с Августом он всегда тихий. Сама волчица превращается в собственную тень.

Нет-нет-нет. Она давно избавилась от его власти!

И не станет бояться.

Венера расправляет плечи и интересуется:

— Что тебе нужно на самом деле?

— Хотел узнать новости из первых уст. Ты же водишься с Экротом, значит, в курсе того, что у него происходит. Или того, что с ним происходит.

Волчица морщится.

— Вожусь? Я на него работаю.

— Работаешь, — усмехается Август. — Конечно, работаешь.

Венера бледнеет и сжимает кулаки. Она давно устала оправдываться, привыкла не обращать внимание на подобные оскорбления, но сейчас насмешка Прайера ударяет с силой когтистой лапы.

— Он мой альфа. Почему я должна обсуждать с тобой своего альфу?

— Потому что ты моя жена.

— Бывшая жена, от которой ты отказался.

— Кто же виноват, что ты оказалась неспособной зачать?! — рычит Август так, что Венера все-таки делает шаг назад. — А так нам было очень хорошо. Я даже скучаю по твоим крикам. Временами вспоминаю, как ты скулила подо мной.

Воспоминания врезаются в память. Воспоминания, которые преследуют ее в кошмарах. Улыбка вервольфа становится такой похабно-отвратительной, что Венеру едва не мутит.

— Я замерзла. Говори, зачем пришел, или уходи.

— Любовница Экрота действительно носит полукровку?

— Чарли беременна от Доминика.

— И он представил ее стае, как свою женщину.

— Что? — Венера часто моргает, понимая, что за работой умудрилась многое упустить.

— Отец мне все рассказал. Он и другие старейшины уже в курсе того, что устроил Экрот. Немыслимо, правда? Альфа, выбравший человеческую женщину. Точнее, станет бывшим альфой, если предпочтет эту овечку принцессе Одри. А на любимой дочурке Конелла женюсь я. Посмотрим, как ей понравится то, что я делал с тобой.

При упоминании Одри у Венеры слетают внутренние предохранители. Как еще объяснить, почему она бросается на Августа? Целится в горло, но он перехватывает ее, будто она ничего не весит. Швыряет животом на перила ступенек, одной ладонью зажимает ей рот, а второй задирает юбку.

Внутри Венеры все леденеет от ужаса и паники, когда чужие пальцы гладят ее бедро, а комок подступивших слез застревает в горле. Она дергается, будто в силках, но бывший вдруг останавливается и рычит.

Только сейчас она чувствует чужое присутствие.

Присутствие другого человека.

Человека ли?

— Отпусти ее, — раздается знакомый голос с ленивыми нотками.

Венера оглядывается.

Из тени выступает еще один мужчина. Высокий. Очень высокий. В очках и с растрепанной челкой. При таком освещении его глаз не видно, но Венера знает, что они у него разного цвета.

Что здесь забыл Хантер Бичэм?!

— Отвали, человек! — рычит Август. У Венеры мурашки по коже от этого рычания. — Иди куда шел.

— Я на месте.

— На месте? — Альфа поворачивает ее к себе лицом. Одно хорошо — он убирает свою лапу с ее лица. — У Экрота появилась новая шлюха, и ты решила лечь под этого ублюдка?

— Не твое дело, — шипит Венера. Она понимает, что ее первоначальный план закричать и позвать на помощь в этом тихом семейном районе обречен на провал. Как быстро приедет полиция? А если и приедет, у вервольфов свои законы. На Прайера она может пожаловаться лишь Доминику, и то его судьбу все равно будут решать старейшины.

— Мое, потому что я не собираюсь тебя отпускать.

— Собираешь или не собираешься, — напоминает о себе Хантер, — придется.

— У тебя плохо со слухом? — интересуется Август.

Он наконец-то отпускает Венеру, и она взбегает по ступенькам, подальше от вервольфа. Правда, уже на крыльце нерешительно оборачивается. До уютного и надежного дома всего шаг. Надежного ли? Прайер может пойти следом, и его не остановит хлипкая дверь. За сколькими дверями она от него пряталась? Ни одна не остановила Августа. А там внизу еще и этот Хантер, который вроде как вмешался.

Защитил.

— У меня все отлично. — Вместо того, чтобы отступить, Хантер шагает вперед. — Со слухом, со зрением, с обонянием и жизненными принципами. Почему бы тебе не найти девушку, которая согласится быть с тобой по своей воле?

Вот зачем он дразнит Прайера? Он идиот, если считает, что сможет противостоять вервольфу, да еще и альфе!

— Тебе не хватает инстинкта самосохранения, — рычит Август, сжимая кулаки и надвигаясь на мужчину. — Это досадное упущение стоит исправить.

Венера судорожно вздыхает и едва не выворачивает сумку наизнанку в поисках телефона.

Нужно вызвать полицию.

Нет, нужно набрать Оуэна. Чтобы он передал все Доминику.

Нужно это остановить!

Когда пальцы все-таки нащупывают тонкий корпус, Август замахивается для удара. В свете фонарей мелькают острые когти трансформированной в лапу ладони, и Венера вскрикивает, осознавая, что они вот-вот располосуют красивое лицо Хантера.

Но тот резко уходит в сторону, легко уворачиваясь от звериной лапы.

Слишком резко даже для вервольфа.

Не ожидавший этого Прайер по инерции пролетает вперед, но тут же изворачивается, зло сверкая уже желтыми глазами, и снова бросается на противника. В том, что Хантер противник достойный, сомнений уже нет. Новый замах — и снова мимо. Только теперь Хантер делает подсечку, и Август летит в снег.

— Что за бес? — выдыхает он.

— Не бес, Прайер. Полукровка, который сейчас уделает альфу.

— Это мы еще посмотрим!

В следующую секунду Август падает на четыре лапы и целиком обращается в волка. Его зверь черный и огромный, и даже рядом с немаленьким Хантером кажется просто монстром.

Он нападает без предупреждения, набрасывается на противника так стремительно, что Венера зажмуривается от страха. Раз. Два. Три.

И распахивает глаза от волчьего воя, полного боли и отчаяния.

Хантер стоит все там же, под фонарем, а Август побитой собакой воеет у его ног.

— Я не бросаю слов на ветер, Прайер. Убирайся отсюда. Еще раз увижу рядом с ней, тебе же хуже.

Глаза Хантера горят синим, они ярко выделяются на лице даже при таком скудном освещении. Даже сквозь стекла очков. Только сейчас Венера обращает внимание за кисти Хантера. Прямо у нее

на глазах они вновь становятся человеческими, мягкими ладонями историка, а смертоносные когти втягиваются, сменяясь короткими ногтями. Хантер поправляет челку и перешагивает через вервольфа.

Август поднимается, тяжело опираясь на лапы, пачкая свежий снег грязью и кровью, а потом разворачивается и с утробным рычанием убегает, оставляя ее наедине с человеком, который только что легко расправился с молодым и сильным альфой.

Человеком?!

Она совсем свихнулась, если по-прежнему называет Хантера Бичэма человеком!

А он тем временем поднимается по ступенькам и останавливается напротив нее.

— Что... Что ты сделал? — Язык совсем не слушается Венеру. Это совсем не то, что она хочет спросить. Совсем не то, что нужно спрашивать.

От этого мужчины веет опасностью. Гораздо большей опасностью, чем от ее бывшего мужа.

— Избавил тебя от проблемы. — Он понимает ее вопрос по-своему. — Мы можем поговорить?

Ей хочется смеяться, наверное, виноваты нервы. Хочется поинтересоваться: разве у нее есть выбор? Вместо этого она с шумом выдыхает.

— Если я скажу, что не хочу, ты поступишь со мной, как с Августом?

— Ты будешь пытаться меня убить? — усмехается он.

— Нет.

— Тогда я отвечу, что с женщинами предпочитаю другие игры.

Новый вдох застревает у нее в горле, Венера сильнее цепляется за сумку и отшатывается назад. Он не просто большой и сильный, теперь она чувствует его волчью суть, и она не идет ни в какое сравнение с силой зверя Августа. Такое Венера чувствует разве что рядом с Домиником, но сила ее альфы не подавляющая, а защищающая.

— Я под защитой альфы Экрота, — говорит она.

— Мне плевать. — отрезает Хантер. — Я здесь не за этим.

— А зачем?

— Мне нужно, чтобы ты передала Чарли сообщение.

От такого заявления Венера даже о страхе забывает.

— Что?!

— Я не могу ей дозвониться, а значит, к этому приложил лапу Экрот. Ты с ней хорошо общаешься и можешь передать мое сообщение.

— Чарли беременна, — напоминает она. — Ей нельзя нервничать и нельзя общаться с тобой.

Теперь Хантер шагает вперед и кладет руку на дверной косяк за спиной Венеры.

— Передай ей, что я кое-что нашел. Нечто важное насчет имани. Она должна связаться со мной, если хочет сохранить ребенка.

Она старается не нервничать, но как не нервничать, когда она только что видела, настолько он быстр и силен.

— Что именно? Ты можешь рассказать мне.

— Нет. Я собираюсь рассказать это Чарли, а не Экроту.

— Он — отец ребенка.

— И что? — безразлично интересуется историк, склоняясь к ней. От него пахнет сигаретами, но даже этот запах не способен перебить запах зверя. Теперь она чувствует его отчетливо, и волчица внутри нее желает склониться перед ним. Его волк, наверняка, это чувствует.

Ужас!

— Не переживай, волчица, — добавляет он с усмешкой. — Ты меня не интересуешь. Я ненавижу вервольфов и предпочитаю обычных женщин. Просто передай Чарли, чтобы она со мной связалась.

Он отталкивается от стены и спускается по лестнице.

— Я не пойду против своего альфы, — говорит она вслед ему.

— Даже если от этого зависит ее жизнь?

— Что это значит?

— Просто передай мои слова, — приказывает он, и исчезает на темной аллее.

А Венера, придя в себя, скрывается за дверь своего дома.

Только оказавшись в тепле и безопасности и восстановив сердцебиение до нормального, она открывает глаза. Смотрит на свое растрепанное отражение в зеркале прихожей и прикусывает губу.

Как же ей поступить?

Глава 6

Когда я от души захлопнула за собой дверь спальни, то как-то не подумала, что перед ужином хорошенько выпалась. А даже если бы и выпалась, то вряд ли бы сейчас уснула.

Мне хотелось рвать и метать. Буквально.

Еще вернуться к Доминику и высказать все, что я думаю о его заботе.

Заботе!

Давай, Шарлин, я посажу тебя в высокую башню до тех пор, пока ты не разродишься моим волчонком. Хочешь знать, что происходит за твоей спиной? Обойдешься! Это же может угрожать ребенку. Ты сама угроза ребенку, Шарлин. Перестань думать и анализировать. Просто подожди несколько месяцев, а после можешь быть свободна.

Я мерила шагами комнату, тем более что мерить тут было что. Она была условно разделена на гостиную с диваном и креслами и спальню с сексуальным аэродромом и массивным комодом, и в ней можно было устраивать забеги. Ну или вечеринки. Комод и кресла были стильными. И люстра с плафонами-свечами — тоже. Мне бы понравилось, будь я зла чуточку меньше.

На каком-то круге я сдалась, устроилась на широком, заваленном подушками подоконнике с ноутбуком. Я не собиралась писать роман, но когда поняла, что вайфая в этой глуши нет, решила — у меня подходящее настроение для описания кровавого убийства одного белого и хвостатого.

Не просто нет вайфая. Сети тоже не было!

Тогда я как можно аккуратнее закрыла ноутбук, отложила его в сторону и пару минут рычала в подушку. Полегчало. Совсем немного. По крайней мере, мне расхотелось немедленно спуститься, отыскать в этом лабиринте Доминика и порычать уже на него. Я помнила, чем это закончилось днем, и не хотела устраивать очередной секс-марафон. Кажется, именно так проявляется моя волчья сущность.

Обойдутся!

И сущность, и Доминик.

От нечего делать и все еще бурлящей во мне энергии я разложила собственные вещи. Сходила в душ, который оказался на этаже, переоделась в футболку и шорты и заползла под одеяло. Чтобы тут же в полной мере прочувствовать свое одиночество.

Что было очень странно.

Я ведь привыкла быть одна. Засыпать одна. Спать одна. Просыпаться одна. Это было нормальным. Естественным. Но я делала это в своей постели, а не носилась по чужим домам. Я всегда могла отправиться к родителям или поговорить с Рэбел. А сейчас меня будто от них отрезало. Отгородило стеной, за которой раскинулся Морийский лес.

Но самое странное и раздражающее заключалось в том, что я не скучала по маме или папе, не скучала по Рэбел или моему магазину. Я тосковала по этой наглой скотине, козловолку и волкокозлу!

Хотя наша с Домиником стена была гораздо тоньше и одновременно толще всех стен вместе взятых. Тоньше — потому что изо всех комнат в этом домомузее он выбрал спальню по соседству. Я это знала, потому что не просто слышала его, я *чувствовала* его.

Доминик пришел, когда я уже лежала в постели, и остановился возле моей двери. Я затаила дыхание и даже уловила, как он касается дерева, проводит по нему ладонью, будто раздумывая, толкнуть дверь или нет. Наверное, это было только мое воображение, и ничего он там не раздумывал, но то, что он приходил, я знала точно.

Потому что слух обострился до предела, и до меня донеслись его по-звериному мягкие шаги. Я слышала, как они сначала удаляются, а потом снова приближаются. Даже решила, что он возвращается, но оказалось, он ходит по своей комнате. Шорох одежды, тихо скрипит кровать, еще тише звучит его глубокий вздох.

Чувствовать и слышать все это было поразительно. И раздражало!

Ему не спалось, и из-за этого не спалось мне!

Я ворочалась и ворочалась, раздумывая надо всей этой ситуацией. Что ему скажу. Что потребую! Но

думалось плохо, и, в конце концов, я провалилась в тяжелый сон.

А проснулась в обнимку с Домиником.

Под пальцами ощущались сильные плечи, я прижималась к нему всем телом, и мне было тепло и приятно. Его дыхание щекотало волосы на моей макушке, ладонь покоилась на моем бедре, на том самом, которым я ощущала возбуждение вервольфа.

— Что? — резко отпрянула я. — Что на этот раз?

— И тебе доброе утро, Шарлин. — Бодрый Доминик приподнялся на локте и насмешливо смотрел на меня.

— Я же сказала, чтобы ты не заходил в мою спальню! Со сменой дома правила не изменились!

— Я к тебе не заходил, — врет это животное.

— Тогда как объяснишь свое появление в моей постели?

— Хотя бы тем, что сейчас мы в моей постели.

Только сейчас до меня доходит мысль осмотреться, и я запоздало понимаю, что комната по стилю очень походит на ту, в которой я заснула. Такая же большая кровать, комод-близнец и зеркало. В другой части большой белый камин и нет подушек на подоконнике, моих вещей тоже нет. Это совершенно точно не моя новая спальня.

— Ты перенес меня сюда? — интересуюсь осторожно, хотя уже предчувствую, что ответ мне не понравится.

Совсем не понравится.

— Ты пришла сюда ночью и, очевидно, решила, что я плюшевый волк.

Мне снова захотелось зарычать и закрыть пылающее лицо руками. Что я и сделала, при этом рухнув на подушки. Смысл убегать сейчас?

— Я ничего этого не помню, хотя и не пила. Я даже твой десерт не ела. Что вообще происходит?

Я растопырываю пальцы и сквозь них вижу, что Доминик склонился надо мной.

— Думаю, тебя тянет ко мне даже во сне.

— Значит, следующей ночью запри дверь.

— Ну уже нет, моя маленькая альфа, — Доминик абсолютно серьезен, — ни за что не лишу себя такого удовольствия.

— Придется!

Я поднимаюсь, чтобы наконец-то уйти, но Доминик перехватывает меня, возвращая на постель. Он склоняется так близко, что мне кажется, вот-вот поцелует, но он лишь говорит:

— Я должен перед тобой извиниться.

Если что-то и способно меня задержать, то это оно. Я вообще обо всем забываю, глядя ему в глаза.

— Извиняйся, — слетает с моих губ прежде, чем я успеваю задуматься.

Доминик вздыхает, будто собирается с силами. Уверена, что ему проще пробежать лес, нежели сказать то, что он сказать собирается.

— Я прошу прощения, что вчера повысил на тебя голос, и был с тобой груб.

Я терпеливо жду, потому что он явно желает продолжить.

— Я не знаю, как обращаться с беременными. Я не жил в стае, где беременность у волчиц естественное явление, а у деда не было детей. Доктор Милтон сказал, что тебе нельзя волноваться, но тебя волнует все вокруг. Я пытаюсь оградить тебя от волнений, а ты постоянно придумываешь новые причины для беспокойства.

Мне хочется рассмеяться, потому что обеспокоен сейчас явно Доминик.

— Может, стоит расслабиться и получать удовольствие, большой и сильный альфа?

— Это вообще возможно рядом со мной?

— Сложно сказать. Я сама с собой живу, и еще никогда не была спокойной. Мне с собой еще как беспокойно. Но ради моей малышки я готова попробовать.

Доминик улыбается, и у меня учащается пульс. Что сейчас очень и очень не к месту.

— Хорошо, я принимаю твои извинения, и буду делать все, чтобы беспокоиться как можно меньше. Но для начала верни мне связь с миром. Подключи вай-фай.

Он раздумывает всего пару секунд, а потом отвечает:

— Нет.

— Почему?! И почему не работает связь?

— Для твоей безопасности и спокойствия. Я не хочу, чтобы ты общалась с Хантером Бичэмом.

— С Хантером? — переспрашиваю пока спокойно. — То есть ты привез меня сюда и лишил связи с остальным миром только потому, чтобы я не общалась с Хантером?

— И поэтому тоже.

Я теряю дар речи, а когда «нахожу» его, в моем лексиконе просто не находится цензурных слов.

Я снова пытаюсь подняться, и мне опять этого не позволяют, роняя на подушки.

— Он как-то связан с Кампалой, Шарлин. Он мой враг.

— Я это знаю! — огрызаюсь я.

— Но ты с ним продолжала общаться, — звучит обвиняюще.

— Потому что он единственный, кто знает про имани! Он собирал про них информацию, пока другие считали это сказками. В том числе ваши старейшины. Он такой же, как наша дочь.

Доминик гневно сверкает глазами.

— Это делает его другом?

— Хантер мне не друг. Но он не отвез меня к Кампале, хотя мог.

— Это и настораживает. Бичэм ведет свою игру, Кампала свою, и они в курсе того, что ты носишь мое дитя. Все это делает тебя легкой мишенью. По какой-то причине они меня ненавидят, и, вероятнее всего, не остановятся ни перед чем, чтобы меня уничтожить. А проще всего это сделать через тебя и нашего ребенка. Я не позволю навредить вам. Никому!

Я готовила новый аргумент, правда готовила, но последние слова Доминика заставили мое сердце забиться чаще. Может, потому что я представила как белоснежный волк защищает нас с дочерью до последнего. В эту самую минуту я убеждаюсь, до конца осознаю, что Доминик будет защищать меня ценой жизни. Из-за меня или из-за ребенка, но будет. Несмотря на все наши разногласия. И если убрать его скрытность, шовинистические замашки и Одри, то мы могли бы попробовать построить наши отношения заново.

— Почему ты разорвал наш договор? — интересуюсь я. — Если не хотел, чтобы я уходила.

Доминик хмурится, но смотрит мне в глаза:

— Я хотел, чтобы ты осталась по собственной воле. Всегда хотел. Чтобы была со мной без вынуждающих обстоятельств.

— Вынуждающие обстоятельства все-таки появились.

— Это самые лучшие обстоятельства, — усмехается Доминик.

И не поспоришь.

— А если то, о чем известно Хантеру, важно для нашего ребенка?

— Сильно сомневаюсь, что Бичэм знает больше врачей, а доктор Милтон — лучший в этой области.

— Доминик плотно сжимает губы, прежде чем продолжить: — Но если для тебя это важно, я поговорю с ним.

Это неожиданно. И приятно.

— Боюсь, он не станет с тобой говорить.

— Значит, я достану информацию про имани другим путем. Бичэм же где-то ее взял.

В том, что Доминик способен достать все, что угодно, я не сомневаюсь.

Больше всего мне хочется спросить про Одри, но у нас с Домиником вроде как перемирие. Хотел бы — сам рассказал, зачем ему свадьба.

— Сотовая связь и интернет — не только общение с Хантером, — говорю я, возвращаясь к изначальной теме, — но и возможность позвонить родителям или Рэбел, оформлять заказы из магазина, да и вообще связь с миром. Как прикажешь писать книгу, если мне понадобится уточнить какой-то вопрос по матчасти?

У Доминика такой вид, будто его настигло несварение. Я видела, что он готов отказаться. Чем-чем, а упрямством этого волка природа одарила щедро.

Тут меня осенило. Я едва не рассмеялась, настолько все показалось простым.

— Я ведь маленькая альфа? — интересуюсь я. — Ты так меня называешь.

— Альфа, — прищуривается Доминик. — Маленькая.

— Но все-таки альфа! Значит, моя клятва равнозначна твоей. Если я поклянусь, ты мне поверишь?

Нужно видеть, как у него вытягивается лицо, но нужно отдать вервольфу должное, он все-таки кивает.

Я торжественно прикладываю руку к груди:

— Клянусь на время беременности не общаться с Хантером Бичэмом. Не встречаться с ним, не звонить ему и не отвечать на его звонки, не переписываться с ним и сразу удалять его электронные письма. Даже если он меня похитит, я не скажу ему ни одного слова, даже матерного...

Доминик рычит и коротко целует меня.

— Не похитит. Я не позволю.

— Принимаешь мою клятву? — выдыхаю я.

— Да, — кивает он, и снова пытается поцеловать, но я закрываю его рот ладонью.

— Нет-нет. Насчет секса я не передумала. Лучше устрой мне экскурсию по дому.

Доминик подозрительно легко согласился, но играть в параноика у меня не было желания. Мне гораздо больше хотелось осмотреть дом. Правда, пришлось сначала заглянуть в свою комнату и ванную, чтобы переодеться и умыться, а после съесть завтрак, без которого вервольф отказывался проводить экскурсию. Любопытно, что меня перестало тошнить, и яичница пошла на ура. Как и десерт — это оказался легкий мусс с ягодами.

— Ты полон талантов, альфа! Еще и тортики умеешь делать.

— Не умею. Это доставили из кафе в поселении.

— Не знаю, как они это сделали, но нам, — я легко похлопала себя по животу, — нравится.

После того, как я съела последнюю ложечку десерта, мы наконец-то отправились гулять по дому-замку. На первом этаже кроме кухни и зала для волчьих сборищ были библиотека, большая гостиная и зимний сад. Последний пристроили благодаря прабабушке Доминика — она очень любила цветы. Я фанатом цветов не была, но в оранжерее мне понравилось. Будто попала из зимы в лето. Распустившиеся бутоны, свежесть цветочных ароматов и такая концентрация кислорода, что от него кружится голова. Помимо цветов здесь были ящички с рассадой, зеленью и салатом.

— Кто за всем этим ухаживает? — интересуюсь я.

— Клара и другие волчицы из поселения. Кому это нравится.

Другие волчицы.

— Анна Брайс тоже?

Доминик прищуривается:

— Она не будет искать с тобой встречи, Шарлин.

— Надеюсь, что не будет.

— Дэн мертв, и вам больше нечего делить.

— Ты прав, — сказала и поняла, что сейчас не испытываю ни гнева, не боли. Осталось только легкое сожаление, что все случилось именно так. О том, что я даже с ним не попрощалась.

Доминик бесшумно подходит и обнимает меня со спины, гладит меня по животу, и его ладони обжигают даже сквозь свитер.

— Не думай о прошлом, маленькая альфа. Ты поступила так, как поступила.

— Ты теперь читаешь мысли?

— Только твои.

Я поворачиваюсь в его объятиях.

— Правда?

— Я чувствую тебя, а ты чувствуешь меня, не отрицай. В последнее время все острее и острее.

— Это из-за ребенка?

— Возможно.

— Из-за чего еще, — пожимаю плечами я и отстраняюсь. — Что дальше?

А дальше следует второй этаж с еще одной гостиной, кабинетом Доминика и несколькими гостевыми комнатами. На третьем спален только две — для альфы и для его волчицы. Зато понятно, почему они такие большие.

Интересно, куда поселят Одри? Я из своей спальни выезжать не намерена!

Ванная комната тоже немаленькая, с джакузи и окном с видом на заснеженные горы. Но в дикий восторг меня приводит чердак. Он огромный, будто стадион, и такой же просторный. Вместо пыли и старых коробок здесь белое полотно с проектором и кресла-мешки вокруг. В углу натянут гамак, а полумрак из-за узких окон дарит этому месту свою особую атмосферу.

— Как тебе?

— Просто идеально!

Я же смогу здесь писать. Это как тайное место. Стоило представить, что вот здесь можно поставить стол и кресло, и у меня перед глазами замелькали строчки из книги.

А почему бы и нет?

— Раз я остаюсь здесь, у меня есть список требований.

— Требований? — приподнимает бровь Доминик.

— Того, что мне нужно.

— Я тебя слушаю.

Я начинаю загибать пальцы:

— Во-первых, вай-фай, во-вторых, телефонная связь, в-третьих, письменный стол и кресло сюда. — Я указываю на место возле окна. — В-четвертых, мне нужна Венера. Мне приятно ее общество, и дай ей за это премию. В-пятых... Кстати, а когда вечеринка в мою честь?

Доминик складывает руки на груди.

— Вообще-то сегодня.

— Что?! Так быстро?

— Клара решила не тянуть. Но ты можешь отменить или перенести праздник.

Я приподнимаю брови.

— Ты хочешь, чтобы я его отменила?

— Это твоя вечеринка. Я уже представил тебя стае, этого достаточно. Для меня важнее, чтобы твоя эмоциональность не навредила беременности.

В переводе на нормальный человеческий это означало, что Доминик будет только счастлив, если я буду безвылазно сидеть в своей комнате, обложившись подушками, и ждать родов.

Не дождется!

Я уже знакома с Венерой, Кларой, Оуэном, Чарльзом и Майклом, никто из них меня не укусил, а значит, в стае есть нормальные волки. Пора с ними познакомиться.

— Не волнуйся, — я подхожу к Доминику и хлопаю его по плечу, — просто оторви голову тому, кто меня сильно расстроит.

Вервольф резко притягивает меня к себе:

— Шарлин, обещаю тебе, что будешь вести себя хорошо.

Мы смотрим друг другу в глаза, а его губы очень близко от моих.

— Я когда-то вела себя плохо?

— Обещай!

— Не буду! Разве что могу поменять предыдущую клятву на эту. Я веду себя как заяц целый вечер, но тогда могу в любое время звонить Хантеру.

— Ты поклялась.

— Да, и я выполняю свои обещания, но не раздаю их направо и налево.

Доминик утробно рычит, будто собирается прямо тут перекинуться. Может и собирается, потому что так же резко отпускает меня и быстро направляется к выходу.

— Что насчет условий? — кричу я ему вслед.

— Я пришлю к тебе Венеру.

— С паролем от вай-фая?

Рычание в ответ греет душу. Естественно, я не собираюсь звонить Хантеру, но в душе разливается чувство удовлетворения от этой маленькой мести.

Правда, свои обещания Доминик тоже выполняет: через час ко мне в спальню стучится его ассистент, которую я сгребая в крепкие дружеские объятия. Прошли сутки с моего пребывания здесь, а у меня ощущение, что вечность. Хотя может, на меня так влияет беременность.

Кажется, волчица немного шокирована, но не пытается отстраниться, обнимая меня в ответ.

— Я попросила Доминика сделать тебя своей помощницей на время беременности, — решаю прояснить все сразу. — Но все зависит от тебя, хочешь ты этого или нет?

Я приготовила эту речь заранее, потому что, когда Доминик ушел, задумалась, приятно ли будет Венере находиться рядом со мной.

— Почему я должна этого не хотеть? — улыбается волчица.

— Из-за ребенка. Возможно, тебе неприятно...

— Нет, — прерывает меня она. — Я очень хочу быть твоим ассистентом. Для меня это большая честь, женщина альфы.

Я прищуриваюсь.

— А вот этого не нужно! Мы подруги, и я обещаю тебе не сильно нагружать.

— Можешь нагружать меня, сколько захочешь, — смеется Венера.

— Пойдем на диван, будем готовиться к вечеринке. Ты расскажешь мне про стаю. Кто из них

нормальный, а кого лучше обходить стороной.

Собственно, туда я и направляюсь, только моя помощница остается на месте и показывает на пакеты, которые принесла.

— Я думала, мы начнем с выбора образа для вечеринки.

— Образа? Я его уже выбрала, — киваю на кровать. — Не на бал же собираемся?

— Джинсы и свитер?! — не оценила мой выбор Венера. — Так не пойдет.

— Я хочу быть собой.

— Ну не настолько же!

Она складывает руки на груди.

— Хотя бы выбери топ и надень красивые туфли.

— Я беременна.

— Тогда точно нужно красивое платье, которое подчеркнет животик.

— Нет у меня пока животика!

В общем, мне приходится смириться с тем, что Венера не выпустит меня из комнаты в недостойном женщины альфы виде. По ее словам, все сегодня будут при параде, поэтому мы останавливаемся на стильном черном платье с летящей юбкой, а мои волосы Венера выпрямляет утюжком.

Бал или не бал, а чувствую я себя как на выпускном.

— Чарли, — говорит Венера, заканчивая с прической, — Доминик предупредил, что тебя нельзя волновать, но я должна тебе в кое чем признаться.

— Начало мне не очень нравится, но учитывая, что я уже волнуюсь, признавайся быстро.

— Ко мне приходил Хантер Бичэм. С сообщением для тебя.

В том, что Хантер настойчивый и целеустремленный, я уже успела убедиться. Но, кажется, он вообще без тормозов!

— Ты разговаривала с Хантером? — Я крутанулась на стуле, заглядывая Венере в глаза.

Видимо, слишком пристально, потому что она делает шаг назад.

— Да. Вчера. Он сказал, что не может до тебя дозвониться.

— Потому что Доминик оставил меня без связи.

Брови Венеры приподнимаются:

— Доминик забрал твой телефон?

— Больше. Он перевернул с ног на голову всю мою жизнь. Но сейчас речь не об этом. Что там с Хантером? Что за сообщение?

— Он сказал, что у него какая-то важная информация. Насчет имани и твоей беременности.

— Что именно?

— Я не знаю, что. Он только попросил передать, что это очень важно. Если ты хочешь сохранить беременность, ты должна позвонить ему.

Ему?! Разбежалась и звоню!

Мне порядком надоели все эти загадки и интриги. И, конечно же, страшилки насчет моей беременности! Доктор говорит, что я развалюсь, если буду нервничать, Хантер — наоборот, если прочитаю древние трактаты, то все у меня будет замечательно. Кому верить?

Или Хантер тут вовсе ни при чем?

— Доминик в курсе, да? — Я прищуриваюсь. — Это такая проверка моей клятвы? Сдержу ли я слово.

Венера выглядит ошарашенной.

— Клятвы? Нет, Доминик не знает о нашем разговоре с Хантером. Мне стоило ему обо все рассказать, но тогда придется рассказать все остальное.

Волчица обхватывает себя руками, а последние слова выталкивает из-за себя чуть ли не шепотом.

— Что остальное? Хантер обидел тебя? Если обидел, я оторву ему то, чем он делает волчат!

Венера нервно хихикнула, а я, между прочим, не шутила.

— Ко мне приходил мой бывший альфа.

— Бывший альфа?

— Бывший муж. Он вел себя... как обычно.

— Тот самый, который выгнал тебя из стаи и лишил фамилии?

— Он не лишал, — качает она головой, но тут же признается: — Да. Он обернулся в волка, когда пришел Бичэм, и они вступили в бой.

Я затаила дыхание. Бой с Хантером меня интересовал больше всего.

Потому что от того, насколько он силен, зависел исход их битвы с Домиником.

— И кто победил?

— Бичэм, — выдохнула Венера.

— Но твой бывший — альфа, — уточнила я, — и он сильный. Значит, он успел немного потрепать Хантера?

— Бичэм избил Августа, не перекидываясь в волка. В человеческой ипостаси. Я еще никогда не видела такой силы. Разве может быть полукровка таким сильным?

Хорошо, что я сидела, потому что наверняка села бы мимо стула.

— Хантер убеждал меня, что он вроде как новая ветвь эволюции волков и людей. Чудо природы.

— Как твой малыш?

Я положила руку на живот.

— Как мой малыш.

— Я не знаю, расскажет ли Август об этом старейшинам, — продолжила Венера. — Не каждый волк признается в поражении. Скорее, зализает раны и будет мстить. Но Доминик должен знать.

Доминик точно должен знать. Особенно сейчас, когда времени осталось не так много. Но как заставить этого самоуверенного альфу поверить в то, что Хантер силен и опасен?

— Собираешься ему рассказать? — спрашиваю я.

— Да, — твердо заявляет Венера. — Сделаю это на вечеринке. Он мой альфа. Я приносила ему клятву верности.

— Почему тогда сначала рассказала мне?

Венера широко распахивает глаза.

— Потому что... Вдруг это важно? То, что знает Бичэм. И мне показалось, что мы можем стать подругами.

— Не можем, — возмущаюсь я, — мы уже подруги.

Я поднимаюсь и снова обнимаю ее.

— Ну что? Можно начинать вечеринку? Ты так пойдешь, или переоденешься?

Венера хмурится, глядя на свое темно-синее, соблазнительно облегающее фигуру платье:

— Я недостаточно хорошо одета для вечеринки?

— Ты всегда одета так, будто собираешься на вручение какой-то кинопремии, но я решила уточнить.

Венера смеется: впервые за вечер легко и искренне.

— Пойдем, — говорю я, но она меня останавливает:

— Чарли! Ты ему позвонишь?

— На моем телефоне блокируется сеть, а доступа к вай-фаю у меня нет.

— Вообще-то есть. — Венера достает из сумочки карточку с набором букв и цифр и вручает мне. — Доминик попросил передать.

Я сжимаю карточку в руке, и у меня даже зудят пальцы от желания немедленно его ввести, чтобы узнать, что нарыл Хантер.

Я пообещала этого не делать.

Не просто пообещала — дала клятву альфы.

Но я не вервольф и не альфа, а моей дочке может понадобиться помощь.

Вот если бы Хантер все рассказал Венере!

Так было бы гораздо проще.

Да и есть ли ему, что рассказывать? Или Доминик прав, и это очередная игра?

Кажется, я окончательно запуталась.

— Чарли! — говорит Венера, выталкивая меня из мрачных мыслей в не менее мрачную реальность. — Не звони ему.

Я приподнимаю брови.

— Почему?

— Он опасен. И пугает меня, а я не из пугливых.

— Верю, — коротко улыбаюсь я. — Но ты только что сама сказала, что это может быть важным для моего малыша.

Во взгляде Венеры отражаются мои сомнения, но она все равно упрямо сжимает губы.

— Доминику вряд ли это понравится.

— Мне тоже не нравится его скорая женитьба на Одри, и что теперь?

Я прикусываю язык, причем натурально, и легкая боль отрезвляет.

— Так, закрываем тему и идем веселиться. В конце концов, нас ждет вечеринка.

Венера догоняет меня в дверях и кладет руку на мое плечо:

— Я знаю, что ты расскажешь обо всем Доминику, и он найдет лучшее решение. Он не такой, как мой бывший муж. Ради тебя он готов на все, Чарли.

Она выходит из спальни первой, мне остается только следовать за ней.

Хочется догнать Венеру и поспорить насчет ее слов, но я прекрасно понимаю, что буду спорить не с ней, а сама с собой. Потому что знаю себя и знаю Доминика. Не так, как хотелось бы, но знаю.

Что-то творится с ним.

Что-то там происходит в их волчьем обществе, о чем он упорно молчит.

А я? Я требую от него откровенности, а сама поступаю так же?

Нет, не на этот раз.

Он должен узнать про Хантера. И пусть делает, что хочет, но пусть узнает все про имани и их детей, потому что я собираюсь сохранить свою малышку.

Нашу малышку.

Музыку слышно на третьем этаже, это какой-то современный кавер на ретро-мелодию. Холл

первого этажа украшен длинными гирляндами желтых фонариков, а двери, судя по всему, не успевают закрываться из-за прибывающих гостей. Роль дворецких сегодня выполняют уже знакомые близнецы, и Чарльз подмигивает мне, когда мы с Венерой спускаемся по лестнице.

— Привет, — говорю, приблизившись к ним, когда очередная партия гостей, старательно сворачивающих на меня шеи, отправляется вглубь дома (предположительно, в сторону большого зала). — Не видели Доминика?

— Привет! Альфа был здесь полчаса назад, но наверх не поднимался. Посмотри в зале для советов или спроси у ма.

— У ма?

— У Клары Экрот.

Вот это поворот! Клара, оказывается, старше, чем я думала, а Чарльз и Майкл кузены Доминика?

— Благодарю, парни.

Я увлекаю за собой Венеру, и мы движемся по стрелочкам-гирляндам. Музыка становится все громче, к ней присоединяются голоса. Которые синхронно стихают, стоит нам войти в зал. Еще бы мелодию остановить, и у меня будет полное дежавю.

Потому что все смотрят на меня.

Или, в данном случае, на нас с Венерой.

А я чувствую себя словно чужом корпоративе: неловко и странно. Тем более что Доминика нигде не видно. Зато видно Клару, она стоит в кругу других волчиц, к ним и направляюсь.

— Всем привет! Классная музыка! А зал просто преобразился.

Зал действительно преобразился: украшенный разноцветными фонариками и свежими цветами, у стен столы с закусками, под потолком зеркальный шар. А вот народ еще трезвый и разбился на группы. Хотя, учитывая, что алкоголь на волков не действует, трезвым он так и останется.

— Благодарю, Шарлин, — улыбается волчица. — Очаровательное платье.

Мне показалось, или она напряглась, бросив взгляд на Венеру? Интересно.

— Спасибо. Чарльз сказал, что вы знаете, где Доминик.

Клара покачала головой.

— Где-то в доме.

А поточнее?!

Этот дом как лабиринт.

Впрочем, спросить я не успела: возобновившиеся разговоры снова стихли. Клара посмотрела на двери и едва слышно прорычала:

— Только этого не хватало.

Я обернулась и наткнулась взглядом на пару, вошедшую в зал. Седовласый вервольф осматривался с таким видом, будто здесь плохо пахло. Его я видела впервые, но фамильный взгляд Конеллов успела узнать.

Тем более что под руку с ним шла Одри.

Глава 7

Сегодня Одри была в белоснежном платье, которое, наверное, в очередной раз должно было напомнить о ее статусе невесты. Ее длинные блестящие волосы волной стекали до самой талии, она сама была блестящей и слишком довольной. По крайней мере, на губах Одри играла загадочная улыбка.

— Кто их пригласил на мою вечеринку? — поинтересовалась я, сделав упор на слово «моя».

Вопрос был чисто риторический, но Клара решила на него ответить:

— Пригласить в поселение может только альфа. Другие вервольфы не могут ступить на чужую землю без его позволения.

Их позвал Доминик?!

Это вряд ли. Он не подарок, но трясется над ребенком и моей спокойной жизнью.

— Исключения составляют невесты? — уточняю я.

— Нет. Только старейшины.

Мой взгляд переметнулся от Одри к ее спутнику.

Попроси меня кто-то описать его одним словом, я бы назвала его величественным. Королевская осанка, хищная грация и соответствующий взгляд. Общего с Ричардом Конеллом у них разве что взгляд и надбровные дуги.

— Это ее дед?

— Дядя, — на этот раз ответила Венера. — Джейсон Конелл.

Видимо, услышав собственное имя, седовласый вервольф повернулся в нашу сторону. Меня тут же с головы до ног прожгли изучающим взглядом, на плечи словно опустилось нечто тяжелое, заставляющее отвести глаза и склонить голову.

Не склонила.

Даже не собиралась.

Еще чего!

Я повела плечами, стряхивая наваждение, и ответила ему так же прямо.

И кажется, смогла удивить, потому что главный Конелл сдвинул брови и направился к нам.

Вот бесы!

— Зачем он здесь? — быстро интересуюсь я у Клары.

— А ты как думаешь? Приехал посмотреть на женщину альфы.

Сомнений в этом не было ни у кого, потому что другие волчицы совсем отступили, оставив нас встречать высокопоставленных гостей.

— Они ведь нас слышат, да?

— Конечно, — не стала уходить от ответа волчица. — Когда с рождения живешь с отличным слухом, учишься честности. Либо говоришь все, что хочешь, чтобы услышали другие, либо держишь свои мысли при себе.

— Замечательный подход.

Я всеми лапами за честность.

Обсуждать дальше что-либо не имело смысла, потому что Джейсон и Одри подошли к нам. Правда, улыбка последней несколько померкла. Видимо, она смотреть на женщину альфы не собиралась. Я сейчас понимала ее как никто.

— Приветствую тебя, Клара Экрот, — обратился к волчице Джейсон.

— Приветствую, альфа Конелл. — В отличие от меня Клара склонила голову. — Но я сейчас не

старшая женщина в поселении, поэтому сначала вам стоит приветствовать Шарлин.

Вервольф нахмурился сильнее. Одри приоткрыла рот. Все остальные замерли, будто попали на дармовой театр. А я вдруг почувствовала здоровую злость на Конеллов, которые мало того, что не верят в ребенка от Доминика, так еще пришли на мою вечеринку и пытаются меня опустить перед моей же стаей.

— Добро пожаловать в Морийский лес, альфа Конелл. Да, я женщина Доминика, и меня зовут Шарлин Мэдисон. Я ношу его волчонка. Кстати, ваша племянница узнала об этом одной из первых.

Одри как-то слишком шумно вздохнула и опустила взгляд, когда старейшина оглянулся на нее. Это только придало мне сил.

— Рада знакомству. Закуски и напитки здесь, танцы тоже будут в этом зале, где Доминик, подсказать не могу, сама его ищу. Приятного вечера!

Я растянула губы в вежливой улыбке и обошла парочку дядя-племянница, но Джейсон шагнул в ту же сторону, преграждая мне путь. Волна его силы едва не отбросила меня назад.

Теперь я поняла, что дело вовсе не во взгляде: старейшина использовал на мне силу альфы. По идее я должна была валяться у его ног, но мне не валялось. Я мысленно выстроила между мной и им защиту и еще сильнее расправила плечи.

— Ты не можешь быть женщиной Доминика, — заявил он. — Ты человек. Любовница, а не жена.

— Таких, как я, называют имани, мы способны выносить ребенка альфы.

— Это невозможно.

— Я столько раз за последнее время слышала подобное, что мне это уже порядком надоело. Доминик называет это чудом, я склонна ему верить.

— Доминик сам не ведает, что творит. Но все поправимо.

От последней фразы у меня по спине побежал холодок, и я непроизвольно прикрыла рукой живот.

— Вы мне угрожаете?

— Разве?

Ответить не успела, потому что кожей почувствовала яростный взгляд. Который почему-то предназначался мне.

Кажется, обернулись мы синхронно: я, Джейсон и Одри. К нам быстро шел сам Доминик, и вервольфы расступались перед ним, создавая живой коридор. И взгляд у него был ни то чтобы недобрый, от такого Доминика мгновенно захотелось развернуться и сбежать. Если силу одного из старейшин я выдержала, то его гнев просто смел все мои внутренние барьеры, оставив совершенно беззащитной.

Стало обидно.

Так по-детски обидно, что меня снова сделают во всем виноватой. Что непочтительно гостей встречаю. Что вообще рот открыла. Что заиклилась на его невесте, век бы ее не видела!

Моя обида разрослась вмиг, и я развернулась, чтобы уйти. Пусть Доминик сам разбирается с гостями, невестами и старейшинами!

Уйти, правда, не успела: меня цапнули за руку раньше, чем я сделала шаг. Доминик привлек меня в свои объятия — наверное, именно так это выглядело со стороны, на деле он попросту схватил меня за талию, притягивая к своей груди и заставляя остаться на месте.

Я могла, конечно, воспользоваться ногами, отдавить волчьих лапы или устроить скандал. Я все-таки беременная, мне все можно! Но эти объятия выбили почву из-под ног. Сила, от которой совсем недавно хотелось сбежать, вместо удара мягкой волной накрыла меня целиком, втекая в меня как тогда, в магазине. Защищая и оберегая от всего и вся.

Я по-прежнему чувствовала злость и ярость Доминика, будто наяву слышала недовольное рычание его волка, но это было между нами. А вот от остального мира он меня защищал.

Это видели все.

Это чувствовали все.

Старейшина неодобрительно сдвинул брови, Одри поджала губы, остальные вервольфы уставились на нас, словно старались не упустить не единой детали. Я и сама застыла, сбита с толку ощущением абсолютной безопасности.

— Приветствую тебя, альфа Конелл. — Несмотря на всю вежливость, в голосе Доминика звучала сталь. — Что привело тебя на мою территорию?

— Здравствуй, Доминик. У меня к тебе важный разговор.

— Сегодня вечеринка в честь Шарлин. Я так понимаю, вы уже успели познакомиться.

Лучше бы вообще не знакомились!

Судя по взгляду Джейсона, он был такого же мнения.

Я поерзала в объятиях Доминика, но он только крепче прижал меня к себе.

— Этот разговор не терпит отлагательств.

— Тогда жду тебя через полчаса в своем кабинете. Можете пока наслаждаться вечером.

Доминик развернулся, чтобы уйти и утащить меня с собой, но старейшина продолжил говорить:

— Наверное, я недостаточно ясно выразился. Я хочу поговорить с тобой сейчас.

Мой кокон защиты и спокойствия дрогнул: я кожей почувствовала, что Доминик едва сдерживает гнев, и поежилась от этого ощущения.

— Если бы ты предупредил о своем приезде, все было бы иначе, а теперь — жди.

Меня утащили за собой, хотя в этом случае, наверное, все-таки увели. Потому что к выходу мы двигались неторопливо: альфа поприветствовал совсем старенькую волчицу, а потом пару молодых волков. Он улыбался и с виду был радушным хозяином, но руку с моей талии не убрал и держал крепко.

Мы быстро прошли по коридору, Доминик втолкнул меня в первую попавшуюся комнату, вошел следом и захлопнул за нами дверь. Это оказалась малая гостиная, и для него, наверное, первой попавшейся не была. Потому что до этой комнаты гости не добрались, а из освещения здесь был только свет фонарей и белизна метели за окном.

Вот теперь Доминик меня отпустил. Отпустил, но начал на меня наступать, я инстинктивно попятилась к стене. В полутьме его глаза вспыхнули желтым яростным огнем, и стало совершенно ясно, что злится он все-таки на меня. Ощущение защиты лопнуло, как мыльный пузырь, и меня полоснуло его яростью.

Шаг. Шаг. Шаг.

И я у стены, а Доминик нависает надо мной.

— Теперь расскажи, Шарлин, зачем тебе понадобилось разговаривать со старейшиной Конеллом?

— Понадобилось?! Мне?! То есть вариант, что он заговорил со мной первым ты даже не рассматриваешь?

— Уверен, что он заговорил первым! — рывкает он. — Но почему ты вообще там оказалась, а не нашла меня?

— Я искала! — рычу в ответ. — Тебя искала, белое ты и мохнатое! Не нашла. Зато нашла твою невесту с дядей, который считает, что ситуация с моим ребенком поправима.

Доминик низко зарычал. Черты его заострились, а взгляд на мгновение вобрал в себя всю волчью злость.

Таким страшным я его еще ни разу не видела! Даже когда он спасал меня из дома Хантера. Я за долю секунды успела облиться холодным потом, прежде чем осознала, что этот гнев предназначается не мне. Кажется, даже вжалась в стену, потому что взгляд Доминика тут же смягчился, а сам он притянул меня к себе.

— Шарлин, никто не сможет причинить вред тебе или нашему волчонку. Никто. Это мое слово. Слышишь?

— Я не глухая, — отрезаю я. Попытка вывернуться из объятий ни к чему не приводит, и я

запрокидываю голову, чтобы смотреть ему в глаза. — Не слепая и не немая. Но судя по твоей логике, мне стоило притвориться именно такой! Кстати, почему?

— Потому что ты моя женщина, Шарлин.

— И поэтому у меня прав меньше, чем у этого кресла? — Я киваю на ближайшее.

Доминик вскидывает брови.

— Отнюдь. На своей территории у женщины альфы столько же прав, сколько и у самого альфы.

— Он тоже альфа. Старейшина.

— Это не имеет значения. Сейчас он на твоей территории. Именно поэтому я привез тебя сюда. Здесь ты под защитой, моей и моей стаи.

Сказать, что я сбита с толку — ничего не сказать. Но, наверное, пора бы уже привыкнуть, что с Домиником либо сплошные тайны, либо сразу вся информация в лоб. Где он раньше с этой информацией был?

Хотя я понимаю, где. Альфа не хотел давать мне все козыри в руки. Так почему дал сейчас?

— То есть я могу запросто выгнать твою невесту и ее альфадядю?

— Могла бы. Не окажись меня в поселении. Ты подчиняешься мне.

А вот и поправки к законам пошли!

— В этом наша проблема, Доминик. Ты привез меня в стаю, но даже не потрудился объяснить, что к чему. Какие у меня права, с кем говорить, а с кем не стоит. Я не знаю ваших волчьих законов. Ты говорил, что понятия не имеешь как вести себя с беременными. Но я тоже первый раз беременна, и мне, бесы, страшно!

Последнее я практически прокричала ему в лицо, и с ужасом осознала, что все это правда. Мне страшно. Мне действительно страшно, что я потеряю ребенка. До его рождения, потому что просто не выдержу напряжения, свалившегося на меня, или после, когда Доминик заберет его. И я не представляла, который из этих вариантов хуже.

Я по выработанной годами привычке запечатала этот страх глубоко в душе, но сейчас эта печать сорвалась, и все это неконтролируемым потоком вырвалось наружу. Меня затрясло, как в ознобе, по спине прокатилась волна холода, я зажмурилась, чтобы сдержать слезы, и рванулась.

Доминик не пустил меня, прижал к себе так, что я лицом уткнулась ему в ворот его рубашки.

— Так может, пора начать решать наши проблемы вместе, Шарлин? — поинтересовался он глухо.

— Я сказала: «наша»? — Наверное, количеством сарказма в моем голосе можно было подавиться. — Ни беса она не наша. У нас с тобой вообще ничего общего!

— У нас будет ребенок.

— Да, но мы не семья, Доминик.

— А ты хочешь семью?

— Конечно, я хочу семью! — рыкнула я и добавила: — Я всегда ее хотела. Нормальную, обычную семью. Без других жен, любовниц, старейшин и тайных врагов. Мы с малышкой не та семья, которая нужна альфе. Не та, что нужна тебе.

Доминик отпустил меня так резко, что я покачнулась.

— С чего ты взяла?

— Мне об этом говорят все, кому не лень.

— Но меня ты забыла спросить. Это действительно наша общая черта, Шарлин. Мы очень любим решать за других.

Я не верю своим ушам.

— Сложно трактовать твои слова про то, что ты отнимешь у меня дочь, как-то еще! — взрываюсь я.

— Разве я говорил, что отниму? Если мне не изменяет память, я предлагал тебе остаться вместе со

мной и нашим сыном.

Во мне вспыхивает уже знакомое звериное желание его покусать, которое я тут же давлю, затаптываю, потому что наши ссоры поднимаются по спирали, но так ни к чему и не приводят.

Я складываю руки на груди и, глядя ему в глаза, говорю:

— Хорошо. Ты хочешь быть со мной?

— Я твержу это с тех пор, как ты переступила порог моего дома в Мanton-Бэй.

— Как с любовницей, — хмыкаю я.

— Как со своей парой.

Доминик множество раз называл меня своей женщиной, но парой впервые. Не женой. Не возлюбленной. Своей парой. Будто в этом кроется какой-то скрытый, более глубокий смысл, в который я отказываюсь верить.

— Всего этого не было бы, не окажись я имани, — напоминаю я. — Не забеременей от тебя.

Доминик вновь шагает ко мне, и он серьезен, как никогда.

— Это всего лишь жалкие отмазки, Шарлин. Чтобы не принимать то, что мы оба чувствуем. То, что с самой первой встречи происходит между нами.

Он кладет ладони на стену, по обе стороны от меня, словно еще больше замыкает нас в этот капкан, в котором мы давно бьемся. Вместе.

— Наш ребенок, — продолжает Доминик, — доказательство того, что от судьбы не уйдешь. Что мы созданы друг для друга. Я давно это признал, когда же, наконец, это признаешь ты?

Он замолкает, а я, наверное, впервые не знаю, что ответить. Потому что не верю в судьбу. Не верю во все эти сказки про две половинки. Но Доминик прав — ребенок тут ни при чем, и мои гены тоже. Иногда мне хочется его покусать, иногда просто видеть не могу эту волчью морду, но рядом с ним мое сердце болит и дрожит. Но я понимаю, что бьется оно для него.

Я не знаю, что ответить, поэтому просто приподнимаюсь на носки, обвиваю руками сильные плечи и целую его. Одно невинное прикосновение губ к губам — и Доминик перехватывает контроль. Он целует меня жадно, вжимает в свое тело, зарывается пальцами в мои волосы, а я, кажется, пьянею от всего этого.

Только одна настойчивая мысль не позволяет мне расслабиться, отдаться ему и чувствам целиком. Потому что это важно. Для меня это безумно важно. Потому что я готова быть с Домиником. Его женщиной. Его парой. Матерью его детей. Мне даже кольцо на пальце не нужно.

Но мне важно быть единственной.

Поэтому я отстраняюсь и спрашиваю:

— А как же свадьба с Одри?

Он дышит, как после пробежки, и долго смотрит на меня, прежде чем ответить.

— Свадьбы с Одри не будет. Переговоры о союзе с Конеллами велись с тех пор, как я вступил в права альфы. Но раз сегодня старейшина здесь, я официально его расторгну.

Мне понадобилась минута, а может больше, чтобы до меня окончательно дошел смысл его слов.

Доминик не женится на Одри.

Я тут ревную, схожу с ума от беспокойства, а он на ней не женится? На ком тогда женится?

— Ты расторгаешь союз с Конеллами, чтобы заключить его с другой волчицей?

Доминик смотрит на меня как-то странно, а после вдруг смеется.

— Нет, Шарлин. Я не собираюсь жениться ни на одной волчице.

Я выдыхаю с облегчением: впервые за все это время напряжение, сковывающее меня, отпускает.

— Почему ты не сказал мне сразу?

— Хотел сделать это после того, как расторгну наше соглашение. Вообще-то это должно было произойти завтра на совете старейшин, но раз Конелл здесь, не вижу смысла тянуть с решением.

Я бью ладонями по его груди.

— Ты невыносимый! Ты в курсе, что с беременными так нельзя? Нельзя заставлять меня нервничать!

Мои руки перехватывают, заводят за спину. Доминик склоняется надо мной, пощекотав губами мое ухо.

— Кажется, этого я обещать не могу, — усмехается этот чересчур самоуверенный волк. — Потому что даже если я свяжу тебя и оставлю в своей постели, ты все равно найдешь повод для беспокойства.

От его шепота по телу прокатывается жаркая волна, и мне уже не до невест, союзов и вечеринок.

— Если ты тоже останешься в этой постели, связывать меня не придется.

В ответ слышу утробное рычание волка. Он подхватывает меня и прижимает к стене, и одновременно с этим находит мои губы, терзая их ни то поцелуями, ни то укусами. Желание вспыхивает во мне мгновенно, будто кто-то переключает тумблер. А может, сейчас у меня нет причины его сдерживать.

Его. Себя. Нас.

Мы целуемся как безумные, я дурею от того, как он сжимает меня в объятиях, как нежно прикусывает шею, как лихорадочно гладит бедра, задирая юбку до отметки «неприлично». Но, когда я скольжу ладонью по животу Доминика и ниже, он перехватывает мою руку.

— Так нечестно! — рычу я.

— Мне нужно поговорить со старейшиной, — в его голосе столько сожаления, что я едва сдерживаю улыбку, — а потом я всех разгоню, и в нашем распоряжении будет не только спальня, но и весь особняк.

— Не нужно разгонять, — протестую я, хотя у самой дрожат колени от возбуждения, по-прежнему гуляющего в крови. Я снова будто пьяная. Пьяная Домиником. — Это моя вечеринка, и я собираюсь познакомиться с твоей стаей.

— Своей стаей, — поправляет он, и в груди растекается тепло, не имеющее никакого отношения к возбуждению.

Перед тем, как покинуть гостиную, мы поправляем одежду, но, кажется, это бесполезно. Я ловлю собственное отражение в зеркале и понимаю: у меня такие шальные глаза, что всем и каждому сразу станет понятно, чем мы занимались. И это подтверждает взгляд Клары, с которой мы сталкиваемся в коридоре по пути к залу для советов.

Самое странное — мне все равно.

То есть не все равно.

Где-то внутри меня впервые ярко горит надежда на счастье.

— Дай мне полчаса, — говорит Доминик. — Я найду тебя. Клара, присмотри за ней, и за тем, чтобы она не нашла новых неприятностей.

— Смотря что ты подразумеваешь под неприятностями, альфа.

— Например, общение с незванными гостями.

Он уходит, и я остаюсь в обществе бывшей главной волчицы. С которой не представляю, как общаться. Особенно после того, как вроде бы подвинула ее с пьедестала.

— Не знаешь, где Венера? — интересуюсь я.

— Общается с незванными гостями.

Мои брови взлетают вверх.

— Со старейшиной?

— Нет, с невестой альфы.

Как ни странно, после разговора с Домиником тема Одри перестала меня цеплять. Если она и невеста какого-то альфы, то точно не моего.

— Сегодня она перестанет быть ею.

Клара резко останавливается и спрашивает:

— Поговорим в другом месте? Раз альфа все равно занят.

Я раздумываю секунду, но потом киваю. В конце концов, если я решу остаться в стае, мне стоит наладить отношения с ней. Или сразу расставить все точки над i.

Мы направляемся в сторону оранжереи, и только оказавшись внутри, Клара продолжает наш разговор:

— Значит, он разрывает союз с Конеллами?

— Да.

— Что ж, этого стоило ждать, когда он представил тебя, как свою женщину. Но это плохо.

— Мне нравится твоя честность, — признаюсь я, складывая руки на груди. — Правда, нравится. Жаль, что я не нравлюсь тебе.

Неожиданно волчица тихо смеется.

— Это не так. В тебе есть стержень, сила, гордость волчицы и горячее сердце. Ты достойная пара для альфы. Достойная для Доминика. И ты его любишь.

— Это плохо?

— Плохо то, что ты не волчица. То, что Доминик перешел дорогу Конеллам. Плохо, что мои сыновья слишком молоды, и в стае нет достойного волка, который может занять место альфы Морийских лесов.

Вот теперь по моей спине пробежал холодок, прогоняя тепло разговора с Домиником.

— Зачем кому-то занимать место альфы?

— Невеста выбирает волка, хотя вернее будет сказать — в наше время семья невесты выбирает волка. Старейшина Конелл так просто этого не оставит. Так было с моим мужем, они изгнали его. Но он согласился на это изгнание. Согласится ли на это Доминик? Если нет, то нас всех ждет война.

— Война? Звучит очень пафосно.

Клара пожимает плечами:

— Возможно. Но как есть. Старейшины не любят, когда альфы или члены их стай нарушают правила. Показывая другим плохой пример.

Об этом говорила Элис. Мнение старейшины Конелла мне тоже известно. А что на этот счет думает сам Доминик, он как всегда забыл рассказать.

— Доминик на это не пойдет, — замечаю я. — Он скорее примет удар на себя, чем станет рисковать стаей.

— Как истинный альфа, — кивает Клара. — Муж упивался властью, которую получил. Доминик действительно другой, он понимает всю ответственность возложенной на его плечи роли.

Признаться честно, раньше я не задумывалась о его стае. Но раньше я не думала и о том, что мы с Домиником вообще можем быть вместе.

— Ты сказала, что невеста выбирает волка. Что это значит? Насколько я успела изучить вервольфов, шовинизм у вас цветет и пахнет.

— В древности так и было. Волчицы выбирали самца по истинности.

— Истинности?

— Только не говори, что не слышала про истинных! Волк и волчица, созданные Предками друг для друга.

По виду Клары сложно сказать: говорит она серьезно или смеется надо мной. Но я почему-то

представляю сплетенных в объятиях Доминика и Одри. Они жадно целуются, а после перекидываются в огромного белоснежного волка и маленькую серую волчицу.

Фантазия, но от нее почему-то становится тяжело дышать и саднит в груди. Я моргаю, чтобы прогнать глупое видение.

— Это же сказки, — усмехаюсь я, но моя улыбка тут же гаснет. Откуда мне знать, какие у этих старейшин методы выбора пар. — Сказки? Или Одри истинная Доминика?

— Судя по тому, что он назвал своей женщиной тебя, сомневаюсь. Да и истинность пар — последнее, что интересует старейшин. Ты попала в точку насчет шовинистов: сейчас среди вервольфов все решают мужчины.

— Старейшины.

— Старейшины, — подтверждает Клара. — Сегодня союз волка и волчицы — всего лишь политика. Когда Доминик стал альфой, такой союз был вопросом времени, он и так с ним затянул. К тому же, Конелл отдает ему лучшее — любимую племянницу.

А Доминик посмел отказаться от такого подарочка.

Я пытаюсь вспомнить наш разговор в «Коршуне», но подробности от меня ускользают. Не будь Доминик таким скрытным, было бы легче! А так приходится собирать знания о вервольфах и их законах буквально по крупицам.

— Доминик говорил, что может не жениться. — Тогда его слова показались мне насмешкой, но сейчас я начинала понимать, что он со мной не играл. — И еще про бои за право быть альфой. Если все решают старейшины, то при чем здесь это?

— Сражения с молодыми волками — обязательное испытание для альфы. Откажись Доминик жениться на Одри просто так, старейшины устроили бы ему бесконечный марафон из желающих посоревноваться с альфой.

В наказание и назидание, что посмел отказаться от Одри. И насколько я успела понять, марафон у него был бы до тех пор, пока ему не выбрали бы новую жену.

— А сейчас?

— Сейчас ты носишь его ребенка, и тем самым Доминик выполняет свою обязанность перед старейшинами и стаей — продолжить род альфы.

— Но тогда ему не нужно участвовать ни в каких марафонах, — кажется, я начинаю немного понимать волчьи законы. — После рождения ребенка он может не делать этого сколько? Пять лет?

— После рождения, — напоминает Клара.

М-да. Что-то мне подсказывает, старейшины несколько месяцев ждать не станут и при желании повернут собственные законы так, как нужно им, чтобы вправить мозги зарвавшемуся альфе.

— Дело же не в этом? — До меня наконец-то доходит. — Они считают, что он их обманул. Обвел вокруг пальца. Что ребенок не его, так?

Может, идея сдать тест на ДНК не такая плохая. Если это нам поможет и обезопасит Доминика, то пусть. Мне не жалко.

— В это сложно поверить, — Клара будто читает мои мысли, — но возможно. Да и доказать достаточно легко. Боюсь, Шарлин, им плевать. Общество вервольфов живет по своим правилам и законам, которые создавались столетиями. Ты знаешь, сначала мы жили обособленно. Пока существовали истинные, все было нормально, мы выбирали сердцем, но потом стало рождаться все меньше и меньше девочек, и тогда волки стали заглядываться на человеческих девушек. Хотя, может, Предки перестали посылать на землю волчиц, потому что считали, что это примирит наши виды. И все бы получилось, если бы в таких парах рождались дети, но они не рождались.

— Рождались, — возражаю я. — Мой друг такой же. Он ребенок вервольфа и человека, и он всю жизнь посвятил изучению этого феномена, когда обнаружил у себя волчьи способности.

Не знаю, правильно ли называть Хантера своим другом, но сейчас не до мелочей. Тем более что Клара выглядит действительно потрясенной.

— Как получилось, что его отец не забрал его?

Хантер считал, что он от него отказался, но теперь подозреваю, что к этому приложили свои лапы и

хвосты старейшины.

— Не знаю, — я качаю головой. — Речь не об этом. Мой друг нашел упоминания про имани в истории вервольфов. Они рождались редко, но рождались. Вопрос, почему об этом не знаете вы?

— Потому что эти знания пошатнут порядок, о котором я говорила? — Клара пожимает плечами. — Так или иначе, когда наши мужчины все чаще стали находить себе пару среди людей, совет старейшин ввел правило — вервольф должен жениться на волчице и произвести на свет потомство. Особенно это касалось альф. Есть потомство — делай, что хочешь.

Она едва заметно поморщилась, и я осознала, что наш разговор для нее как минимум непростой.

— Волчицы превратились в товар, который остановил вымирание нашего вида и стал залогом поддержания мира между стаями. Но мы не были истинными, и кроме такой сделки нас ничего не связывало. Поэтому если пара не складывалась, что случалось частенько, потому что будущие супруги до свадьбы даже толком не общались, волчице оставалось наслаждаться материнством, а мужчина находил себе любовницу — человеческую женщину, которая...

— Я знаю, кто такие любовницы, — перебиваю я. — Доминик предлагал мне стать такой, а с одной я успела познакомиться в мужском клубе. Как раз со спутницей отца Одри.

— Элис? Ее можно назвать временным увлечением. У Конеллов вообще не задерживаются любовницы, они любят молоденьких и меняют их как перчатки. Таким был мой муж, я даже не успевала следить за его романами. Но есть и другие вервольфы, которые выбирают любовницу на всю жизнь. Подозреваю, что именно это тебе предлагал Доминик.

— Я не согласилась.

Клара сверкнула волчьим взглядом.

— Хорошо, когда есть выбор. Или есть характер, чтобы противостоять обстоятельствам. У волчиц его практически нет, нас учат быть покорными, радоваться тому, что есть.

— Как я понимаю, радуются далеко не все.

— Я видела отношения родителей, у отца как раз была постоянная любовница, и не строила иллюзий. Мне повезло стать супругой альфы и добиться высокого статуса для волчицы. У меня прекрасные сыновья.

— Это правда, — улыбнулась я. — Они чудесные.

Клара гордо улыбнулась в ответ и продолжила:

— Еще больше мне повезло, когда Доминик позволил выбрать: уйти с мужем или остаться в стае. Но выйди я за обычного вервольфа или не сумею забеременеть, кто знает, как сложилась бы моя судьба.

Как у Венеры. Она стала женой альфы, но ей это принесло только боль, разочарование и изгнание. Хотя сложно сказать, кому повезло больше: ведь Венера стала свободной спустя пару лет, а Клара провела с нелюбимым мужем почти всю жизнь.

— Зачем это всё? — интересуюсь я.

— Затем, что кто предупрежден, тот вооружен. Мне кажется, ты не из тех, кто предпочитает розовые очки ясному зрению.

— Это так.

Клара подается вперед:

— Наша стая с давних лет считалась одной из самых влиятельных. С сильной кровью, большими и процветающими землями. Альфы неизменно выбирались в совет старейшин, но потом дед Доминика и мой муж изрядно подпортили ее репутацию. Когда же появился Доминик, все смогли рассмотреть его потенциал в боях, его силу, мудрость и смелость в ведении бизнеса. Думаю, тогда старейшина Конелл и решил породниться с Экротами, наверняка, собрался найти себе замену. Он разорвал договор с Прайерами и даже согласился подождать со свадьбой Доминика и любимой племянницы.

И тут случилась я.

— Я уже поняла, что перебежала Конеллам дорогу, и не собираюсь к ним приближаться.

— Особенно не связывайся с Одри Конелл, — предупреждает Клара. — Она не послушная овечка,

какой пытается казаться. Сам старейшина называет ее своей принцессой.

— И она собиралась за принца.

— За короля, — поправляет меня Клара.

— Что мешает ей найти нового?

— В этот вся загвоздка. Если Доминик от нее откажется, для других волков это будет означать, что с Одри что-то не так. И удачное замужество ей не светит.

Теперь все становится на свои места. У Одри есть причина меня не любить. Существенная такая причина. По ее версии я не просто увела у нее мужчину, я еще и забрала статус королевы. Точнее, беру, как только Доминик разорвет соглашение. Разрушу все мечты.

Я не считаю подобное отношение к волчицам справедливым, но, как ни странно, сочувствовать Одри у меня не получается. В конце концов, не все же проблемы решаются удачным замужеством, всегда можно найти работу. Как сделала Венера.

Это нормально для людей, но что норма для вервольфов?

— Ты тоже ненавидишь меня? — интересуюсь у Клары.

Они приподнимает брови.

— А должна?

— Я человек. Женщина не вашей расы. Не вашего круга. И вроде как забрала себе лучшего волка.

— Мне сложно представить альфу Доминика, который позволяет себя куда-то забрать.

Мне на самом деле тоже, но мало ли что в головах у этих волчиц.

— Значит, — продолжает она, — он тебя выбрал, и как член его стаи, я уважаю и принимаю его выбор. К тому же, Шарлин, ты мне нравишься гораздо больше принцессы Конелл.

— Ты просто мало со мной общалась!

Мы обе смеемся, и напряжение меня отпускает. И насчет стаи, и насчет Одри.

Предупреждение и предложение дружбы Клары очень вовремя.

— Спасибо, что рассказала об этом.

— Не за что, — улыбается она. — Я заметила, что ты не слишком хорошо ориентируешься в наших законах и обычаях. Альфа слишком опекает?

— Доктор сказал, что мне нельзя нервничать, а Доминик посчитал, что меня нужно запечатать в информационный вакуум.

— Мужчины!

Мы понимающе переглянулись.

— Буду очень благодарна, если ты pomoжешь во все разобраться.

— Без проблем, женщина альфы, но с одним условием. — Клара хитро прищурилась развела руками.

— Ты позволишь мне и дальше присматривать за моими малышами.

Я вспомнила здоровенных близнецов и осторожно переспросила:

— Малышами?

Чем вызвала смех Клары.

— За оранжереей, — объяснила она, отсмеявшись.

— Я не претендую на цветы и петрушку. Мне ближе книги.

— У тебя свой магазин, — кивает Клара.

Теперь моя очередь прищуриваться.

— Откуда ты знаешь?

— Ты новый член стаи и самая обсуждаемая тема недели.

— Кошмар!

— Вполне нормально для нашего общества. Вторая самая обсуждаемая тема — вечеринка.

Вечеринка!

— Пора бы на нее вернуться и наконец-то со всеми нормально познакомиться.

Во взгляде Клары мелькает одобрение.

— Пойдем.

Надеюсь, что Доминик ко мне присоединится! Не то чтобы я боялась, что любопытная стая меня покусает, просто хотела, чтобы он как можно скорее закончил с Конеллами. Хотя если верить словам Клары, с разрывом союза все только начнется.

Уже догнав ее возле выхода, я посмотрела Кларе в глаза и пообещала.

— Что бы ни решили старейшины, как бы не поступил Доминик, я обещаю, что не допущу войны. Ради наших детей.

Глава 8

Когда мы вернулись в большой зал, вечеринка напоминала вечеринку меньше всего — вервольфы сбились в группу и что-то обсуждали. Чтобы понять, что именно, не нужно было обладать ни волчьим слухом, ни даром провидца: внезапное появление Конеллов слегка подпортило общее веселье. Но самих их видно не было. Старейшина, очевидно, ушел с Домиником, а Одри куда-то делась. Оглядевшись, я поняла, что Венеры тоже не видно, но стоило переступить порог, все обернулись на меня, и как-то резко стало не до подружки.

Сердце быстрее застучало в груди, а ладони резко вспотели. Еще бы! Я осталась один на один с целой стаей вервольфов, пусть сейчас они выглядели как самые обычные люди. Они смотрели на меня и ждали, а рядом не было Доминика, защищающего меня своим альфовским авторитетом. Клара же не спешила меня выручать.

Я уже собиралась удрать под очередным благовидным предлогом, но тут пробежалась взглядом по толпе гостей. Зацепилась за хорошо пузатеньких волчиц, которые не скрывали последние сроки беременности драпировками ткани. На этот раз здесь были даже дети: девочка в ярко-голубом платье, с заплетенными в косы темными волосами, и трое мальчиков разных возрастов, таких же темноволосых и в белых рубашках. Волчата такие хорошенькие!

Интересно, какой будет наша с Домиником дочь? Наверняка, блондинкой.

Я заметила близнецов. Один из них улыбнулся мне и отсалютовал стаканом — в нем я узнала своего тезку. В глазах его более серьезного брата тоже сверкнуло одобрение. Как и во взгляде стоящего в центре Оуэна.

Тогда я мысленно напомнила себе, что это — стая Доминика, а теперь и моя тоже. Не покусают же они меня?

подавив нервный смешок, я шагнула вперед:

— Всем привет! Рада, что вы пришли на вечеринку, потому что мне очень хочется со всеми вами познакомиться. Но теперь вижу, что придется посвятить этому всю ночь.

Раздались редкие смешки, и меня это приободрило.

— Да, стая, в которой я родилась, не такая большая.

— Ты тоже родилась в стае? — громко поинтересовалась малышка в голубом, но, к счастью, ее никто не одернул. Видно, что дети здесь на особом положении, особенно девочки.

— В очень маленькой стае, — призналась я. — Потому сейчас я немного волнуюсь и боюсь не запомнить все имена с первого раза.

— Когда носишь волчонка, иногда свое имя забываешь, — рассмеялась волчица в нежно-желтом струящемся платье, и теперь почти все подхватили ее смех.

— В любом случае, я очень надеюсь, что вы простите мне мое волнение и забывчивость. Иногда я даже забываю имена второстепенных персонажей своей книги.

— Ты пишешь книги? — с искренним интересом поинтересовался молодой вервольф.

— Пока что первую.

— А про что?

— Про девушку-детектива.

— И убийства? — пришла в восторг пожилая волчица.

— Да.

Моя книга вызвала живейший интерес и сорвала последнюю плотину смущения и отчужденности между мной и стаей.

Я оглянулась на Клару и обнаружила, что она широко улыбается. Кажется, я прошла проверку и можно выдохнуть. Правда, тут же заметила стоящую в дверном проеме Одри.

Красивое лицо исказила ярость, которую она не скрывала.

Глаза волчицы горели желтым.

А еще вызовом.

Потом она развернулась и скрылась в коридоре.

К моему огромному облегчению, потому что делать вид, что я рада ей или ее дяде, я не собиралась. Оставалось надеяться, что разговор Доминика со старейшиной много времени не займет. Впрочем, я успела со всеми перепознакомиться, в том числе с малышами, но мой альфа все не появлялся.

Для меня, пожалуй, стало неожиданностью, что большая часть стаи отнеслась ко мне очень доброжелательно и забросала вопросами: начиная от моего детства и заканчивая ведением книжного магазина. Но были те, кому я не нравилась. Они не выказывали свое пренебрежение или неприязнь открыто, но и находиться в моем обществе дольше двух минут вежливости не стремились.

Конечно же, в их компанию затесались и семья Дэнвера: его родители и его братья. Семейное сходство было налицо!

— Приветствуем тебя, Шарлин, — дежурно поздоровался Кримсон, когда очередь желающих познакомиться хорошо поредела, и они с Анной подошли ко мне. — Думаю, твоя память не настолько плоха, чтобы забыть, кто мы такие.

— Разумеется, я вас помню, прим и прима Брайс. Наше знакомство было запоминающимся.

— Но не самым удачным.

— Это в прошлом. Я соболезную вашей утрате.

— Благодарю.

— Надеемся ты сможешь сделать нашего альфу счастливым, — говорит Анна, и в воздухе повисает недосказанное: раз не смогла сделать счастливым моего сына.

— Я надеюсь.

— И ребенка.

— Да, и ребенка.

Волчица прищуривается, и в ее серых глазах на мгновение вспыхивает неприязнь.

— Как получилось, что ты зачала от альфы, хотя столько лет была... женой нашего сына?

Я замечаю эту заминку, не знаю, что именно Анна хотела сказать на самом деле, но понимаю, что супругой Дэнвера меня никогда не считали. Возможно, поэтому отвечаю резче, чем собиралась.

— Доминик считает это чудом. Но, может, потому что ваш сын альфой не был.

Лица четы Брайс каменеют, но продолжать эту «милую» беседу они не собираются.

Они отходят, а меня вновь накрывается чувство вины. Я думала, что избавилась от него, но кажется, нет. Будто мы с Домиником украли счастье Дэнвера. Будто я виновата в том, что не смогла спасти наш брак. И если из меня так себе жена, но получится ли у меня построить нормальные отношения с Домиником?

Эта мысль меня не оставляет, поэтому, извинившись перед вервольфами, которые расспрашивали про мой магазин, я говорю, что хочу отдохнуть.

— Все в порядке? — интересуется Клара.

— Да. Просто устала.

И хочу видеть Доминика.

Чтобы он сказал, что все нормально.

— Пойдем, я отведу тебя в гостиную, — говорит волчица.

— Мне нужно побыть одной. Я поднимусь к себе, хорошо? Ненадолго.

— Конечно.

Я уже хорошо ориентировалась в доме, поэтому без труда нашла дорогу в свою комнату. Но где-то на полпути, на втором этаже, не то услышала, не то скорее почувствовала мягкие, бесшумные для

человеческого слуха, шаги.

Конечно, в доме, полном вервольфов, это мог быть кто угодно. В доме стаи я была в безопасности. Об этом мне стоило подумать и продолжить свой путь.

Но видимо, с беременностью у меня чувство самосохранения обострилось до предела, потому что я живо представила крадущихся за мной по темному коридору старейшину и его разозленную племянницу.

Какого беса я вообще решила гулять по дому в одиночестве, пока Одри с дядей здесь?!

Я свернула на втором этаже и рванула на себя ручку первой попавшейся двери, чтобы замереть от открывшейся мне картины.

Это был кабинет Доминика.

Это однозначно был кабинет Доминика.

Сам Доминик тоже был в кабинете.

И вовсе не со старейшиной.

Доминик стоял посреди комнаты, а перед ним на коленях застыла Одри. Ее волосы были перекинuty через плечо, бретели платья спущены, еще больше обнажая изящную загорелую спину. Это если сзади смотреть. А если спереди?

Она же голая! Ну, почти.

Поза более чем двусмысленная. И была бы еще более двусмысленной, если бы Доминик стоял ближе и расстегнул штаны. Как нарисовала моя фантазия вначале. Слава Владыке, вервольф стоял дальше, но это все равно не отменяло всей картины.

Какого беса Одри голая?

— Что здесь происходит? — Я не узнала свой голос: слишком глубокий и какой-то рычащий.

Спина Одри напряглась, как натянутые гитарные струны, а Доминик перевел взгляд на меня. Яростный волчий взгляд.

— Шарлин, выйди и закрой дверь.

Чего?!

Ты берега не попутал, мохнатый?

— Зачем? Я тут постою, посмотрю и послушаю. — Я складываю руки на груди и не двигаюсь с места. — И вообще, раз мы пара, где обещание все объяснить и слова о том, что все не так и не то, чем кажется?

— Не сейчас. Прошу.

От хриплого рычания Доминика Одри вздрагивает, а я чувствую себя третьей лишней. Поэтому бросаю на свою «пару» злой взгляд и выскакиваю из кабинета. И пусть в коридоре меня сожрут такие же злые волки, тут я не задержусь ни мгновения.

Надо же! Даже до просьбы снизошел! Наверное, от натуги теперь облысеет.

— Чарли! — «Злым» волком оказывается Венера, и мне хочется горько рассмеяться. Еще горше мне от того, что Одри полуголая в кабинете Доминика.

— Что ты тут делаешь? — спрашиваю резче, чем собиралась.

— Вообще-то я шла за тобой.

Очень удачно!

— Спасибо тебе за это. Иначе бы я не обнаружила голую Одри в кабинете Доминика.

Я честно не собиралась об этом говорить, но оно само.

— Что?!

— Я тоже сильно удивилась.

И, конечно же, все не так поняла.

Венера оглядывается и предлагает:

— Поговорим в твоей спальне.

— Или расскажем гостям! Для вервольфов же подобное в порядке вещей?

— Нет, не в порядке. Пойдем.

Венера буквально тащит меня на третий этаж, но я уже и не упираюсь.

Мне нельзя нервничать. Владыка, мне нельзя нервничать, и поэтому я приехала в лес. Тут не место, а сплошной курорт, и что ни день, так спокойствие и умиротворение. Сказка! Страшная.

— Что сказал альфа? — нетерпеливо спрашивает Венера.

— Чтобы я убиралась.

— Так и сказал? — Взгляд у волчицы настолько недоверчивый, будто Доминик даже хомячка обидеть не способен.

— Какая разница, что он сказал. Может, у вас вервольфов это нормально, а у людей, если жена застает мужа с голой женщиной, то посылает его на все четыре стороны.

Ладно, мы не женаты, но кажется, кто-то еще недавно мне втирал, что я у него единственная. Как же я его ненавижу!

Я пробежалась из одной части комнаты в другую.

— Это не нормально, и ты должна выслушать Доминика.

— Я бы выслушала! С удовольствием бы выслушала, не прогони он меня. — Я остановилась посередине. — Вот это меня больше всего и бесит. Что я должна сидеть, ждать, когда он до меня снизойдет, и верить в лучшее. Как вы с таким миритесь?

— Есть гораздо худшие вещи.

Я рычу и снова начинаю двигаться, и бегаю по комнате, пока слова Венеры меня не останавливают:

— Чарли, я прошу тебя, не рассказывай никому про Одри.

Этот вечер просто удивительный. Я все время удивляюсь и удивляюсь!

— О том, что застала ее голой на коленях?

Видимо, Венера не уловила сарказм в моем голосе, потому что кивнула.

— Это может разрушить ее репутацию.

— Знаешь, думать о собственной репутации надо до того, как раздеваешься перед чужим мужчиной.

Моим мужчиной, между прочим! И хотя сейчас мне хочется оторвать ему, например, хвост, от этого он не перестает быть моим.

— Это жест отчаяния!

— Что?! Тебе об этом что-то известно?

Венера прикусила губу, потом покачала головой:

— Мы разговаривали сегодня. Альфа Конелл приехал в Морийский лес, чтобы убедиться, что брачный договор в силе, и взял Одри с собой. Но Доминик назвал своей женщиной тебя, и Одри поняла, что он хочет расторгнуть союз и окончательно от нее отказаться. А для волчицы это ужасно! Это означает, что она...

— Мне уже объяснили, что это значит, — сухо перебила я. — Так что там с Одри?

— Она сказала мне, что всеми силами не допустит этого. Я старалась ее отговорить, но она не стала слушать и ушла.

Внутри меня снова заворочалось что-то темное и звериное, явно приобретенное с силой имани. Хантер был прав, что мы гораздо ближе к вервольфам, чем нам кажется.

— Каким образом она собиралась остаться в роли невесты?

К счастью, Венеру не пришлось пытаться, чтобы услышать ответ.

— Одри этого не говорила напрямик, но я тоже не вчера родилась. Помнишь, я рассказывала про голос альфы?

Я кинула.

— У волчиц есть подобное оружие. Хотя это сложно назвать оружием. Мы можем соблазнить любого свободного волка, если захотим.

Она, что, околдовать его хотела?!

— Доминик не свободен.

Венера ничего не ответила, но опущенный взгляд сказал все лучше любых слов. Я не волчица, а значит, со мной не нужно считаться. Не дерево, подвинусь.

— Я не думала, что она решится. Для волчиц честь — самое ценное.

— Видимо, не для всех, — хмыкнула я.

— Ты сама сказала, что это не сработало.

— Откуда мне знать, что там сработало или нет? Меня же он выгнал!

— Но он не поддался ее силе. Поэтому прошу, не рассказывай никому про Одри.

Так, все!

— Иначе что? — интересуюсь я. — Никто замуж не возьмет? Разве не этого она добивается?

— Нет! — запальчиво отвечает она. — Я уверена, что это даже не ее идея, а альфы Конелла. Ты не знаешь Одри, она на самом деле хорошая, просто запутавшаяся.

Ага, не волчица, а просто зайка!

— Венера, зачем ты ее защищаешь? Она тебя ни во что не ставит.

— Потому что она мой друг.

— По мне так она дрянь последняя. Ты сама это знаешь, но не желаешь признавать.

Вот не хотела говорить, само вырвалось, но у Венеры сверкнули глаза.

— Одри не идеальная, но и ты тоже. Ты же не рассказала Доминику про Хантера.

— Что именно ты должна была мне рассказать?

Венера бледнеет, а я едва не подпрыгиваю и поворачиваюсь на голос своего волка, стоящего в дверях.

Когда только подкрался?

Первая мысль — Венера сделала это нарочно. Чтобы Доминик услышал то, что ему слышать не положено, но судя по ее перепуганному виду, большой и сильный альфа подошел бесшумно даже по меркам вервольфов. По крайней мере, я успеваю уловить ее взгляд, прежде чем она опускает глаза в пол.

— Конеллы не твоя забота, Венера. — Он не повышает голоса, но сейчас даже я чувствую, что он использует его для воздействия. Это голос альфы, предупреждающий, подавляющий волю. От него по коже мурашки, хотя его сила сейчас направлена не на меня. — Ты теперь член моей стаи, не забывай об этом, и не заставляй меня жалеть о своем решении принять тебя.

— Прошу простить, что разочаровала тебя, альфа.

— Ты расстроила мать моего волчонка.

Я, не стесняясь, закрываю глаза.

Чего он добивается? Чтобы она упала на колени, как Джинджер?

— Может хватит показательных порок? — интересуюсь я, сложив руки на груди. — Расстроила меня вовсе не Венера.

— Иди, — приказывает он, не глядя на девушку — Доминик смотрит на меня, и в его глазах полыхает яростная буря, которую он, видимо, пытается удержать.

Венера быстро покидает комнату, тем не менее осторожно закрыв за собой дверь. Ее шаги стремительно стихают, но Доминик выдерживает еще минуту паузы. В эту минуту я возвращаю ему его же взгляд. На меня это не действует, пусть хоть обсмотрится!

— Ты все еще хочешь видеть ее своей помощницей? — спрашивает он.

— А ты все еще хочешь видеть меня своей парой?

Доминик шагает ко мне, а мне даже не нужно заставлять себя оставаться на месте. Злости во мне сейчас на десять яростных волчиц.

— Ты не должна говорить со мной в таком тоне, когда мы не наедине.

— Позволь уточнить, это когда ты общаешься со стаей? Или когда я застаю тебя с полуголыми девицами? И вместо объяснений ты меня посылаешь.

— Не посылаю, а прошу выйти. Так было нужно.

— То есть застань ты меня с обнаженным мужчиной, ты бы просто вышел и отправился по своим делам?

Вот теперь медовая радужка его глаз окрашивается в желтый, его скулы заостряются, как во время трансформации, а я чувствую дикое, ненормальное удовлетворение, что достигла своей цели, и одновременно досаду, потому что хочется найти нормальное объяснение произошедшему. Хочется ему поверить.

— Это другое. И если мне не изменяет память, совсем недавно именно так и было.

— Он не был голым!

— К счастью для Бичэма, иначе бы мне с кем было сражаться в эти выходные.

— При чем здесь вообще Хантер?

— При том, что ты продолжаешь с ним общаться. Несмотря на свое обещание.

Меня разбирает нервный смех.

— Ты сам это придумал.

— Я слышал ваш разговор с Венерой.

— Это другое, — отвечаю его же словами.

— Я с удовольствием послушаю.

— А я с удовольствием послушаю объяснение, что моя такая называемая пара делала с бывшей невестой? Кстати, бывшей ли?

— Я расторг договор с Конеллами.

— Ну слава Владыке, хоть одна хорошая новость за вечер, — цежу я и прикладываю пальцы к губам.

— Дай угадаю, по этому случаю Одри решила устроить для тебя стриптиз?

Яростный огонь во взгляде Доминика будто гаснет, сменяясь на холод. Такой холод, что им можно заморозить всю комнату, нет, весь этот дом. Это взгляд я видела лишь однажды, когда он сказал, что я не нужна ему.

— Ты не доверяешь мне, — говорит он. — Что бы я сейчас не сказал, ты не поверишь.

— А ты не доверяешь мне, — отвечаю с горечью. Кажется, с парностью мы поторопились. — Так что можешь делать все, что угодно, а я буду делать тоже самое.

— Нет.

— Нет?

Мне не нравится решительность, с которой он делает шаг в мою сторону, а еще сожаление. Вот это сожаление мне особенно не нравится.

— Что такое? Что ты...

— Я запрещаю тебе как-либо связываться с Хантером Бичэмом, общаться с ним, созваниваться с ним, читать его сообщения или письма, — произносит он. Мягко, но меня сковывает чужой волей.

Это странное чувство, будто на моем сознании строчками отпечатывается приказ: Хантер под запретом. По коже мурашки, по телу проходит импульс, горячий и неотвратимый. Я сопротивляюсь, правда сопротивляюсь, стараясь сбросить с себя невидимые оковы, как сбрасывала их совсем недавно рядом с Джейсоном Конеллом. Но то ли Доминик сильнее, то ли дело в том, что он мой альфа или в чем-то еще, приказ легко обходит мою защиту. Меня словно прошибает молнией, а потом прошибает осознанием, что он только что сделал.

И вместо молний во мне вспыхивает костер из почти детской обиды.

— Отмени это, — приказываю я, глядя ему в глаза.

В ответном взгляде ловлю сожаление, но к бесам его сожаление! Раньше надо было сожалеть.

— Нет, Шарлин. Так я буду знать, что ты в полной безопасности. Я буду спокоен, и мы больше не вернемся к этой теме.

— Спокоен? Ты будешь спокоен? А что насчет меня? Мое спокойствие не учитывается?

— Учитывается, поэтому ты здесь.

— В качестве кого? — Я едва не срываюсь на крик, потому что все это дико. Абсурдно! — Куклы, которая будет открывать рот, когда тебе понадобится? — я издевательски кланяюсь. — Каким будет следующий приказ, мой господин? Или мне встать на колени для большей достоверности?

— Не нужно! — рычит он. — Это ради безопасности, твоей и нашего ребенка. Других приказов не будет.

— Да ладно, все всегда начинают с малого, а потом подсаживаются. Это же такая власть.

— Не только власть, но и ответственность. Это на время. Я не доверяю Бичэму, и не собираюсь рисковать тобой и ребенком. Ты должна заботиться о себе и о нем.

— Я тебе вообще ничего не должна, Доминик.

По его лицу пробегает тень, но он упрямо сжимает губы. И мне становится страшно. Пожалуй, впервые рядом с ним настолько страшно.

Потому что я в полной мере осознаю его власть надо мной. Собственную беспомощность.

— Отмени это, — шепчу я. — Пожалуйста. Я ведь тебе пообещала. Я поклялась этой бесовой клятвой.

Он качает головой.

— Шарлин...

— Отмени, Доминик. И я постараюсь об этом забыть. Если я для тебя хоть что-то значу.

— Ты очень много для меня значишь. Даже не представляешь, сколько.

— Много и ничего, раз ты снова решаешь все сам.

Меня трясет, и я обхватываю себя руками. Доминик тянется ко мне, но я отшатываюсь от него.

— Не трогай меня. Больше никогда не трогай меня. И оставь одну. Для меня сегодня вечеринка закончилась.

На лице Доминика играют желваки, но мне уже все равно. Я разворачиваюсь и иду к постели.

За спиной громко хлопает дверь, и облегчение борется во мне с разочарованием. Хотя весь этот вечер сплошное разочарование.

По-хорошему, нужно смыть косметику и принять душ, но хочется лечь. Просто уснуть и

действительно все это забыть. Но вместо этого я достаю телефон из сумочки и ищу номер Хантера.

Я не собиралась ему звонить, но теперь должна знать, как это работает.

Как работает бесова воля альфы!

Его номер сохранен в телефонной книге, но я заносу палец над экраном, и у меня не получается нажать. Руки словно деревенеют всякий раз, когда я хочу нажать вызов. Я просто не могу набрать номер.

Приказ Доминика действует.

И он разрушает мое чувство к нему.

Глава 9

Мне тепло и хорошо, словно я в уютном коконе.

Уютном коконе сильных объятий.

В абсолютной безопасности.

Не нужно даже открывать глаза, чтобы понять, кто меня обнимает, и где я нахожусь. Он очень осторожно поглаживает меня по плечу, и все во мне требует продолжения. Продлить ласку, продлить объятия, дотянуться до его губ и забыться на короткий миг.

Но забыться не получается.

Память предательски нашептывает обо всем случившемся, и остатки сна мгновенно испаряются вместе с желанием что-то продлевать. Поэтому я спихиваю его ладонь с плеча и сажусь.

Дурацкая сила имани.

Дурацкое притяжение к Доминику.

Совершенно дурацкие прогулки во сне!

И так каждое утро. Вот уже третий день подряд я пробираюсь в спальню Доминика. Туда, где меньше всего хотела бы оказаться.

— Шарлин, — он обхватывает меня со спины и прижимает к груди, но я застываю, вся будто леденевая, — нам нужно поговорить.

Да мы уже все друг другу сказали. Даже высказали. Поэтому я предпочитаю молчать.

— Ничего не скажешь?

— Недоброго утра, Доминик, и очень злого дня.

— А если серьезно?

— Если серьезно, ты можешь в любой момент использовать свою силу и приказать мне разговаривать с тобой, даже можешь приказать, что именно я должна говорить.

Доминик тихо рычит и откатывается в сторону, а я поднимаюсь и, не оглядываясь, ухожу к себе.

О чем вообще говорить с этим тираном? Я не представляю и представлять не хочу. После вечеринки я, наверное, полночи проревела. Никогда столько не плакала, слезы лились и лились, будто кто-то перевернул целую цистерну. Ревела, пока не уснула. А проснулась рядом с Домиником. Вчера он тоже желал объятий и разговоров. Но я всего лишь снова попросила:

— Отмени приказ.

На что услышала угрюмое:

— Нет.

Больше я не просила, не разговаривала, и вообще старалась с ним не пересекаться. Стоило Доминику войти в комнату, я оттуда уходила.

Его это злило. Его это очень злило. Я чувствовала это кожей, всей своей сутью, что всемогущий альфа бесится, видела как сверкают его глаза всякий раз, когда я встаю и ухожу. Собственные чувства я заперла глубоко-глубоко в душе, чтобы не превратиться в фонтан слез или не начать орать прямо посреди кухни или гостиной. Орать хотелось даже больше, чем плакать. Особенно когда я снова и снова пыталась преодолеть приказ Доминика.

Не получалось. Я так просто отбросила приказ Джейсона, но с внушением Доминика просто не справлялась. Словно сама драная иманская сущность была на его стороне!

Но это не мешало мне пытаться. И вовсе не для звонка Хантеру, как считало это желтоглазое чудовище. Я хотела научиться защитить себя, и когда самостоятельно сделать это не получилось, я решила обратиться к эксперту.

К моей огромнейшей радости, Клара приехала в пятницу. Я нашла ее в оранжерее с ее «малышами». Она подрезала какой-то высокий куст, который совершенно малышом не выглядел. Я такое растение видела впервые, понятия не имела, что это такое, и в общем-то не стремилась

узнать.

— Мы можем поговорить насчет волчьих правил? — я решила не ходить вокруг да около.

— Спрашивай, что угодно.

— Как избавиться от приказа альфы?

Клара приподняла бровь:

— Избавиться?

— Да, от воли, которую он мне навязал.

Теперь волчица напрочь потеряла интерес к кусту.

— Если Доминик сделал это, значит, у него была на то причина.

Кто бы сомневался, что мне так ответят!

— Причина называется слишком раздутое эго.

— Я могу рассказать тебе про волчьи законы, Шарлин, — прищуривается Клара, — но в ваши отношения с альфой вмешиваться не собираюсь.

— Я и не прошу вмешиваться. Просто расскажи, как самостоятельно снять приказ.

— Никак. Отменить приказ может только альфа, который его отдал, или...

Клара осекается, но я замечая это «или».

— Что-то еще?

— Тебе это вряд ли поможет.

— Но все же.

— Приказ может снять другой альфа, более сильный, возможно, кто-нибудь из старейшин.

М-да. Учитывая, что старейшины меня не любят, просить кого-либо из них по меньшей мере странно. А если вспомнить про Конелла...

— У Конелла не получилось на меня воздействовать.

Вот теперь глаза у Клары становятся большими, а в голос вплетается беспокойство:

— Воздействовать? Старейшина Конелл отдал тебе приказ?

— Пытался.

— Ты сказала об этом Доминику?

— Не успела.

Потому что он не слушает меня. Вернее, не слышит.

— Ты обязана рассказать. Приказы членам других стай — табу и наказуемы.

— То есть своим приказывать можно?

— У альфы есть такое право.

— Вас всех послушать, так Доминик — Владыка и волчьи предки в одном лице! — в сердцах бросила я и оставила Клару с кустом.

Но она догнала меня в гостиной первого этажа, где я смотрела на сугробы за окном и раздумывала над тем, хочу прогуляться или нет.

— Он сделал тебе больно?

— Еще как больно.

— Поговорим об этом?

— Только без лишних ушей. Не против прогуляться?

Учитывая, что лишними сейчас были исключительно уши Доминика, Клара усмехнулась, но больше ни о чем не спрашивала. Только посоветовала:

— Там холодно, оденься потеплее.

Теплой одежды стараниями альфы и его ассистентки было много. Пальто, куртка-пуховик, лыжный костюм, джинсы и свитера. Это не считая шапок, перчаток и шарфов.

Свой выбор я остановила на куртке, и пожалела, что не захватила с собой шапку, так как снаружи оказалось действительно холоднее, чем в Крайтоне. Клара тоже набросила на плечи пуховик, и мы направились по расчищенной дорожке в сторону площади.

Несмотря на холод, воздух тут был пьянящий. Такой чистый, свежий. В другой раз я бы с удовольствием наслаждалась прогулкой.

Интересно, почему я продолжаю мерзнуть? Ведь имани мерзнуть не должны, или эта опция от вервольфов не переключалась?

Я все ждала вопроса от Клары, но она рассказывала про холмы, про сам Морийский лес, про городок вервольфов. Мы дошли до его сердца, поздоровались с Ноа, владельцем кондитерской и кафе, с которым я познакомилась на вечеринке, взяли вкусных булочек и повернули обратно. Отсюда припорошенный снегом особняк напоминал сказочный замок.

— Нравится здесь? — спрашивает Клара.

— Нравилось бы еще больше, не чувствуй я себя пленницей. Не думала, что моя беременность станет такой проблемой.

— Положись на нашего альфу. Он все решит, и скоро сможешь отправиться туда, куда захочешь.

— Ты хотела сказать: куда захочет Доминик. Меня это не устраивает. Не могу как волчицы. Для меня отношения либо на равных, либо никак.

— У всех разные отношения. Все зависит от того, как их построишь. Зависит от вас двоих. Сейчас же каждый из вас предпочитает обижаться, а не решать проблемы.

— Он отдал мне приказ, — напоминаю я. — Разве так поступают со своими парами?

— Не поступают. В идеальных мирах и в идеальных отношениях. В реальной жизни ошибаются все. Другой вопрос: хочется ли исправлять ошибки, пока не стало слишком поздно?

— Кто-то обещал не вмешиваться в наши отношения с альфой, — напоминаю я. Может, мои слова звучат слишком грубо, но Клара не теряет своего невозмутимого вида.

— А кто сказал, что речь о вас?

Тему обид и ошибок она не развивает, а спросить самой — значит быть готовой ответить откровенностью на откровенность. Но я чувствую, что к этому не готова. Я вообще, оказывается, ко многому не готова. Например, к тому, что сейчас совершенно не знаю, не представляю свое будущее. И что делать со всем, на меня свалившимся. Довериться Доминику? Кажется, все члены стаи именно по такому принципу и живут. Делай, как скажет альфа.

Но как можно доверять тому, кого твое мнение совершенно не интересует, и кто в любой момент может навязать тебе свою волю?

В особняк мы возвращаемся молча. Я предлагаю Кларе согревающий чай, но она отказывается под предлогом, что на сегодня у нее еще много дел.

— Я приеду в воскресенье, но, если захочется поговорить, можешь записать мой номер.

— Хорошо.

Я оставляю куртку на вешалке и плетусь на кухню: булочки булочками, а нужно нормально питаться. Кажется, об этом думаю не только я, потому что на столе нахожу сохраняющий тепло контейнер с куриным филе, овощами и каким-то сладким соусом.

К этому я тоже начинаю привыкать — к альфовой заботе о будущем потомстве. Хотя в первый день боролась с желанием надеть посудину ему на голову. Но нежелание оставлять себя и дочь без еды пересилило, а готовить самой мне точно не хотелось. Тем более что я очень сомневалась, что готовит сам Доминик: он в последние дни либо сидит в своем кабинете, либо перекидывается в

волка и бегает по лесу. Я каждый день видела, как белоснежный хищник покидает особняк и теряется среди деревьев.

Покончив с обедом, поднимаю контейнер, чтобы загрузить его в посудомоечную машину, и обнаруживаю под ним записку. Впервые вижу почерк Доминика, но больше мне писать некому.

Поешь и поднимайся на чердак. Хочу, чтобы ты кое-что увидела.

Даже в коротких словах мне чудится приказ, и внутри поднимается новая волна злости, которую я подавляю на подходе. Вроде бы успокоилась, даже вкусно покушала, и на тебе!

Я сминаю послание в кулаке и бросаю в мусорную корзину. Не собираюсь я никуда подниматься. Точнее, собираюсь, но исключительно в свою комнату. Созвонюсь с Рэбел, узнаю, как дела в магазине. Или с мамой. Или же продолжу поиски упоминаний имани в интернете, пока что неудачные. Не знаю, что там накопал Хантер, но это что-то не лежало на поверхности, либо называлось иначе. Либо было просто приманкой, о которой не получалось не думать.

В общем, я направлялась в свою комнату, но, вместо коридора на третьем, свернула на лестницу, ведущую еще выше. Если там Доминик, мне же ничего не мешает развернуться и уйти!

Поэтому я поспешно толкнула дверь и замерла.

Я не была на чердаке со дня вечеринки, но с того дня здесь все изменилось. Гамак и кресла-мешки отсюда убрали, зато теперь вдоль стен расставили книжные шкафы, от пола до потолка заполненные книгами. У окна расположился огромный письменный стол из орехового дерева и кресло, даже на вид манящее своим удобством. Все эти изменения будто сделали чердак светлее и больше.

Но не это заставило меня застыть на пороге, а потом, словно зачарованной, направиться к другому окну.

Мягчайший ковер заглушил мои шаги, но сейчас мне было вовсе не до ковров. Я остановилась возле крошечной кровати с белоснежным кружевным балдахином и с каруселью из стаи фигурок серебристых волков. Внутри было такое же крошечное одеяльце, и только от одного вида этого одеяльца внутри меня что-то дрогнуло.

А может, задрожала я вся.

Это как удар под дых.

Запрещенный.

Болезненный.

Потому что я вдруг впервые представляю своего ребеночка. Маленькую улыбчивую девочку в белой распашонке. Или как там называется одежда для младенцев? Я честно никогда не интересовалась этим. Не ходила по детским магазинам, не выбирала игрушки, даже не держала малышей на руках.

А вдруг я не справлюсь? Получится ли у меня стать хорошей матерью? Нет, не хорошей — лучшей. Ведь моя девочка будет особенной, и сила имани не имеет к этому никакого отношения.

Она будет особенной, потому что она будет моей.

Я не лгала, когда говорила, что мне очень страшно. Страшно не справиться, не оправдать ожиданий крохотного существа, выбравшего меня своим проводником в этот мир. Страшно не суметь защитить ее. Я и себя-то не могу защитить, не говоря уже о ком-то еще?

Я коснулась одного из серебристых волков. Стая. Даже тут Доминик выпендрился! Но если верить Хантеру, она нужна моей дочери. Ее стая. Я просто не смогу дать ей то, что дадут вервольфы. И дело не только в знаниях. Она будет среди своих.

А я? Буду ли среди своих я?

Да, Клара и большая часть из стаи Доминика отнеслись ко мне хорошо. Но что дальше? Без доверия между мной и их альфой ничего не получится.

Я слышу шаги (на этот раз Доминик не скрывается), но не оборачиваюсь. Вместо этого отнимаю руку от игрушки и интересуюсь:

— Предлагаешь нам с дочерью поселиться на чердаке?

— Ты можешь жить, где угодно. Даже в подвале.

— Но обязательно в этом доме. — Я не спрашиваю, я знаю ответ, и на этот раз поворачиваюсь к нему. — Зачем это всё?

Судя по всему, Доминик не брился со вчерашнего дня, поэтому его щеки и подбородок украшает густая щетина. И он мрачный. Очень. Давно я не видела его таким мрачным.

— Что — всё?

— Эти игрушки. Это маленькое одеяло. — Я развожу руками. — Эти книги. Ты рассчитываешь, что я растаю и снова стану хорошей, доброй Чарли? Или, вернее будет сказать, удобной.

Он сдвигает брови.

— Если бы я хотел удобную женщину, вряд ли бы выбрал тебя.

— А зачем ты вообще меня выбрал, Доминик? — Я даже не злюсь. Почти. — Со мной же сложно.

— Потому что ты моя пара.

— Это я уже слышала. Но очевидно, у нас с тобой совершенно разные представления о том, что это значит.

— Очевидно, что так.

Он приближается ко мне, хотя вернее будет сказать, идет к кроватке, потому что, приблизившись, смотрит не на меня, а туда, где бы мог спать наш ребенок.

— Ты права, Шарлин. В том, что я вервольф, а ты человек, и ты не можешь увидеть мой мир таким, каким вижу его я.

Я улавливаю его напряжение, а вместе с тем усталость.

— Я все время забываю: то, что привычно для меня, для тебя — в новинку или вовсе неуместно, противоестественно.

— То есть полуголая женщина в твоём кабинете — это нормально для вервольфов? И я просто все неправильно поняла?

Оказывается, я тоже устала, даже сарказм в слова не добавляется. А может, я так долго злилась, что внутри все выгорело.

— Нет, — теперь Доминик смотрит мне в глаза, — не нормально. Для меня это ненормально. Мне не нужны другие женщины, волчицы они или люди.

Я складываю руки на груди:

— Тогда какого беса там произошло?

— Конелл решил сыграть грязно, — Доминик прищуривается, и в его взгляде на мгновение вспыхивает звериная ярость, — и отправил свою племянницу ко мне.

— Что значит — отправил?

— Приказал.

— Конечно-конечно, сама Одри мимо пробегала! Скажи, она просто перед тобой разделась или пыталась воспользоваться своими волчьими штучками?

— Воспользовалась.

Что я там думала про всё выгорело? Кажется, не всё.

Далеко не всё.

— И как это работает?

— Со мной это не сработало.

— Потому что ты сильный?

— Нет, потому что у меня уже есть пара.

— Что? — Я моргаю.

Мой гнев будто волна разбивается о камни, оставляя после себя лишь чувство замешательства. Доминик, пользуясь этим замешательством, шагает ко мне практически вплотную. Так близко, что я инстинктивно упираюсь ладонями, чтобы его удержать, но прикосновение настолько острое и желанное, что мы одновременно вздрагиваем.

— Конелл поставил на то, что Одри меня соблазнит с помощью силы волчицы. Далеко не все ею обладают, единицы этим владеют, но его племянница — исключение. После одной ночи с Одри я, конечно же, должен был на ней жениться. За отказ от меня отвернулись бы не только старейшины, но и все альфы. Не говоря уже о том, что в противном случае я бы потерял уважение собственной стаи. Но Конелл упустил одну очень важную деталь. То, что у меня уже есть пара.

— Он считает меня обычным человеком. Это еще мягко говоря.

— Мне плевать на него и его мнение.

Стук сердца Доминика отдает мне в ладонь, повторяя мой пульс, и я отдергиваю руки. На всякий случай отхожу от него подальше, к столу.

— Это не отменяет того, что ты меня прогнал. Почему сразу нельзя было объяснить?

— Я сказал, что объясню позже.

От такого заявления я даже споткнулась об ковер.

— Ты приказал мне выметаться из своего кабинета!

— Попросил.

— Это не ответ, Доминик. Для меня точно нет.

Он опирается о перекладину кровати, и, если честно, я начинаю переживать за ее сохранность.

— Я привык к тому, что мои просьбы выполняются.

— Приказы, — поправлю я.

— Приказы, — соглашается он, оборачиваясь. — Да, я привык к тому, что знаю, что лучше для моей стаи. И это как правило действительно лучшее. Поступок Конелла — это удар по мне, и именно мне нужно было с ним разобраться.

— Удар? На тебя напала сексуальная волчица, от которой ты едва отбился?

У меня вырывается нервный смешок, за что получаю мрачный взгляд от вервольфа.

— Знаешь, как это выглядело со стороны? — интересуюсь я. — Я застаю своего мужчину с голой красоткой, а вместо объяснений получаю приказ. И это совершенно точно ненормально!

— Между мной и Одри ничего не было.

— Потому что у тебя уже есть пара? — хмыкаю я.

— Потому что единственная женщина, по которой я схожу с ума — ты, — рычит он.

Признание Доминика ударяет по самому больному, и я не остаюсь в долгу:

— Тогда, конечно же, это объясняет то, почему ты так со мной поступил!

Чтобы хоть немного успокоиться и взять себя в руки, я рассматриваю книжные шкафы и понимаю, что книги мне знакомы: я сама их заказывала.

— Ты что, скупил половину моего магазина?

— Всего лишь треть.

— Треть?!

— Всё, что показалось мне интересным для домашней библиотеки.

— Надеюсь, что Рэбел не сделала тебе скидку!

— Ни на единый крайт.

Это хорошо, потому что я бы тоже не сделала. Не ему точно. Даже несмотря на то, что он... кто? Пара, да, но кто мы друг другу по нормальным человеческим законам? Хотя где нормальность, а где я.

— Шарлин, я начал наш разговор с того, что мы разные. — Доминик проводит ладонью по лицу, будто собирается стереть усталость. — И что мне иногда сложно объяснять тебе какие-то вещи насчет вервольфов. Иногда мне сложно, потому что вообще приходится что-то объяснять. Я альфа. Волк. Мужчина. Я привык, что мне подчиняются беспрекословно. Все серьезные проблемы я решаю, никого не спрашивая. Например, ситуация с Конеллом скорее политическая, чем моя личная. Я не хотел, чтобы ты все это видела. Просто потому, что это для меня ничего не значит. Меня не интересуют другие женщины, для меня существуешь только ты одна.

Как он оказался так близко?

И к моему сердцу, и в принципе — я даже не заметила, как Доминик снова ко мне подошел. Но сейчас, как загипнотизированная, смотрю ему в глаза. Это и приводит в чувство. Потому что я стряхиваю наваждение и облегченно выдыхаю, поняв, что это не внушение, не новый приказ.

— Я верю, — говорю. — В то, что Одри тебя не интересует. Как ни странно, сейчас верю. Иначе ты бы женился на ней. Но речь не об этом. И даже не о том, что ты меня прогнал. В том, что я не могу позвонить Хантеру.

Доминик и так не сказать, чтобы был веселый, но, кажется, мрачнеет еще больше.

— Нет, Шарлин. Ты не оставила мне выбора.

— Я поклялась, Доминик, что не стану с ним разговаривать. Клятвой альфы поклялась.

— Но ты не альфа, и даже не волчица.

— Какая разница?! — я снова взрываюсь, но моих сил просто не хватает на всю его упертость. — Ты либо веришь мне, либо нет. Я вот поверила тебе насчет Одри, теперь твоя очередь поверить мне.

— Нет. Венера призналась в том, что Бичэм передал через нее сообщение.

— Она поэтому не показывается?

— Я отстранил ее, чтобы у него не осталось возможностей добраться до тебя.

Я делаю длинный вдох и такой же длинный выдох, чтобы не начать кричать. Он волк или баран?!

— Как он вообще может до меня добраться?

— Никак, если ты сама не станешь с ним связываться.

— И мы снова там, откуда ушли. Я здесь, рядом с тобой. Зачем мне Хантер?

— Уверен, тебя он может заинтересовать только информацией о ребенке имани. Этим он прекрасно манипулирует.

— Ты обещал поговорить с ним.

— И поговорю. Завтра.

Полыхнувшее во мне раздражение сдулось.

Завтра? Завтра суббота. А это значит — завтра у Доминика с Хантером волчий бой.

Так скоро?

— Тебе нельзя с ним сражаться, — говорю я. — Если Венера рассказала тебе про то, что Хантер искал ее, значит, должна была рассказать и об остальном.

Доминик сжимает челюсти, прежде чем ответить.

— Про Августа Прайера. Да, про него тоже. С ним я разберусь позже.

— К бесам Прайера! — отмахиваюсь я, — Хантер победил его, не перекидываясь в волка. Он очень силен.

— Это не проблема. Так даже интереснее.

— Интереснее? Ты меня вообще слушаешь?!

— Что ты предлагаешь, Шарлин?

— Откажись от боя!

Теперь Доминик смотрит на меня так, будто видит впервые: со смесью изумления и недоверия.

— Что? У тебя беременная волчица, по правилам ты можешь не драться.

Он складывает руки на груди.

— Я мог бы не принимать вызов, будь бой официальным. Но, как ты помнишь, я сам вызвал Бичэма, и волчи бой вне закона. Там нет никаких правил, кроме звериных.

— Тогда тем более. Ты можешь не прийти, и все просто разойдется по домам.

Доминик прикрывает на минуту глаза, но я успеваю заметить в них звериный блеск. Он злится, а еще он уже всё решил. И мое сердце падает. Наши отношения сложно назвать идеальными, но если я потеряю своего невыносимого волка совсем...

— Нет, — звучит будто эхо моих мыслей. Но «нет» Доминика не подразумевает компромиссов. В его взгляде решимость, та самая решимость, с которой он связал мою волю силой альфы. — Это единственный способ закрыть тему Бичэма. Я выиграю и сделаю так, чтобы он больше не смог к тебе приблизиться. Тогда между нами не будет никаких приказов.

— Между нами стоит твой приказ, а не Хантер. Твое упрямство. Твое нежелание видеть во мне партнера. Равную тебе!

— Ты моя пара, Шарлин. Ты хотела знать, кто для меня пара. Это моя женщина. Женщина, которую я буду защищать, несмотря ни на что.

— Даже ценой жизни?

— Если потребуется.

Доминик разворачивается, резко, стремительно, и я понимаю, что он собирается уйти. Поэтому бросаюсь вперед, обвиваю его руками, прижимаюсь грудью к спине.

— Откажись от боя, — сбивчиво прошу я. — Если готов умереть за меня, то и живи для меня!

— Ты понимаешь, о чем просишь?

— Да, живой ты нужнее, для ребенка и для меня тоже, — я говорю это совсем тихо и обхватываю его сильнее.

Доминик поворачивается ко мне, и теперь в его объятиях оказываюсь я. Он губами касается моих волос, а я утыкаюсь лицом в сильное плечо. Просто чтобы скрыть слезы, которые прорываются очень некстати. Или кстати?

— Я рад этому. Потому что это значит, что тогда у нашей семьи есть шанс стать счастливой.

— Нет у нас никаких шансов, — шмыгаю носом, чтобы не начать реветь и ударяю кулаком по его груди. — Ты все равно все делаешь по-своему.

— Шарлин, — он приподнимает пальцами мой подбородок и смотрит мне в глаза, — понимаю, что идея избавиться от меня кажется тебя заманчивой, но я не собираюсь умирать. Я выиграю этот бой и вернусь к тебе.

Он не клянется или что-то вроде, но сейчас я почему-то ему верю. Отстраняюсь, смахиваю слезы с ресниц и бормочу:

— Хорошо. — Хотя ничего хорошего во всей этой ситуации нет. — Во сколько мы едем на бой?

— Не мы. Только я. Ты останешься дома.

Это неожиданно и неприятно. И неожиданно неприятно.

— Ты же обещал, что я встречу с Кампалой вместе с тобой, — напоминаю я.

— Я помню, но обстоятельства изменились, Шарлин. Ты носишь дитя, и теперь я отвечаю за вас двоих. Не говоря уже о том, что твое присутствие во время боя с Бичэмом даже не обсуждается.

— То есть ты едешь отстаивать свою честь, а мне предлагаешь в это время сидеть возле окна и вязать пинетки?

— Можешь продолжить книгу.

— Ты издеваешься?!

— Нет, Шарлин. Сейчас я как никогда серьезен.

Я хочу от души поколотить его, но Доминик перехватывает мои запястья, притягивает меня к себе и целует. Жарко, жадно, горячо.

И так же быстро отпускает.

— Завтра ночью я вернусь к тебе, и мы сможем начать все сначала.

На этот раз он разворачивается и уходит.

— Если ты поедешь на этот бой без меня, можешь не возвращаться, — рычу я, хватаю с полки толстенный томик и кидаю им в этого невыносимого вервольфа. Книга оказывается слишком тяжелой и падает на ковер где-то на полпути к Доминику, который даже не оглядывается.

От того, чтобы разнести здесь всё, меня спасает только любовь к книгам. Они слишком редкие и не виноваты в моих отношениях с этой мохнатой псиной, что гордо называет себя альфой.

С этим предателем!

Поэтому я без сил опускаюсь рядом с фолиантом и проверяю, все ли с ним в порядке. Одна страница загнулась, и я осторожно разглаживаю ее, в остальном ковер спас положение и энциклопедию вервольфов. Ту самую, которой Рэбел хотела стукнуть Дэнвера.

Хм, что-то не так с этой книгой, раз все рассматривают ее исключительно как оружие.

Я ставлю энциклопедию на место и спускаюсь в ванную, чтобы умыться, а затем возвращаюсь в свою комнату. Сблaзн остаться здесь, расположиться в удобном кресле и попробовать написать эпизод-другой настолько велик, что я решительно от него отказываюсь. От чердака, но не от собственного романа. Впрочем, не менее удобный диван в спальне не способствует творчеству: все мои мысли занимает Доминик.

Его бой с Хантером.

И невозможность туда попасть.

Потому что я женщина. Потому что я беременна. Потому что Доминик так решил. А если он что-то решил, то я могу сорвать голос, доказывая ему, что он не прав, он все равно останется при своем мнении. Упрямый мужлан!

Но что, если я могу заставить его передумать?

Мысль настолько внезапная, неожиданная и вместе с тем простая, что я ненадолго замираю, пытаюсь ее осознать и переварить.

Доминик говорит, что я свожу его с ума. Что я его пара, единственная женщина для него. Правда, которую он хочет спрятать в своем поселении, но это детали. У меня есть власть над ним.

А еще сила имани.

Я смутно представляю, как это работает. Единственный, кто мог бы хоть чуть-чуть об этом рассказать, завтра выйдет на ринг против моего волка. Но я же как-то развернула ту недопокупательницу, используя голос альфы! И Доминик, и Хантер заявляли, что их будоражит мое присутствие, а значит, стоит хотя бы попробовать. Если волчицы обладают соблазняющим воздействием на волков, то имани тем более должны этим владеть.

Словно в ответ на мои мысли, до меня донеслись шаги Доминика за стеной. Не знаю, где он был все это время, и чем занимался, но сейчас прошел мимо моей спальни, очевидно направляясь в ванную в конце коридора.

Я отставляю ноутбук и подхожу к зеркалу во весь рост. Выгляжу я слегка взъерошенной, но, видимо, идея воспользоваться силой имани что-то зажигает во мне, потому что глаза азартно блестят. Критично осматривая себя, я стягиваю джинсы и свитер, а следом нижнее белье, отбрасывая его в сторону. Расчесываюсь, но потом, передумав, трясую головой, растрепывая волосы еще больше. Щипаю себе щеки, чтобы не быть такой бледной, и кусаю губы. Можно накраситься, но Доминик же любит естественность.

Теперь мне нравится мое отражение: я выгляжу затраханной, то есть очень даже соблазнительной. От идеи присоединиться к нему в душе отказываюсь, это смоем мой аромат, а Доминик не раз заявлял, что от него дуреет.

Что ж, доверюсь инстинктам!

Я жду, пока он вернется к себе, и только тогда топаю следом. Точнее стараюсь ступать мягко, как если бы я была волчицей.

Соблазнительной хищницей.

Никогда не считала себя ни хищницей, ни соблазнительницей, но нужно же с чего-то начинать.

Доминик стоит возле комода. Из одежды на нем лишь полотенце, и то наброшено на плечи. Сейчас мы на равных. А вот мой вид явно сбивает его с толку, потому что вервольф застывает на том же месте, где и стоял, явно не зная, чего от меня ждать.

Он сдвигает брови, но жадный взгляд выдает его с головой. Ну и чего греха таить, не только взгляд. Мой волк отзывается на свою имани, и сейчас мы слишком обнажены, чтобы что-либо скрыть друг от друга.

— Шарлин?

Я подхожу ближе и касаюсь пальцем его губ, предупреждая новые вопросы — я здесь для экспериментов, а не для разговоров. Поэтому я провожу ладонью по его груди, взглядом бросаю вызов и иду к кровати.

Не знаю, откуда это во мне. Может, действительно инстинкты, но я точно знаю, как правильно, и это работает, потому что Доминик следует за мной, будто мы привязаны друг к другу невидимыми нитями. Дойдя до постели, я не останавливаюсь: опускаюсь на нее и выгибаюсь всем телом. Тихое рычание за спиной говорит о том, что моему волку это очень нравится. Звучит это как нечто среднее между нетерпением и предвкушением.

Матрас прогибается под его весом прежде, чем я успеваю перевернуться на спину и принять соблазнительный вид. В смысле, меня переворачивают и прижимают собой к постели.

От прикосновения тела к телу, от того, как он располагается у меня между ног, будто мы идеальные части мудреной головоломки или бесовы половинки единого целого, меня словно прошибает током, сознание плывет. Виновата в этом моя беременность, суть имани, невообразимая связь между нами, а может, просто воздержание после такой активной сексуальной жизни, но факт остается фактом. Я скучала по Доминику.

Всякий раз скучаю, несмотря на все его косяки.

Поцелуй получается острый, глубокий, голодный. Я целую его, позабыв обо всем на свете. Зарываясь пальцами во влажные после душа пряди, обхватываю его талию ногами, выгибаюсь, трусь об него, будто дикая кошка. До тех пор, пока ответный поцелуй-укус не отрезвляет.

Доминик отстраняется сам, тянет меня за волосы, заставляя запрокинуть голову, смотрит на меня горящими жадой обладания глазами и одновременно подозрительно прищуривается. Как ему это удается?

— Что ты задумала?

Точно! Я здесь не для того, чтобы просто заняться сексом! А для того, чтобы соблазнить Доминика, заставить его делать так, как я того хочу. И об этом мне не стоит забывать!

— То, что очень понравится нам обоим, — шепчу я.

— Несколько часов назад ты была настроена против меня.

— Я и сейчас настроена против тебя. Но очень хочу секса, как мне прописал доктор Милтон. Всё! Довольно разговоров. Позволишь?

Я толкаю его в грудь, заставляя Доминика перевернуться на спину, и усаживаюсь на него сверху. Он напряженный, готовый к броску хищник, но в моей власти помочь ему расслабиться.

А заодно потерять бдительность.

Я сползаю вниз, едва касаясь губами его груди и живота, позволяю волосам скользнуть по нему прохладной лаской. В подтверждении моих мыслей по телу Доминика проходит легкая дрожь, хотя сам он продолжает взглядом прожигать во мне дырку. Я в ответ посылаю очаровательную улыбку и

поглаживаю его бедра, прежде чем сомкнуть ладонь на члене. Провести от вершины до основания и обратно. Медленно, затем быстрее, и снова медленнее. А следом повторить это ртом, скользнуть губами по горячей плоти, пальцами почувствовав что напряжение Доминика достигло новых высот, и услышав его шумный выдох сквозь сжатые зубы.

Далеко не все мужчины любят минет, но мне кажется, что то, что нравится мне, нравится и ему. И я оказываюсь права: теперь его взгляд смягчается, туманится, радужка вспыхивает желтым. Меня это заводит не меньше, потому что сейчас я чувствую свою власть над большим сильным альфой. Я вся дрожу от возбуждения, от этой приятной во всех отношениях игры. Мой волк тоже приятный. Горячий, твердый, со вкусом соли. Странно думать, что раньше даже возможность в нем просто прикоснуться вызвала во мне отторжение. Сейчас я бы облизала его целиком.

Бесово притяжение, которому невозможно не поддаться!

Я чувствую пульсацию под пальцами, Доминик готов, и мысленно призываю силу имани. Не знаю, как это делали и делают другие, но я почему-то представляю, как сознание альфы оплетают путы моих мыслей. Крепко стягивают его.

«Я хочу, чтобы ты снял приказ и взял меня с собой на бой с Хантером».

Я не говорю это вслух, я шепчу это в своей голове, но путы становятся всё крепче и крепче, пока...

Рывок — и я оказываюсь на спине. Под ним.

Путы в моем сознании разрушаются, зверь вырывается на свободу. Взгляд Доминика сверкает желтым, он целует меня в болезненно припухшие губы.

— Лгунья, — рычит, а потом врывается в мое тело. Мы оба настолько возбуждены, что ему хватает несколько толчков, чтобы меня захлестнуло волной дикого наслаждения, когда внутри все сжимается от блаженства и темнеет перед глазами. Я выгибаюсь, неосознанно стремясь продлить удовольствие, и с трудом ловлю момент, когда он с долгим стоном кончает. А после я смотрю ему в глаза и начинаю куда-то проваливаться.

Глубже и глубже.

Пока не распахиваю глаза.

За окном яркий свет и чириканье птиц. Губы горят, в теле легкость. Я медленно сажусь и осознаю, что я по-прежнему в постели Доминика. Вот только его самого рядом нет.

А это значит, что его нет в особняке.

Глава 10

На мои звонки Доминик не отвечает, срабатывает автоответчик, но я каждый раз бросаю трубку, не оставив ни одного сообщения. Да и что я могу сказать?

Видишь, как я умею?

Ты не оставил мне выбора, и теперь мы квиты?

Давай забудем прошлое ради нашего ребенка?

Дело в том, что я не хотела переступить через прошлое, хотела во всем разобраться. И точно не желала быть с ним исключительно ради детей. Мои родители любили меня, но они любили и друг друга, я это всегда знала, видела. А что увидит наш с Домиником ребенок? Что у папы с мамой война?

Хорошей новостью было то, что сила имани у меня была, и она работала не только на защиту, как в случае со старейшиной Конеллом. Я действительно могла воздействовать на чужое сознание.

Чье-то, но не Доминика.

Вчера он просчитал меня, почувствовал, что хочу сделать, и переиграл. Не представляю как, но точно понял, что я делаю и зачем.

И разозлился.

Настолько сильно, что теперь я могла слышать его голос исключительно на автоответчике. Поэтому на третьей попытке бросила эту затею.

Он поступил со мной так же. Да, прикрываясь заботой и словами «так будет лучше, Шарлин», но это не отменяло того, что я не просто не могла позвонить Хантеру, я даже не могла попросить Рэбел или кого-либо передать ему сообщение. Каждый раз, когда я пыталась это сделать, у меня будто немел язык. То же происходило с пальцами, когда я попробовала написать письмо.

Поступок Доминика во сто крат хуже моего просто потому, что его приказ действовал, а я всего лишь попыталась. Так какого беса чувство вины мучает меня?

Из-за этого я даже не притрагиваюсь к завтраку, из-за этого, а еще потому, что его готовит не Доминик. Еду доставляют из ресторанчика на площади, что только усиливает мое чувство одиночества в огромном особняке.

Не так я хотела проводить его на бой с Хантером.

Я вообще не хотела, чтобы он с кем-либо дрался.

Но, видимо, придется к этому привыкнуть с мужем-альфой.

Я действительно подумала о Доминике как о муже? Кажется, прошлой ночью у меня отшибло мозги. Или никогда этих мозгов не было, раз я с ним связалась. Но уже связалась, а развязаться не могу. Не хочу. А чего хочу?

Хочу быть с ним.

Без этих дурацких ссор и отстаивания, кто больше альфа.

Впервые мне хочется с кем-то поговорить о наших с Домиником отношениях, спросить, как поступить, но после моей вечеринки Рэбел — моя единственная подруга. Даже если бы не было ссоры с Венерой, стоит ли спрашивать, как сохранить брак у женщин, которые в этом не преуспели?

А кто преуспел?

Ответ приходит в голову мгновенно, и я быстро набираю нужный номер.

— Мам, привет! Мы можем поговорить?

— Так-так, — говорит мама так, будто я одна из ее провинившихся учениц, — неужели моя дочь наконец-то обо мне вспомнила?

Учитывая, что я звонила родителям на следующий день моего переезда в Морийский лес, рассказав, что переехала к Доминику и заверив их, что у меня все хорошо, замечание было спорным. Но очевидно, маме не нравилось, что теперь я не у нее под боком.

— Я никогда о тебе и не забывала. Просто живу свою жизнь.

— Которая больше напоминает телевизионную драму.

— Это радует, потому что, несмотря на все сюжетные сложности, герои рука об руку приходят к счастливому концу.

— Что случилось?! — теперь в мамином голосе явственно чувствуется тревога, поэтому я добавляю веселья и беззаботности в свой.

— А разве я не могу просто тебе позвонить?

— У тебя там почти медовый месяц с твоим вервольфом, и ты не объявлялась в магазине неделю. Поэтому я и спрашиваю: что случилось?

Меня ошарашивает мамино предположение про медовый месяц, поэтому я не сразу нахожусь, что ответить. Она же воспринимает мою паузу по-своему.

— Шарлин, это связано с долгом?

— Нет! — отрезаю я. — Долг здесь ни при чем. Я позвонила тебе скорее как женщина женщине.

Мамин черед слегка зависнуть. Но когда она говорит, беспокойство в ее тоне сменяется интересом:

— Я тебя внимательно слушаю.

Вот почему, когда кто-то так говорит, становится невозможно подобрать слова?

— Это касается меня и Доминика. наших отношений. Всё так сложно! Я почти четыре года была замужем, но по-прежнему не понимаю мужчин.

— Потому что все мужчины разные, моя девочка.

— В этом, наверное, весь секрет, — бормочу я.

— Он тебя обидел?

— Да, — признаюсь. — Очень. Сначала он меня, а потом я его. В общем, мы обидели друг друга, и я не знаю как это исправить.

— А хочешь?

— Конечно! — отвечаю, и только затем задумываюсь.

Конечно, я хочу!

Хочу, чтобы мой мужчина, мой волк шел на этот бой зная, что мы с малышом или малышкой поддерживаем его. Но как ему об этом сказать, если он игнорирует мои звонки и вряд ли станет слушать сообщения?

— Что бы там ни думал или ни говорил твой отец, — вклинивается в мои мысли мама, — характер, сила воли и чувство собственного достоинства тебе достались от меня. А я всегда ценила свое мнение выше остальных. Частенько страдала от этого, но потом встретила его, и всё изменилось.

— То есть стала слушаться папу? Что-то я такого не припомню.

— Нет, — смеется мама. — Но он научил меня тому, что в отношениях можно и нужно договариваться. Приходить к общему мнению.

— А если договориться не получается? Если он меня не слышит?

— Так сделай так, чтобы услышал! Научись сама и научи этому его.

Научись и научи.

Это сложнее, чем кажется. Как объяснить этому волку, что я должна быть с ним, всегда и везде? Но главное — желание.

— Спасибо, мам. Ты мне очень помогла.

Я прощаюсь с мамой и тут же набираю Оуэна. Если кто и знает, где мой альфа, то это он.

— Оуэн, мне срочно нужно в Крайтон. К Доминику.

— Причина? — интересуется вервольф.

— Какая разница?!

— Тебе запрещено покидать поселение, Чарли. По крайней мере, сегодня. Приказ альфы.

Даже так? Хотя кто бы сомневался!

— Что значит запрещено? Я что, пленница?

— Нет, но сегодня тебе лучше оставаться в Морийском лесу.

— А если мне понадобится доктор?

— Ты в своей комнате? Я сейчас поднимусь.

Оуэн снова мой личный телохранитель? Доминик подготовился.

Он отключается, а я зашвыриваю телефон на диван. Вот знала, что не нужно соглашаться на лес! Знала, и все равно поехала. Как теперь отсюда уехать?

Меня тут же озаряет гениальной мыслью, и я падаю на диван следом за телефоном. Вовремя: Оуэн врывается в комнату подобно молнии. И выглядит таким же бледным.

— Что произошло?

Я морщусь от боли вполне натуралистично, потому что не совсем удачно прыгнула на диван, и сейчас у меня простреливает коленку.

— Болит живот, и мне очень нужно к доктору Милтону.

Пусть это нечестно, но на войне все средства хороши.

Вервольф тут же набирает номер.

— Милтон, это Оуэн Брайс. Это насчет Шарлин Мэдисон. Вы нужны в нашем поселении, как можно скорее.

У меня глаза на лоб лезут от такой оперативности. Если бы со мной действительно что-то случилось, я была бы не против, но сейчас мне нужно вовсе не к доктору.

— Мы доедем быстрее, — прерываю его я.

— Нет, тебе лучше не двигаться. Это может быть серьезно.

— Это серьезно, но я смогу добраться сама. Попроси доктора приехать на виллу на Мантон-Бэй. Поедем туда, я обнимусь с Домиником. Его присутствие всегда меня успокаивает.

— Одну секунду, — просит Оуэн и зажимает микрофон ладонью. При этом вид у него становится волчий, а взгляд вспыхивает желтым. — У тебя действительно что-то болит или ты лжешь, чтобы попасть к Доминику?

Вервольфы же чувствуют ложь? Или нет?

— Болит, — признаюсь я. — Сердце за нашего бессердечного альфу!

Оуэн прищуривается и возвращается к разговору с доктором:

— Милтон, всё в порядке. Это всего лишь гормоны. Я позвоню, если по-настоящему понадобится помощь.

Он нажимает отбой, а я поднимаюсь и соединяю ладони на груди.

— Мне правда нужно к нему. Сегодня очень важный день...

— Я знаю, какой сегодня день, — перебивает он меня, — и поверь, мне это тоже не нравится. Но так решил альфа.

— Я не собираюсь его отговаривать, просто лично хочу сказать Доминику, что поддерживаю его. Неужели сложно отвезти меня к нему?

— Он отдал приказ, Чарли.

Мое терпение явно заканчивается.

— А я приказываю отвезти меня в Крайтон! Клара сказала, что в его отсутствие стая подчиняется мне.

Лицо Оуэна становится жестким.

— Я с глубоким уважением отношусь к выбору альфы, но идти против его слов не собираюсь. И не рассчитывай на других членов стаи, они предупреждены, помогут тебе во всем, кроме возвращения в Крайтон. А за нарушение приказа будут изгнаны.

То есть вся стая против меня?!

— Вы все в курсе, что это противозаконно, и я могу позвонить в полицию?

— Тогда проблемы будут у альфы.

Он разворачивается и уходит так же быстро, как и пришел. А у меня чешутся руки. Если в Доминика я кинула энциклопедию, то в спину Оуэна хочется бросить что-то потяжелее. Например, стул.

К сожалению, мне нельзя поднимать тяжести.

Ну и как этому мужчине говорить слова любви и поддержки, если он даже стаю против меня настроил?

К счастью, это нервотрепка не сказывается на ребенке. Приступы меня не беспокоят, так что к доктору мне не нужно. А вот от того, чтобы выбраться отсюда, я бы не отказалась. Просто смириться и сразу сдаться? Никогда!

Но для Оуэна я делаю вид, что все именно так, и что я на него в глубокой обиде. Последнее — чистая правда. Одеваюсь потеплее и иду в городок. Точнее, собираюсь идти туда одна, но стоит выйти на порог, меня окликают один из близнецов. В отличие от меня, он без шапки и в распахнутой толстовке.

— Привет!

— Привет. Э-м-м...

Учитывая, что он без брата, я не представляю, кто передо мной. Но парень приходит мне на помощь первым:

— Майкл.

Значит, передо мной более рассудительный близнец.

— Куда идешь?

— Хочу пообедать в городе. — Учитывая, что я не завтракала, бизнес-ланч будет в тему. — В идеале в Крайтоне.

— Элси готовит лучше, чем любой столичный шеф.

— Уверена в этом. Но мне нужно именно туда.

— Мы с Чарльзом отвезем тебя завтра, куда захочешь, если разрешит альфа.

Я закатываю глаза и все-таки топаю в сторону площади.

Еда у Элси действительно отменная, и заставляет меня на целых полчаса забыть про то, что у Доминика сегодня бой с Хантером.

Как он вообще может так со мной поступать? Запереть меня здесь, а сам...

Я ведь тоже альфа!

Это напоминает мне о моем ночном фиаско, когда я просто взяла и вырубилась после фантастического секса. Только ли от него? Или я перенапряглась из-за использования сил имани?

У меня же получилось. Почти получилось, но Доминик оказался сильнее и опытнее. А что, если проверить силу на более слабом противнике?

Ближайшей мишенью был Майкл, который составил мне компанию за обедом. В отличие от своего

брата, он не пытался шутить, и даже разговор в основном поддерживала я. Он отвечал односложно, о себе рассказывал неохотно, и сразу становилось понятно, что меня просто «пасут», и он здесь ради приказа. Так что ничего страшного не случится, если я потренируюсь на нем, да простит меня его мать!

Сейчас мы в зале одни, так что это останется между нами. Если у меня, конечно, получится. Соблазнять Майкла не входило в мои планы, я сосредоточилась на простом приказе. Для этого вся собралась, а после представила, что набрасываю на его волю ошейник.

— Возьми кусок пирога с брокколи.

Близнец моргнул, а потом ответил:

— Я не люблю брокколи.

Бесы, как это работает?!

— Возьми кусок пирога. — Я добавила в голос жесткости, но парень лишь нахмурился. Тогда я вообразила себя грозной волчицей и приказала: — Съешь его!

Взгляд Майкла на мгновение затуманился, но после он взял пирог и откусил кусочек с самым несчастным видом.

Как я могла забыть, что тот, кому приказывают, всё помнят и осознают?

Поэтому я перехватила его руку, когда он попытался откусить его снова.

— Свободен.

Парень бросил пирог и немедленно вскочил. Теперь у него глаза стали размером с кофейные блюдца, а на меня он смотрел так, будто я была вооружена и опасна.

— Что это было, Чарли?

— Сила альфы, я так полагаю.

— Но ты женщина!

— Еще и человек.

Он открывал и закрывал рот, как выскочившая из аквариума рыбка.

— Я должен рассказать...

— Альфа в курсе.

— Но зачем тогда...

— Хотела попробовать собственную силу. И прошу за это прощения.

— Это неприятно, — он смотрит на меня с укором.

— Знаю.

— И теперь мне надо прополоскать рот. Никуда не уходи!

Да куда я уйду?

Майкл буквально уносится в сторону туалетов, а я думаю, что могла бы заставить его вывезти меня из Морийского леса. Просто приказать, и парню даже ничего за это не будет. В смысле, у него будет алиби — действовал под приказом.

Я могла бы.

Но не буду.

Не потому, что за это наверняка следует какое-то наказание, а потому что я не хочу никого использовать. Не хочу терять доверие стаи даже ради битвы Доминика с Хантером.

Мы с Майклом возвращаемся в особняк, и я поднимаюсь на чердак, чтобы изучить книги. Попросту убиваю там время, которое пытается убить меня. Потому что тянется с улиточной скоростью. Я не знаю, в котором часу начнется бой, но собираюсь ночь не спать, чтобы дождаться Доминика.

Только бы узнать, что с ним все хорошо.

И я жду.

Жду и жду.

Когда услышу звук подъезжающей машины, его шаги. Когда смогу его обнять.

Поэтому звонок телефона становится неожиданностью.

Я отпихиваю от себя книгу и хватаю трубку со стола, но это не Доминик. Входящий с незнакомого номера, и я замираю на мгновение. Потому что все рабочие звонки переведены на Рэбел, потому что сейчас глухая ночь для таких звонков, и потому что вспоминаю один такой звонок, разрушивший мой брак с Дэнвером.

Я медлю, но потом все равно принимаю звонок.

— Алло?

— Здравствуй, Чарли. — Голос мужской, незнакомый и какой-то странный, будто синтетический. Такой, словно его прогнали через программу искажения звука. — Рад тебя слышать.

— Кто вы?

— Твой друг.

Что-то слишком много друзей появилось у меня в последнее время.

— Не напомним, который из них? — интересуюсь как можно спокойнее. Хотя от всей этой ситуации ускоряется пульс. — Твой номер не записан в моих контактах.

Он смеется, и это только подчеркивает ненатуральность голоса: я будто разговариваю с роботом.

— А я думал, что тебе понравился мой букет.

По спине бежит холодок, стоит вспомнить те цветы с ужасным запахом, которые доставили мне домой в мое отсутствие, пройдя кордон из вервольфов. Из-за того букета я и переехала к Доминику. Точнее, он меня перевез.

— Кампала?

— Вот видишь! Мы достаточно давно знакомы, просто еще ни разу не виделись.

— Надеюсь, что так и будет! — цежу я.

— Подожди, не бросай трубку, с тобой и так очень сложно связаться.

— Я и не собиралась! Давай поговорим, а команда Доминика запишет наш разговор и отследит твоё местонахождение.

Он снова смеется. Я бы сказала, от души.

Бесы, чувствую себя как в детективе. Делаю вдох-выдох и напоминаю себе, что я в абсолютной безопасности, и он не может мне навредить через телефон. Это обычный разговор. С маньяком. Нормальные люди не оставляют дурнопахнущие цветы, когда тебя нет дома, и не требуют с тебя десять миллионов крайтов. Нормальные вервольфы тем более.

— Альфе Доминику и так прекрасно известно, где я нахожусь, — говорит Кампала, отсмеявшись. — А если бы нас подслушивали, то вряд ли бы позволили мне произнести хотя бы слово. Твой любовник тщательно оберегает тебя. В том числе и от любой информации.

— Может, потому что ты преследуешь меня?

— Может, потому что не хочет, чтобы ты знала правду, Чар?

Меня дергает сокращение имени.

— Не называй меня так!

— Интересно, почему?

— Не твое дело. Для тебя я Шарлин.

— А разве друзья не называют тебя Чарли?

— Мы с тобой не друзья.

— Пока не друзья, — обещает Кампала. — Но я был другом твоего мужа.

— И поэтому после смерти Дэнвера ты решил стясти его долг с меня?

— Это был лишь повод с тобой познакомиться.

Ничего себе повод! Ценой в три-четыре книжных магазина. Но пора со всем этим заканчивать!

— Мы уже познакомились. Что тебе от меня нужно?

— Хочу пригласить тебя на сегодняшний бой без правил. У меня как раз два билета в первом ряду!

Он издевается?! Хотя странно ждать нормальности от психопата.

— Спасибо за приглашение, но вечер я собираюсь провести дома, — хмыкаю я.

— И пропустить бой Экрот-Бичэм?

Мне хочется рычать, но еще больше хочется посмотреть этот бой. Только как?

— Если ты в курсе всего, то наверное знаешь, что я не могу покинуть дом.

— Последнее не проблема, — смеется Кампала. — Открой письмо, которое я отправил тебе на почту, и пройди по ссылке. Ответ там.

Первый порыв — все-таки послать его. Потому что еще по незнакомым ссылкам я не ходила! Даже школьник знает, что переходить на непроверенные сайты чревато неприятными последствиями для компьютера или смартфона, а в моем случае — для психики.

Если не открою, просто удалю письмо, то буду мучиться до самого возвращения Доминика и жалеть, что не посмотрела. Но если все-таки открою, то тут возможны варианты.

— Смелее, Чар, — напоминает о себе синтетическим голосом Кампала. — Поверь, тебе понравится.

— Сомневаюсь.

Он снова смеется, и это самый раздражающий на свете звук.

Уверена, у психов своеобразное чувство юмора, но я зажимаю телефон между плечом и ухом, плюхаюсь на диван и открываю ноутбук. Вверху экрана желтым конвертиком мигает новое непрочитанное письмо.

Ну что он может мне показать? План побега из Морийского леса через секретный ход?

— Лучше надень наушники, у твоих тюремщиков очень тонкий слух.

Ему известно про Оуэна?

— Я здесь одна.

— Правда? Экрот тебя запер и забрал ключ?

Ладно, уел.

Я решаю ничего не отвечать. И совет про наушники игнорирую, мало ли что он мне может транслировать, попросту выключаю звук на компьютере. На мигающее письмо нажимаю быстро, чтобы не передумать, и правда обнаруживаю всего лишь ссылку.

Только куда она ведет?

Мои пальцы замирают над клавишей на долю секунды. В голове почему-то звучит строгий голос Доминика о том, что я должна думать о своем спокойствии. Но для меня это означает смириться с пассивной ролью волчицы, место которой в постели альфы или возле потомства. Ни о каком равноправии речь не идет.

К тому же, если это действительно сеть подземных переходов, то я смогу его скопировать и выдать Доминику. Он должен об этом знать!

Это не план побега.

В крошечном окошке появляется небольшое видео. Передо мной комната, напоминающая раздевалку в каком-то фитнес-клубе: светло-зеленый кафель на стенах, яркий свет от лампочек под потолком, белые шкафчики и деревянная скамья на всю длину комнаты, дверь. Но все замершее.

Я вглядываюсь в видео с минуту, но ничего не происходит.

— Что это? — спрашиваю, когда вглядываться надоедает. — Нельзя было обрезать неинтересные моменты?

— Это не запись, Чар. Подожди. Мы просто пришли слишком рано, до начала спектакля.

— Спектакля?

Ему не нужно ничего говорить, потому что ответ на мой вопрос как раз входит в дверь. В кадре появляется мужчина, стягивающий с плеч длинное пальто и скидывающий спортивную сумку на скамью. Учítывая, что камера очень-очень хорошая, а передача изображения практически идеальная, не узнать Хантера сложно. Тем более когда он откидывает назад длинную челку. Но стоит мне открыть рот для следующего вопроса, появляется второй ответ. Хантер резко вскидывает голову, будто ведет носом, а потом поворачивается к двери.

В которую спустя несколько мгновений шагает Доминик.

Я забыла как дышать.

Будто он мог меня почувствовать. Поднять взгляд, посмотреть в зрачок камеры и сказать что-то вроде этого: «Шарлин, я запретил тебе смотреть на бой с Бичэмом». Но он, конечно же, меня не видел и смотрел исключительно на Хантера. Долгую минуту, и взгляд Доминика не сулил моему недавнему похитителю ничего хорошего.

А потом он заговорил.

То есть Доминик что-то сказал, Хантер, кажется, ему ответил, но я, естественно, не услышала ни слова.

Бесы! Наушники!

Я спихнула ноутбук с колен и метнулась к подоконнику, на котором оставила «капельки». Вернулась так же быстро, на ходу засовывая левый наушник в ухо, захотела засунуть второй в правое, но вовремя вспомнила про Кампалу. Правда, сейчас было совсем не до него. Подключила все одним кликом и осознала, что все равно смотрю немое кино.

Звук не было.

Я дважды проверила наушники, прежде чем догадалась, что проблема не с моей стороны.

— Почему нет звука? — поинтересовалась у вервольфа.

— Наконец-то надела наушники? Хорошая девочка!

— Еще одно высказывание в таком тоне, я брошу трубку.

Я говорю мило, но так чтобы стало понятно, что мы либо играем по одним и тем же правилам, либо пусть идет в лес. — И очень сильно пожалеешь, — цедит он.

— Может быть. Но ты этого уже не узнаешь.

Повисает пауза, мне до бесов хочется узнать, о чем говорят Доминик с Хантером, но и позволять развлекаться за свой счет я не собираюсь.

— А ты горячая штучка, Шарлин.

— С вервольфами и выть научишься, — цитирую я старинную поговорку.

— Я включу звук, — обещает этот недоделанный альфа. Теперь его голос звучит глухо, но более собрано, по-деловому что ли. — И у тебя действительно будет лучшее место во время их боя. Но ты не станешь бросать трубку. Бросишь — и изображение станет тебе недоступно.

— Договорились, — отвечаю, особо не раздумывая, и в ухо тут же ударяет властный, но почти родной голос моего волка.

— ...убеждена, что ты знаешь все о таких, как она.

— Имани, — поправляет Хантер. Его голос спокойный, расслабленный, но я прекрасно знаю, что это

совершенно ни о чем не говорит — он умеет мастерски перевоплощаться. — Я называю их имани.

— Мне плевать на других, меня интересует только Шарлин и ее благополучие.

— Плохо интересует, раз ты посадил ее в башню и решил защищать от любой информации. Даже полезной. Даже той, что может спасти ей жизнь.

Я даже через камеру чувствую сгущающееся между вервольфами напряжение.

— Ее жизни ничего не угрожает.

— К сожалению, угрожает. Моя мать умерла при родах, но она не исключение. Я нашел несколько упоминаний об имани, все они погибали либо в попытках выносить младенца-вервольфа, либо чаще в момент его рождения. Человеческое тело, даже тело имани слишком хрупкое, поэтому мать отдавала все силы ребенку. Конечно, он рождался очень сильным, и это того стоило.

Мне кажется, я падаю, проваливаюсь куда-то глубоко-глубоко, хотя по-прежнему сижу на диване. Но слова Хантера въедаются в сознание, и вместо паники меня охватывает какая-то нездоровая злость, хочется рычать на него. Какого беса он все время лезет в мою жизнь?!

Когда в наушниках слышится рычание, сначала я думаю, что оно принадлежит мне. Только спустя мгновение до меня доходит, что это рычит мой волк.

— В истории упоминается всего два случая рождения полукровок, с тобой — три. — Я далеко не сразу осознаю, что это говорит не Хантер, а Доминик. — Но мне прекрасно известно, как пишется история, поэтому я предпочитаю доверять, но проверить.

— Ты знаешь об этом?

— Конечно. С тех пор, как я узнал о ее беременности, у меня целый отдел занимается тем, что день и ночь ищет любые упоминания этих имани.

Если я могла удивиться еще больше, то только что это сделала. Не просто удивиться, после слов Доминика у меня груди растеклись тепло, и одновременно захотелось настучать ему по голове. За то, что столько для меня делает и при этом ни о чем мне не рассказывает. Вот как с ним бороться?!

— Нашли только о смерти? — усмехается Хантер, а внутри меня зарождается утробное рычание.

— Пока. Это та таинственная информация, которую ты хотел передать через Венеру? Напугать Шарлин еще больше?

— Я планировал рассказать ей об одном условии, которое может спасти ей жизнь.

— Расскажи мне.

Я даже придвинулась ближе к экрану и затаила дыхание.

— Нет, — отрезает он. — Она узнает это от меня или не узнает вовсе, но тогда ее смерть будет на твоей совести, Экрот.

— Если бы мы не выходили на волчий ринг через несколько минут, я бы вызвал тебя вновь.

— Значит, прекрасно, что ты уже это сделал, а я принял вызов.

— Зачем тебе это? Этот бой.

— Это моя месть вашей стайной семейке.

— Ты не имеешь никакого отношения к моей стае, Бичэм. Твоя биологическая мать не была любовницей моего деда.

— Но это не помешало ему ее трахнуть.

— У него была женщина, его пара. Ему больше никто не был нужен. Кто-то из твоих родителей солгал.

— Или лжешь ты.

— Увидимся на ринге.

Экран погас.

Не будь предыдущих сюрпризов со звуком, я бы, наверное, взревела волчицей, а так лишь крепко

сцепила зубы, чтобы не высказать Кампале все, что я о нем на самом деле думаю. Не то чтобы я этого стеснялась, просто хотела, чтобы этот шутник показал сам бой. Если у него камеры в раздевалках стоят, то наверняка на ринге тоже.

— Как же обещанное место в первом ряду? — поинтересовалась спокойно, когда смогла подобрать цензурные слова. — Или у тебя технические неполадки?

— Думаю, стоит ли допускать беременную женщину к такому кровавому зрелищу.

— Будто тебя волнует мое здоровье.

— Волнует, Чар, еще как волнует. Когда эти два волка сцепятся и сдохнут в этой битве, ты и твой ребенок достанетесь мне. Я позабочусь о вас и воспитаю сильнейшего альфу. Непобедимого. Того, кто подогнет под себя все стаи. А я буду его любимым папочкой.

Судя по всему, неполадки у него не технические, а с головой! Потому что он еще больший психопат, чем я думала. Больной ублюдок!

От таких откровений захотелось бросить трубку, а потом еще и помыть руки и уши, но я сдержалась. Так я не помогу Доминику. И себе тоже не помогу.

— Ты слышал их разговор. Не факт, что я вообще смогу выносить ребенка.

— Ты постарайся, а потом отправишься следом за Экротом.

Меня замутило не столько от его слов, сколько от спокойного скучающего тона, будто Кампала вслух размышлял, что бы ему съесть на обед, а не о смерти, моей и моего волка.

Я заставила себя выдохнуть, потому что фантазии этого больного ублюдка не имели никакого отношения к реальности.

— Зачем напрягаться с ребенком, у тебя уже есть могущественный сын имани. Чем тебя не устраивает Хантер? Вы же союзники.

— Союзники. Поэтому он поможет мне избавиться от Экрота.

— А что потом?

— Ты действительно хочешь это знать?

Нет. По сути, мне плевать на Хантера, наша дружба закончилась на том, когда я узнала, что он меня использовал. Но мне совершенно точно не наплевать на Доминика.

— Покажи мне бой, — приказываю я. На мысли о Доминике в меня втекает холодная уверенность. Такая, с которой можно идти напролом. — Я все равно буду волноваться, возможно, даже сильнее, если ничего не увижу, и тогда тебе придется распрощаться с планами насчет преемника.

— Не могу отказать, когда женщина просит, — усмехается он, и в наушники ударяет гул, похожий на рычание толпы, собравшейся на стадионе во время футбольного матча или концерта суперзвезды.

На этом сходство заканчивается, потому что это не стадион. Мне приходится развернуть окно на весь экран, чтобы рассмотреть происходящее с девяти разных ракурсов. Девять камер устремлены на без преувеличения огромный ринг, похожий на поляну. С одной стороны песок, кое-где островки вытоптанной травы, высохшие бревна и камни: крупные и поменьше. Все это утоплено внизу, чтобы зрителям было все хорошо видно, а зрителей здесь много. Мужчин, женщин, людей и вервольфов. Казалось, каждое место резко уходящих вверх рядов занято. Возбужденными, взбудораженными, предвкушающими яркое зрелище зрителями.

Не знаю, чего я ждала, но явно не того, что их будет так много. Так много желающих посмотреть на бой Доминика и Хантера. Или это норма для волчьего ринга?

— Первый ряд, — вклинивается в этот шум Кампала. — Хотя вернее будет сказать, ВИП-место.

— Ты всегда смотришь бои через экран? — догадываюсь я.

— Это удобно, так я могу видеть всё и всех.

— А тебя не видит никто.

Он не отвечает, но все и так понятно: скрывает лицо, скрывает голос, скрывает истинную личность. Кто же он такой?

Мой взгляд скользит от одной камеры к другой и цепляется за вервольфа возле дверей, больше похожих на ворота. Маверик Халли. Тот самый, что приходил ко мне в магазин с требованием долга. Судя по выражению лица, он не разделяет бушующего вокруг восторга, но рассмотреть его как следует я не успеваю.

Кто-то ударяет в гонг, и волчий ринг резко погружается во тьму. Публика мгновенно затихает, а свет выхватывает высокого рыжеволосого мужчину в смокинге на площадке.

— Доброй ночи, леди и джентльмены! — приветствует он, и его усиленный микрофоном голос наверняка слышно всем. — Добро пожаловать на Волчий ринг. Впрочем, вы уже знаете, куда пришли, потому что в наш закрытый и эксклюзивный клуб просто так не попасть. Нужно особое приглашение. И сегодня вы его получили!

Публика рукоплещет и свистит, а некоторые даже подвывают, изображая волков.

— Рад видеть наших постоянных гостей и тех, кто с нами впервые. Сегодня вас ждет неожиданное уникальное шоу. Сильный молодой альфа выступит против нашего с вами любимчика — непобедимого Сына имани.

Непобедимого?!

Бесы!

Ведущий треплется, распаляя публику, а я сижу как на иголках, пытаюсь в темноте ринга рассмотреть, что же там происходит. И только случайно краем уха улавливаю:

— Наши бойцы сражаются до тех пор, пока один из них не сможет подняться. Что же касается правил — их как всегда нет! Надеюсь, вы успели сделать ставки, потому что мы н-а-ч-и-н-а-е-м!

Трибуны просто взрываются ревом, над рингом-поляной ярко вспыхивает свет, и я вижу, как через одну дверь выходит Доминик. Он выглядит так же, как и несколько минут назад, сосредоточенным и решительным.

Я долго всматриваюсь в его лицо, и поэтому чуть не пропускаю появление Хантера с противоположной стороны. Историк выходит красиво и гораздо более эффектно: на нем лишь джинсы и, собственно, всё. Его публика встречает довольным ревом, а он вскидывает руки вверх, приветствуя всех.

Позер!

Как я вообще могла им интересоваться?

Противники встречаются в центре ринга, на большом плоском камне, и становятся друг напротив друг. Одна камера показывает крупным планом Доминика, другая — Хантера, на губах которого играет усмешка, и меня прошибает холодный пот, но я медленно повторяю про себя, что верю в своего мужчину. Мой волк, мой альфа сейчас победит, затем разделается с Кампалой, а со всем остальным мы разберемся вместе.

— Да начнется волчий бой! — ревет ведущий, и с моих губ срывается хриплый выдох.

Бойцы в доли секунды перекидываются в волков.

Сказать, что это неожиданно — значит, ничего не сказать. Я наивно полагала, что они будут сражаться в человеческом обличье. Ключевое слово «наивно».

Костюм Доминика в мгновение ока расходится по швам, и знакомый снежный волк опускается на все четыре тяжелые лапы. Хантер немного отстает, но я не могу сказать, потому что он слабее или потому что пафосный и работает на публику. Его тело покрывается серебристо-серой шерстью, лицо вытягивается, превращаясь в звериную морду. Когда он окончательно трансформируется в волка, то через любую из открытых мне камер заметно, что сын имани крупнее и массивнее Доминика раза в полтора, а его взгляд светится жутковатым синим сиянием. Ко всему прочему, Хантер задирает голову кверху и издает вой, больше похожий на боевой клич.

Публике это нравится — толпа затихает, предвкушая зрелище. Волки обходят друг друга по кругу, рассматривая и оценивая противника. Смотрят глаза в глаза, и я ловлю взгляд Доминика, когда одна из камер получается направленной в его морду. Хочется крикнуть: «Зачем тебе это? У тебя же есть пара, ребенок», пусть даже он меня не услышит. Поэтому я не кричу. Поэтому, а еще потому, что крик застывает в горле.

Белый волк нападает первым: бросок — и он с силой врывается в Хантера. Удар мощный, поэтому они оба соскальзывают с камня и катятся по песку, где уже серебристый монстр изворачивается и

полосует лапами по боку Доминика. Но тот будто не замечает этого, прыгает сверху и ударяет так, что голова Хантера откидывается назад. Вздохнуть с облегчением я не успеваю: лапа белого попадает под пасть серого волка.

Все происходит быстро. Настолько быстро, что просто невозможно уследить за ударами, укусами, подсечками.

Это не постановка. Не драматическое шоу, хотя ведущий подогревает публику своими комментариями.

Это бойня.

Толпа ликует, когда на песок проливается первая кровь — кровь моего волка. Я чувствую ее запах, привкус на языке и одновременно с тем болезненное жжение со стороны внутренней части щеки.

В отличие от моей, рана Доминика мгновенно затягивается, и бой продолжается.

— Как тебе зрелище? — «оживает» в наушниках Кампала.

— Отвратительное.

Настолько отвратительное, что мне хочется закрыть глаза и уши или захлопнуть крышку ноутбука, но тогда я не узнаю, чем все это кончится. Поэтому выбираю смотреть и слушать.

Хантер действительно сильный и быстрый, иногда я даже не успеваю воспринимать скорость, с которой движутся волки. Интересно, что бы старейшины сказали насчет полукровки, если бы увидели его сейчас? Подозреваю, что ничего. Им выгодно закрывать глаза на то, что им невыгодно.

Следующий удар Доминика, кажется, ломает переднюю лапу Хантера, потому что она изгибается под каким-то совсем неестественным углом. Но Бичэм отпрыгивает в сторону, на траву, и встречает нападение противника уже со сращенной конечностью.

Две секунды на регенерацию кости?! Две секунды!

— Знаешь, почему волчьи бои так популярны? — интересуется Кампала.

— Потому что это грязно? — предполагаю я.

— Нет. Потому что они могут длиться долго. Очень долго. Пока от усталости не замедлится скорость регенерации, и они не превратятся в обычных зверей.

Я сглатываю, и уже не уверена, что могу все это выдержать. Это всегда так? Это норма для волчьих боев или для вервольфов в принципе? Чего еще я не знаю об их мире, и хочу ли знать? Знаю только, что этот бой для меня превращается в бесконечный.

Я вздрагиваю, когда от мощного удара белый волк отлетает в сторону и ударяется о валун. Не слышу, но чувствую хруст его костей на каком-то уровне, как если бы меня саму швырнули через половину ринга. Только будь на месте Доминика я, то там бы и осталась лежать, а он поднимается, правда, трясет головой и уже тяжело опирается на лапы. Хантер же напоминает не знающую усталости машину для убийства.

— И это все? — продолжает комментировать ведущий. — Вот она, старая школа против новой. А когда-то Молодой альфа тоже был нашим чемпионом!

— Что это значит? — хриплю я.

— Экрот тебе не рассказывал? — усмехается Кампала. — Я думал между вами нет секретов?

Задуматься не успеваю. Доминик снова летит на камни, Хантер нависает над ним, а я зажимаю рот ладонью, чтобы не заорать. Потому что острые зубы вот-вот сомкнутся на шее моего волка.

Клац.

Зубы Хантера хватают воздух: Доминик в последнюю минуту извивается и ныряет под брюхо серому.

— Хитер, — не то с досадой, не то с восхищением говорит Кампала.

Вой Хантера полон боли и ярости, а белоснежный волк атакует и атакует без передышки. Удар за ударом. Пока Хантер не приходит в себя, и вот они снова катаются по песку, земле, траве. Разобраться в этом клубке уже просто невозможно.

Поэтому, когда Доминик оказывается сверху, прицеливаясь к шее хрипящего Хантера, я вскрикиваю:

— Он победил!

— Пока нет! — рычит Кампала.

Словно в подтверждение его слов, вспыхивает весь свет, и через двери в зал устремляются отряды людей в форме и с пистолетами. Вспыхивает паника, зрители вскакивают со своих мест, никто уже не смотрит на ринг. Одна из камер выхватывает женщину в первых рядах, и я ее узнаю.

Сержант Лабрю?!

Именно сержант первой добирается до ведущего и микрофона, чтобы прекратить общее «веселье», объявив:

— Полиция Крайтона! Все арестованы!

Глава 11

Камеры снова отключились, а я отвлеклась на Лабрю и не успела выхватить взглядом Доминика и Хантера. Отключились не только камеры, но и сам Кампала, полностью отрезав меня от происходящего на волчьем ринге и от возможности поинтересоваться: «Какого беса?» Ведь совершенно ясно, что полиция появилась не просто так.

Он это спланировал!

Могу поклясться чем угодно, он обо всем знал. И сейчас там всех арестуют. Доминика арестуют!

Нужно рассказать обо всем Оуэну!

Я вскакиваю на ноги так резко, что ноутбук летит на пол, и тут же падаю обратно, потому что низ живота сводит судорогой. Хорошо знакомой судорогой, скручивающей всю меня в тугой узел боли. Телефон выскальзывает из ледяных пальцев, и все что я могу — свернуться в клубок, обхватить себя руками и дышать, как меня учили на курсе медитации.

Дышать, дышать, правильно дышать.

Правильно получается через раз, потому что мое тело будто выжимают, пропуская через центрифугу боли. Поэтому я то сжимаю зубы, то хватаю ртом воздух.

В голове маяком горит: «Я должна помочь Доминику». Но как ему помочь, если он там, а я здесь, и даже сама себе помочь не могу.

Нет, не те мысли!

Нужно успокоиться. Успокоиться ради ребенка.

Новая судорога такая сильная, что терпеть больше нет сил, и я кричу. Кричу во все горло. Если бы еще от этого становилось легче? Но легче только до следующего витка приступа.

— Шарлин? Шарлин!

Мужские руки на моих плечах сначала приносят радость и надежду, но тут же губят ее в зародыше: это не Доминик, а Оуэн.

Это всего лишь Оуэн, и мне хочется заплакать.

— Милтон, приезжай немедленно!

— Мне нужен Доминик, — хриплю я.

Когда он обнимает меня, все проходит, как бы странно это ни звучало. Эта какая-то волчья особенность.

Но его рядом нет, и поэтому я чувствую, на каком-то инстинктивном уровне чувствую, что мой малыш готов меня покинуть. От этого чувства уже хочется не плакать, а выть.

Маленький. Маленькая. Кем бы ты ни был, держись! Мама со всем справится, папа тоже. Только не покидай меня, пожалуйста, не покидай нас.

Я повторяю и повторяю это в своих мыслях столько раз, что попросту сбиваюсь со счета. До самого приезда доктора, который тут же вкалывает мне кучу каких-то препаратов и подключает к каким-то аппаратам.

Боль прекращается через минуту-две, но чувства облегчения не наступает. Какое облегчение после всего, что я увидела? Даже когда мои глаза начинают слипаться, я стараюсь разлепить их, на случай того, чтобы рассмотреть своего волка, входящего в дверь спальни.

Но рассматривать некого.

— Мне нужен Доминик, — повторяю я, с трудом выталкивая из себя слова. — Это не каприз. Он лекарство.

— Я понимаю. — Доктор сжимает мою ладонь. Это лучше всяких датчиков, но помогает относительно.

— Где альфа Экрот? — слышу сквозь дремоту голос Милтона.

— Он не может приехать.

— Он должен.

— Я знаю. Но он не может.

Потому что он в тюрьме.

Это моя последняя мысль, перед тем как провалиться в сон.

Точнее, в тот же самый, преследующий меня кошмар, в котором я вижу, как горит машина Дэнвера. Он шевелится, окровавленными волчьими лапами тянется ко мне сквозь разбитое лобовое стекло. И я срываюсь с места, бегу к нему, чтобы помочь, чтобы вытащить его оттуда, пока огонь не добрался до бензобака.

Дергаю на себя дверь, но ее заклинило. Когда же хватаю за лапу в попытке вытащить мужа, вскрикиваю от боли — длинные когти полосуют предплечья, вонзаются в кожу. По лицу Дэнвера, все еще человеческому лицу, течет кровь, глаза горят яростным желтым огнем.

— Мы пара, Чар, — зло выплевывает он. — поэтому ты сдохнешь вместе со мной!

Дэн рывком втаскивает меня в авто, будто я ничего не вешу, и мир взрывается светом и болью. Я кричу. Кричу и рвусь наружу.

К неуклюжему белому волчонку, что скулит на шоссе. Даже сквозь огонь, разбитые стекла и собственную боль я вижу его, и понимаю, что это мой малыш. Он плачет, пытается подойти ближе к языкам пламени, но всякий раз пугается и отступает. Он напуган, и во мне просыпается столько первобытной ярости, что я бросаюсь на Дэна, зубами вгрызаюсь в его горло, когтями раздираю его тело и, высвободившись, не замечая его криков, выпрыгиваю через окно.

Закрываю волчонка собой, когда машина взрывается снова. Боль тоже взрывает мое тело изнутри. Волчонок подползает ко мне, лижет мое лицо, падает рядом и тычет носом в бок. Мне хочется сказать, что все будет хорошо, но я не могу произнести ни слова. Тогда волчонок начинает рассеиваться, звездами растворяться в нереальной реальности сна, и я кричу:

— Нет!

Кричу, но с губ срывается полный отчаянья вой.

Остановите это! Кто-нибудь!

Доминик!

Стоит мне подумать, как мы с волчком оказываемся в заснеженном лесу, и на поляне появляется огромный белый волк. Боль разом прекращается. Весь этот кошмар прекращается. Волк подходит к нам, и волчонок сильнее жмет к себе. Но я подталкиваю его носом к отцу, сама поднимаюсь на трясущихся лапах, обессиленная, практически ползу к Доминику.

Стоит нам соприкоснуться горячими носами, меня охватывает знакомым чувством защищенности, спокойствием и теплом.

Я просыпаюсь в объятиях Доминика и чувствую, что щеки мокрые от слез. Он слегка отстраняется, но только для того, чтобы взглянуть мне в лицо и стереть слезы.

— Ты пришел! — выдыхаю я.

— У тебя были сомнения?

— Нет, — я утыкаюсь носом в его плечо — нормальным носом, кстати — и вспоминаю о кошмаре. — Я была волчицей. Во сне.

Он замирает, но только на мгновение, потом продолжает меня гладить, не только по щекам: по голове, по плечам, по спине. Сейчас в его жестах нет сексуального подтекста, только забота.

— Я видела нашего ребенка. Он такой хорошенький в образе волчонка.

— Он?

— Он, — киваю я. — Ты выиграл, это мальчик.

— Это наша общая победа.

— Согласна.

Я ничуть не жалею, потому что уже люблю этого волчонка.

— С ним все в порядке? — спрашивает вервольф, и я улавливаю его напряжение.

— Да, — подтверждаю я. — Да, он по-прежнему с нами. Но больше не оставляй меня так надолго. И больше никаких волчьих боев!

Только сейчас до меня доходит, что Доминик непривычно пахнет. Что в запах пота вплетается еще один — аромат крови, запекшейся на его коже.

Я слишком откровенно принимаю его, поэтому он замечает.

— Все нормально. Я спешил к тебе, поэтому не стал принимать душ.

И я ему благодарна за спешку.

— Почему... — Мне хочется спросить, как так произошло, что он здесь, а не в тюрьме, но я не должна знать про арест. Я еще не поняла, хочу ли я признаваться Доминику в том, что все подсмотрела. По правде говоря, я не хочу новых ссор, особенно сейчас, когда нам так хорошо. Поэтому осекаюсь и задаю другой вопрос: — Почему ты так долго не шел?

По лицу Доминика видно, что он не желает отвечать, но после минуты колебаний все-таки отвечает:

— Я могу рассказать позже? Ночью у тебя был приступ.

Уже утро? За окном так темно и валит снег, что сложно понять, сколько сейчас времени.

— Лучше сейчас. Пока ты рядом.

— Хорошо, — соглашается он. — Тем более что ты все равно узнаешь из новостных лент или еще как-то.

Видно, что ему это не нравится, и будь его воля, Доминик отрезал бы меня от всех новостей.

— Я сразился с Бичэмом и выиграл, но копы устроили облаву и всех арестовали. Я провел несколько часов в полицейском участке, пока мой адвокат во всем разбирался и вносил залог. Чуть с ума не сошел, потому что все время слышал, как ты меня зовешь.

Мои глаза расширяются.

— Но как?!

— Я не знаю. Это необъяснимо, но я знал, что нужен тебе. В какой-то момент я думал, что разнесу участок, если они немедленно меня не отпустят.

Обнимаю его, прижимаюсь теснее.

— Они тебя отпустили, а значит, все хорошо. Ведь так?

— Мне выдвинули обвинение в смерти Дэнвера.

Что?!

— При чем здесь Дэн? — интересуюсь хрипло. — Это же смешно!

У меня вырывается короткий, нервный смешок, которым я едва не давлюсь под тяжелым взглядом вервольфа. Голова начинает кружиться, хотя я лежу в постели. Может, дело в этом? Я отстраняюсь и сажусь, опираясь на изголовье. Доминик тоже приподнимается на локте и изучает мое лицо так пристально, что мне становится не по себе.

— По их словам у меня есть мотив: Дэнвер слишком много задолжал мне и моей стае, к тому же, после его смерти я заполучил тебя.

— Но вы не виделись с ним бес знает сколько!

— На самом деле, я последний, кто его видел.

Я свожу брови.

— Постой. Ты же говорил, что не виделся с Дэнвером?

— Я говорил, что давно не давал ему денег.

— И это доказательства убийства? То, что ты виделся с ним, и спишь со мной?

— Нет. Они нашли видео, что-то вроде предсмертной записки. На ней он говорит, что опасается за собственную жизнь, и что я его преследую.

— Говнюк! — не выдерживаю я. Вот нельзя так про мертвых, но Дэн даже после смерти продолжает портить мне жизнь. Убила бы, будь эта скотина жива! — Зачем тебе его преследовать? Это Кампала его преследовал!

— Они считают, что Кампала и я — одно лицо.

Я подсакиваю на подушках, забывая о том, что совсем недавно мне было совсем нехорошо.

— Это же бред!

— Ты так думаешь? Я вполне мог обманывать тебя, удерживая рядом с собой.

Снова этот испытывающий взгляд, будто сегодня Доминик решил поиграть в откровенность.

— Вначале у меня была такая мысль. Что ты просто издеваешься надо мной, водишь меня за нос. Но теперь я знаю, что это не так.

— Почему?

Это мой второй шанс сознаться, что я подслушала их разговор с Хантером, но я снова не решаюсь. Поэтому отвечаю:

— Ты предпочитаешь идти напролом, а вот Кампала любит делать все чужими руками, чтобы самому не замараться.

Доминик усмехается, и я замечаю, что глубокие морщины залегли вокруг его глаз, насколько он устал. Неожиданно мой волк притягивает меня к себе и целует, коротко, но крепко, словно клеймит собой.

— Я рад, что ты на моей стороне, Шарлин.

— Вообще-то, я жду от тебя ребенка, Доминик. На чьей еще стороне я должна быть?

— Кстати, о ребенке. — Он резко роняет меня поперек кровати и зловеще рычит: — Если бы не он, я бы показал тебе, что бывает с волчицами, которые желают подчинить себе альфу.

— Я не волчица!

— Ты была ею.

— Только во сне.

— Для меня это не имеет значения.

— Мы квиты, Доминик Экрот, — я злюсь, потому что мне не удастся высвободиться. — Ты применил ко мне голос альфы, я ответила тебе тем же.

— А еще использовала силу на Майкле.

— Это была тренировка.

— Больше так не делай! В смысле, не тренируйся на членах стаи.

— Хорошо, — обещаю я. — Но только если снимешь приказ.

— Нет, Шарлин.

От этого «нет» обидно, как в первый раз. И я еще собиралась ему все рассказать!

— Нет?! Но почему? Ты же сказал, что победил Хантера!

— Победил. Но мы с ним не закончили, нас прервали. Бичема тоже забрали в участок, но его освободили под залог.

— Не знала, что он настолько богат, чтобы купить освобождение до суда.

— На волчьих боях можно много заработать. Особенно чемпиону.

«Ты это на собственном опыте проверил?» — хочется спросить. Еще больше хочется, чтобы Доминик мне все рассказал, но он молчит.

— Пока Бичэм как-то связан с Кампалой, Шарлин, я не могу тобой рисовать.

— Что ты предлагаешь?

— Просто довериться мне. Я скоро разберусь с Кампалой.

— Разве его не было вчера на Волчьих боях? Вы же должны были там встретиться.

— Я так думал. Очевидно, этот говнюк, как ты сказала, считал иначе. Не сомневаюсь, что полицейский рейд — его идея.

— И что теперь? Тебя ведь не могут посадить за убийство, которого ты не совершал?

— Нет, — успокаивает он меня. — Но и с Кампалой пришло время покончить. Он и Бичэм слишком заигрались в свои игры.

Глаза Доминика яростно вспыхивают, и он становится похожим на того Доминика, которого я знала в прошлом: жесткого и беспощадного.

А я вспоминаю слова Кампалы о том, что он хочет пустить своего напарника в расход.

— Если Хантер с ним заодно, то почему полиция его арестовала?

— О чем ты Шарлин?

— О том, что Кампала раз за разом сталкивает вас лбами. И ты защищаешь меня не от того.

— Я защищаю тебя ото всего и ото всех.

— Но вы могли бы объединиться.

— Нет, — рычит волк, и в мгновение ока вскакивает с кровати.

— Ты хочешь покончить с Кампалой, — напоминаю я, — но даже не знаешь, кто он и где находится.

По виду Доминика заметно, что я попала в точку. В яблочко.

— Это лишь вопрос времени.

Он разворачивается, чтобы уйти, но я со стоном валюсь на подушки.

— Стой. Ты нужен ребенку.

Доминик возвращается на постель так же быстро, как и слетел с нее. Хватает меня в охапку.

— Мы не договорили. Обещай хотя бы подумать над моими словами.

Нужно видеть его лицо. Кажется, это тот случай, что мне повезло с беременностью и отношением вервольфов к беременным, иначе сидеть мне было бы больно. Я просто читаю это во взгляде Доминика.

— С ребенком все в порядке?

— Да.

Он рычит и все-таки уходит. Правда, я успеваю заметить, что он немного прихрамывает на левую ногу, и хмурюсь.

Бой прошел не так, как он планировал? И смирился ли историк с проигрышем?

Я знаю только одно — мне нужно снять бесов приказ.

Мне нужно поговорить с Хантером. И убедить его встать на нашу сторону.

Объединиться против Кампалы.

Паб «Злой вепрь», Северо-Западный округ Крайтона

Это был не первый паб, что попался на его пути, но первый, в названии которого не фигурировали волки. На вывеске паба был изображен вепрь, то ли всем своим грозным видом показывающий, что вервольфы здесь не место, то ли предупреждающий, в кого можно превратиться, если перебрать с выпивкой.

Он вообще не собирался заходить в бар, но повалил такой густой снег, что Хантер рисковал сам превратиться в сугроб. Не говоря уже о том, что попытка прикурить сигарету обернулась ничем: первая искра погасла мгновенно, а после пальцы соскользнули с колесика, отзываясь вспышкой боли в запястье и устремляясь к локтю.

Бесов Экрот!

Кость срасталась, но из-за усталости не так быстро, как хотелось бы, а боль... Боль напоминала о том, что теперь он ненавидит мерзавца еще больше. Кампала спустил с цепи своих псов и все испортил. Но они с Экротом не закончили.

Пока еще не закончили.

Если раньше Экрот отвечал за свою семью, теперь у них появились свои счета.

Сигарета в кулаке превратилась в сдавленную кучу мусора, поэтому Хантер выбросил ее и толкнул дверь под вывеской с вепрем.

Паб оказался в стиле старинной таверны, а может, и был ею когда-то. Всего четыре столика, массивная барная стойка и втиснутые в узкое пространство между ними высокие стулья. Приглушенный свет светильников, напоминающих керосиновые лампы, негромкая музыка, протирающий салфеткой пивные бокалы грузный бородатый бармен в фартуке и без улыбки. Электронные часы над входом смотрелись чужеродно и показывали четыре пятьдесят три.

Для пяти утра в этой дыре было на удивление много народа: три нетрезвых парня, занявших стулья возле барной стойки, женщина в углу, почти прикончившая бутылку виски и смотрящая на нее пустым взглядом, толстяк за ближайшим столиком, поедающий яичницу с беконом. У кого-то дерьмовый день заканчивался, у кого-то только начинался, а круглосуточное обслуживание помогало им пересекаться.

Хантер бы ушел, но запах бекона зашекотал ноздри и напомнил о том, что для регенерации потребуется энергия. Много энергии.

— Самый большой стейк с кровью и пинту пива, — бросил он бармену и выбрал один из оставшихся столиков в центре.

Руку стоило подвязать, но тогда ему бы пришлось ехать в больницу, на чем настаивал адвокат. Сломанное предплечье — ерунда, он переживет, забудет об этом к вечеру. Гораздо паскуднее осознавать, что снова упустил возможность уничтожить, раздавить Экрота, да еще и позволил мерзавцу продолжать силой удерживать Чарли в своем логове. Имани, которая заслуживала гораздо большего, чем быть игрушкой альфы. То, что он успел о ней узнать, указывало на то, что саму Чарли это тоже не устраивало.

— Стейк и пиво, — объявляет бармен, ставя перед ним мясо и бокал.

Мясо оказывается неплохим — сочным и мягким, ну или он действительно проголодался. Стейк улетает за считанные минуты, а вот от запаха пива Хантер морщится, так его и не пригубив. Крайтонское пиво вообще ему в большинстве случаев не нравится, в Асере оно в разы лучше, но сейчас он здесь, так что надежду найти что-то годное не теряет. Как и разобраться с Экротом, и проследить, что с другой имани и ребенком будет все в порядке.

Оставлять их в волчьем мире небезопасно. И он знает почему.

В прошлом мало упоминаний имани, потому что об этом веками заботились старейшины. Чтобы имани не выживали и чтобы не разбавляли породу вервольфов. Чтобы об их существовании никто не догадывался.

Хантер собирается повторить заказ — одного стейка оказывается маловато, но все внимание бармена переводится на распахнутую дверь. В спертый воздух врывается свежесть морозного ветра и сладкий аромат незнакомки, решительно шагающей в паб. Впрочем, стоит двери захлопнуться за ее спиной, девушка теряет всю свою решительность. Она нервно оглядывается, цепляясь взглядом за всех и каждого, и одновременно ни на ком и ни на чем его не задерживает, а потом занимает ближайший барный стул и кладет на стойку миниатюрную сумочку.

О том, что она здесь впервые, говорит не только взгляд, но и весь ее вид. Светлое длинное пальто, сапожки на высоком каблуке, слишком легкое и короткое для такой погоды черное платье, безукоризненная укладка и, как он успел заметить, яростно-красный цвет губной помады. Слишком дорого для публики «Злого вепря», слишком элегантно для проститутки, а она слишком молода для

поиска приключений.

Хантер не сразу осознает, что приятный аромат не заслуга духов, а персональный запах незнакомки. Он уже сталкивался с подобным, когда навещал помощницу Экрота.

Перед ним волчица.

На этом осознании он морщится и повторяет заказ, а на девчонку старается не смотреть. Хотя делать это крайне сложно, она расположилась аккуратно перед его столиком, и с такого ракурса прекрасно видна тонкая талия и то, как волчица закидывает ногу на ногу.

— Что будете заказывать?

— Воду, пожалуйста. — Голос у нее низкий, бархатный, и, судя по тону, она привыкла приказывать.

— Воду? Это шутка?

— Нет. У вас есть «Нуррос»?

Не уверен, что бармен вообще в курсе, что это элитный поставщик минеральных вод.

— «Нурроса» нет, но есть вода из-под крана.

Волчица замирает, и Хантеру кажется, что сейчас она встанет и уберется из этой дыры. Она действительно поднимается, но только для того, чтобы стянуть пальто и сбросить его на соседний стул.

— Хорошо, давайте.

Вырез ее платья настолько глубокий, что обнажает спину едва не до поясницы, и он ловит себя на мысли, что хочет узнать: настолько ли ее кожа мягкая на ощупь, насколько выглядит.

Ловит и мысленно дает себя пинка. Вроде не жаловался на отсутствие секса в своей жизни, а тут залип на какую-то спину. Девчонка хороша, но она вервольф. Пусть даже ее запах такой, что волк внутри него урчит от удовольствия.

Впрочем, залип не только он: трое нетрезвых с другого конца барной стойки тоже заметили волчицу и теперь окружили ее со всех сторон.

— Может, прима желает чего-нибудь погорячее? — предлагает один.

— Мы можем устроить! — поддакивает второй.

— Не интересуется, — отрезает девушка.

— Тогда что ты здесь забыла, красавица? — искренне удивляется третий, который с трудом держится на ногах.

Учитывая нюх вервольфов, волчица, наверное, едва не задыхается от перегара, но держится хорошо. Хантеру вообще становится интересно, как она себя поведет.

— Это не ваше дело, — отвечает она. — Оставьте меня.

— А если нет, то что? — Он со смехом кладет ладонь ей на коленку, которую девушка сбрасывает с отвращением и оглядывается в поисках поддержки.

Их взгляды с Хантером встречаются, и это заставляет его снова выругаться, на этот раз тихо вслух. Потому что бармен ушел за стойком, толстяк быстро слинял из паба, оставив оплату на столике, а женщина в углу, кажется, давно уснула в обнимку с бутылкой. Помочь может только он.

Но зачем ему это?

Гораздо интересней будет посмотреть, как она перекинется в зверя и надерет этим мудакам задницы.

Додумать Хантер не успевает, потому что второй мужчина со словами: «Ладно, не ломайся» обнимает волчицу. Которая почему-то не собирается перекидываться.

Приходится выразительно отодвинуть стул.

— Кажется, дама попросила вас уйти.

Мужики поворачиваются к нему.

— А ты кто такой?

— Тот, из-за кого у вас будут неприятности, если вы не выполните ее просьбу.

— У нас? — интересуется тот, кто еще недавно лапал волчицу. — Это у тебя будет проблемы, если не отвяжешься!

Хантер приподнимает бровь.

— Я предупредил.

Парень замахивается, но историк перехватывает его кулак. Руку простреливает болью, и от этого вспыхивает желание повалить придурка мордой по барной стойке. В чем он себе не отказывает, выкручивая ему запястье, и прижимая его к отполированной столешнице.

— Кто-то хочет за него вступить? — интересуется Хантер, но дружки любителя помахать кулаками, видимо, не собираются испытывать удачу.

— Бесов оборотень! — цедит парень.

Хантер разворачивает его к себе.

— А вот это может сойти за оскорбление. Уверен, что хочешь продолжить в том же духе?

Парень шарахается, когда глаза историка вспыхивают синим цветом, спотыкается о барный стул и летит на пол.

— Эй! — говорит бармен. — Драки в пабе запрещены. Идите на улицу!

— Никаких драк, прим. Ваши посетители уже уходят. — Хантер прищуривается, и друзья подхватывают неудачливого драчуна и шустро покидают паб.

Волчица продолжает сидеть на стуле, но сейчас смотрит на него с неподдельным интересом.

— Очевидно, мне стоит тебя поблагодарить.

— Очевидно, что тебе не стоит посещать подобные места ночью.

— Уже утро.

— Тем более.

Вблизи ее аромат еще более притягательный, и это отрезвляет. Просто потому, что до этого дня самым манящим ароматом был запах Шарлин. Они виделись целую вечность назад, но Хантер все равно помнил его. Этот аромат отпечатался в его памяти.

— Странно, я не чувствую в тебе вервольфа, — говорит она.

— Потому что я не вервольф.

— Тогда кто?

— Это имеет значение?

Она хочет что-то сказать, но осекается.

— Пожалуй, нет.

— Вот и отлично, — усмехается Хантер. Еще она кажется ему знакомой, и в то же время он готов поклясться, что разговаривает с ней впервые. — Благодарности приняты. Хорошего дня.

Он собирается вернуться к своему столику, наконец-то заказать и съесть второй стейк, но незнакомка цепляется за его локоть. К ее счастью, локоть здоровой руки.

— Подожди. Я хочу отблагодарить тебя по-настоящему.

— По-настоящему?

У нее тонкие пальцы, красивые глаза цвета горького шоколада и пухлая нижняя губа, которую она сейчас смущенно прикусывает. Очень легко представить, как он сминает эти губы, как опрокидывает волчицу на стол, задирает короткую юбку и узнает, какова она на вкус, и как громко умеет стонать от наслаждения.

Девчонка настолько симпатичная, что будь она человеком, Хантер бы не стал долго раздумывать, но она волчица. Волчица, которая одна разгуливает по Крайтону в поисках приключений.

Поэтому он накрывает ее ладонь своей и отстраняет от себя.

— Прости, но я слишком консервативен в этом вопросе и не готов принимать такие благодарности от незнакомок-вервольфов. Найди кого-нибудь другого, думаю он будет только рад.

Она вскидывает яростно прищуривается, спрыгивает со стула и шагает к нему впритык.

— Так дело в том, что мы незнакомы? — интересуется. — Или в том, что я волчица?

— И в том, и в другом. Мне прекрасно известно, как волки трясутся над собственными женами, поэтому маловероятно, что кто-нибудь из них отпустил свою вторую половину на поздне-раннюю прогулку. Значит, ты сбежала.

— Я не замужем.

— Даже так? Что ж, даже ради самого зажигательного секса, я не хочу попадать на линию огня разгневанного отца, когда он тебя найдет.

— Боишься, что он тебя вызовет, и ты проиграешь?

— Нет, считаю, что это не стоит моего внимания.

Как бы приятно не пахла девчонка. Хантер разворачивается, чтобы уйти, но вопрос волчицы ударяет в спину:

— А кто стоит? Шарлин Мэдисон?

Это возвращает его к стойке, только на этот раз он вдавливая ее в столешницу, а пальцы кладет на ее шею. Со стороны может показаться, что они нашли общий язык и он просто обнимает девчонку, но вот хватка у него железная. Еще бы это напугало девчонку?

— Ты от Кампалы?

— Кампала? — Ее глаза широко распахиваются. — Я понятия не имею, кто это.

— Тогда кто тебя прислал?

— Меня никто не присылал. Я сама тебя выследила.

— Выследила? — Хантер приподнимает бровь. — Я бы почувствовал слежку.

— Ты многого не знаешь о волчицах, — усмехается она, кладет ладони ему на грудь, и голову дурманит бесов аромат. — Матушка-природа постаралась, к тому же, мы веками учились быть незаметными.

Он ослабляет хватку и отстраняется от нее.

— Эти парни действительно к тебе приставали?

— Что?! — сверкает она глазами. — Вообще-то, да!

— Сделаю вид, что поверил. Так что там с Чарли?

— Очень надежный источник поведал мне, что ты хочешь с ней увидеться. Я могу устроить эту встречу.

На раздумья уходит доля секунды. Это может быть уловка. Или же возможность. Хантер не привык упускать возможности. Поэтому он кивает волчице, возвращается к своему столику, где оставил пальто, достает из внутреннего кармана купюру в сто крайтов и бросает на барную стойку:

— За меня и за приму. Идем.

— Куда? — напрягается девчонка.

— Поговорим там, где нет лишних ушей.

— Тут нет вервольфов.

— А ты не такая храбрая, какой хочешь казаться, да? — усмехается Хантер. Это срабатывает, потому что волчица хватая пальто и устремляется к выходу.

Улицу продолжает заметать снегом, крыльцо паба — худшее место для разговоров про Чарли. Помогает приложение, которое он установил, когда переехал в Крайтон. Нужно заведение находится сразу.

— Отель через дорогу.

— Отель?

Волчица слегка бледнеет и кутается в пальто.

— Ты же собиралась меня поблагодарить.

— Ты отказался.

— Еще нет. Иначе меня бы здесь не было.

Девчонка либо очень хорошая актриса, либо абсолютный профан. Хантер ставит на второе, а значит, в отношении Чарли у нее личный мотив. Любопытно, какой?

Он направляется в сторону неброской вывески гостиницы, предлагая волчице идти за ним, или передумать и вернуться в свой защищенный мирок. Не передумывает, топает следом, удивительно тихо для девушки на каблуках. По пути Хантер будто невзначай осматривает улицу, но «хвост» девчонки либо умеет быть таким же незаметным, либо его нет.

Историк снимает номер без лишних вопросов. Со звукоизоляцией, для вервольфов, которые хотят выспаться, идеальный для их цели. Звукоизоляция, пожалуй, единственное, что отличает этот безликий номер от сотен других: кровать, стол и кресло. Все чистое, но требует капитального ремонта.

Волчица брезгливо осматривается, но решает остаться на ногах, и Хантера это устраивает. Пока устраивает.

— Рассказывай, — говорит он.

— Что?

— Для начала — кто ты такая?

— Мое имя не имеет значения, — девчонка складывает руки на груди, и Хантер отзеркаливает ее позу, прислоняется спиной к двери.

— Я не спрашивал имя. Мне нужно знать, зачем ты кралась за мной несколько кварталов, если не ради «благодарности».

Волчица яростно сверкает глазами, будто вот-вот собирается перекинуться, но отвечает на удивление спокойно.

— Я подруга Шарлин, и знаю, что она очень хочет с тобой встретиться.

— Тогда почему не сказала сразу?

— Потому что... — Она запинается и выдает себя с головой.

— Потому что еще не придумала, — подводит итог Хантер. — Думай быстрее, я рассчитываю еще выспаться перед лекциями.

— Хорошо, — рычит волчица. — Мы не подруги, скорее, наоборот. Я знаю, что это ты ищешь встречи с ней. Хочешь рассказать что-то важное.

— А чего хочет сама Чарли?

— Точно не сидеть взаперти без связи. Для такого активного человека, как она, это чересчур.

Это не ложь: насколько Хантер успел узнать Чарли, она предпочитает действовать, а не прятаться.

— Она хочет сбежать из поселения, — заявляет волчица. Она вообще очень быстро переобувается в воздухе. — И я могу ей помочь, но одна не справлюсь. Поэтому нужен ты.

Хантер мягко отталкивается от двери и подходит вплотную к девчонке.

— В чем твоя выгода? — интересуется он.

— Выгода?

— Ну да, выгода, волчонок. — Он издевательски усмехается. — Ты же выслеживала меня не просто так, и не просто так обещала «благодарность», что крайне щедро для такого мерзавца как я. Ты ведь знаешь, кто я. А значит, как минимум, хотела перетащить меня на свою сторону. Что получишь ты, если я помогу Чарли?

— Доминика.

Ревнивая соперница за сердце и прочие части тела Экрота? М-да.

— Считаешь, что он просто забудет Чарли и сразу обратит свое внимание на тебя?

— Если бы не она, он бы уже увлекся мной! — сжимает кулаки волчица. — Мы должны быть вместе, мы идеально друг другу подходим. Так думаю не только я, но и вся моя стая. Так считают даже старейшины.

А вот и недостающий кусочек головоломки!

Клубок распутывается, и Хантер вспоминает, где мог видеть девчонку. В свое оправдание он может сказать, что он видел ее исключительно на фото, и тогда она показалась ему не стоящей внимания, потому что Экрот был целиком и полностью увлечен человеческой любовницей, а не своей возможной невестой.

Одри Конелл.

Через которую можно выйти не только на Чарли, но и на старейшин.

— И каков твой план?

Волчица в замешательстве хлопает глазами.

— План по тому, как вытащить Чарли из поселения, — уточняет Хантер. — Я весь внимание.

Если девчонка желает заполучить Экрота и план рабочий, то на здоровье. Если это ловушка старейшин, то «благодарностью» она не отделается.

Скучно точно не будет.

Глава 12

Чем больше я думала о том, что нужно рассказать Доминику про Кампалу, тем больше осознавала, что это не вариант. По крайней мере, не сейчас, когда в наших доверительных отношениях не хватает самого доверия, и пока кое-кто мнит себя всесильным альфой. Признаюсь — и получу еще один приказ и запрет во всем этом разобраться.

А ведь я ключ.

Я нужна Хантеру. Я нужна Кампале. Я даже нужна старейшинам. Никогда в жизни не была настолько востребованной!

Меня это не устраивало. Прятаться, сидеть в поселении и ждать, когда кто-то все-таки до меня доберется. Доминик обещал разобраться, но ни словом не обмолвился, как будет это делать. Это не нравилось мне гораздо больше. То, что мы собираемся изображать счастливое семейство, делать вид, что все нормально, когда вокруг сплошная пушистая задница. Так можно всю жизнь прожить, притворяясь, а толку?

Сила имани действует интересно, потому что я легко нахожу Доминика в огромном доме — он засел в кабинете. К сожалению, потому что эту комнату после случая с Одри я обхожу стороной. Точнее, обходила.

— Можно? — заглядываю внутрь. Без стука, Доминик наверняка услышал или почувствовал меня еще на лестнице.

Интересно, почему он не услышал меня в тот вечер? Или как раз услышал и успел застегнуть штаны?

Прогоняю предательскую мысль прочь. О таком даже думать не хочется. К тому же, я пришла поговорить о доверии, значит, вроде как сама должна ему доверять. Вроде как, ага.

— Тебе всегда можно, Шарлин, — отвечает Доминик с совершенно серьезным видом. Он уже не выглядит таким уставшим, как утром, побрился и переоделся.

— Отлично. — Я прохожу располагаюсь в кресле напротив него.

— О чем ты хотела поговорить?

— Какой твой любимый цвет?

— Цвет? — хмурится Доминик.

— Да, цвет. Черный, белый, зеленый или оранжевый? Просто ответь.

— Зеленый.

— Как листва деревьев?

— Как цвет твоих глаз.

Оу. Понятно.

— Хорошо. Мне нравится синий, как небо. Какой твой любимый соус?

— Предпочитаю мясо без соуса, просто с кровью.

— А я люблю среднюю прожарку, хотя в последнее время мои вкусы несколько изменились.

Доминик усмехается, и я продолжаю:

— Кем ты мечтал стать в детстве?

— Альфой. Все волчата мечтают стать альфой.

— Даже девочки?

— Конечно. Они тоже вервольфы. — Он подается вперед. — К чему это интервью?

Я складываю руки на груди.

— Я считаю, что нам нужно лучше узнать друг друга, если мы хотим стать парой, и уж тем более если мы хотим стать хорошими родителями.

— Мы уже пара.

— В моем понимании — нет.

— Я думал, что мы все обсудили.

— Еще много раз обсудим. Я вообще рассчитываю с тобой общаться. Пока что нас связывает только великолепный секс и общий ребенок. Всё! Этого недостаточно. Знаешь, что разрушило наш брак с Дэнвером? Мы делали вид, что у нас все хорошо. Жили вместе, но существовали будто параллельно. Ему было наплевать на меня, что я человек, что я хочу заниматься магазином, что мне это нравится. А я хотела заниматься магазином больше, чем строить супружескую жизнь. Я считала, что она построится сама, ведь когда-то мы просто решили быть вместе.

Я прерываюсь и перевожу дыхание, прежде чем подвести итог своему монологу:

— Поэтому я здесь. Пришла узнать тебя, и чтобы ты узнал меня. Понять, сможем ли мы быть вместе. Потому что, если не сможем сейчас, дальше все будет только сложнее и больше.

Доминик молчит, с минуту изучает меня взглядом. А я понимаю, что если откажется, опять заведет песню про парность, то разговаривать нам больше не о чем. Но неожиданно он кивает:

— Я согласен. Что ты хочешь узнать?

Это заставляет меня облегченно выдохнуть. Потому что несмотря ни на что я хочу быть с ним, и теперь мне значительно легче. Значительно проще говорить откровенно.

— Про твои планы насчет меня. Нас. Что собираешься делать с Кампалой? С Хантером? Со старейшинами? Полицией? И, конечно, я хочу, чтобы ты научил меня владеть голосом альфы!

— Зачем?

— Что — зачем?

— Зачем ты хочешь овладеть голосом? Я так понимаю, не ради веселья.

— Нет, — качаю головой. — Но это моя сила, моя способность. Особенность. Я хочу ее развивать. К тому же, ты не всегда будешь рядом.

Доминик сверкает глазами:

— Всегда.

— Не всегда, и это нормально! Как оказалось, у тебя достаточно врагов, чтобы можно было игнорировать этот факт. Например, Джейсон Конелл.

У Доминика сделался такой вид, словно будь он в образе волка, наострил бы уши.

— При чем здесь он?

— Он воздействовал на меня на вечеринке. Точнее, пытался воздействовать силой альфы, но у него ничего не получилось.

Доминик прикрывает глаза и зарывается пальцами в волосы, раздумывая несколько секунд. Чувствую, что я сегодня вообще дала ему пищу для ума. Очень много пищи. На целый банкет!

Он одним плавным движением поднимается, обходит стол и склоняется надо мной:

— И ты все это время об этом молчала?

— Насколько ты помнишь, в последнее время с разговорами у нас с тобой не складывалось.

— Но это не значит, что ты не должна... — Доминик осекается, сжимает губы, а я приподнимаю бровь.

Что я там еще должна?

Он отталкивается от стола и начинает расхаживать по кабинету, а я терпеливо жду. Как ни странно, меня накрывает несвойственным для моего темперамента спокойствием, даже некой флегматичностью, и ссориться с моим волком совсем не хочется. Может, действительно получится поговорить.

— Ты права насчет врагов, — говорит он, останавливаясь, — и сейчас их больше, чем когда-либо. Поэтому мне важно. Нам важно! Быть заодно.

Вот это неожиданно. Получить то, чего я добивалась.

И даже не хочется искать подвох!

А он есть наверняка. Это же Доминик!

— Согласна, — киваю. — Я должна научиться защищать себя и нашего ребенка. Пока что я делаю это инстинктивно.

Мы с Домиником смотрим друг другу в глаза, и я не собираюсь опускать взгляд.

— Расскажи, как ты это делаешь, — внезапно предлагает он, подталкивает одно из кресел ближе и садится напротив меня, так, что мы едва не соприкасаемся коленями.

— Я чувствую приказ, будто меня что-то связывает. Меня, мою волю. Это как петля на шее. Сложно объяснить.

— Продолжай.

— В случае с Конеллом я просто мысленно не позволила накинуть эту петлю, стянула и всё. С тобой это не сработало.

Я морщусь, а Доминик снова раздумывает, но на этот раз совсем недолго. Его лицо озаряет улыбка, как если бы ему только что сказали, что Хантер упал с лестницы и сломал шею.

— У меня есть предположение, почему, — говорит он, — но тебе оно может не понравиться.

Улыбка у него такая широкая и довольная, что я уже уверена — мне это точно не понравится. Но я все равно спрашиваю:

— Какое?

— Потому что твоя волчица или суть имани, называй как хочешь, признала во мне своего альфу. — Доминик перестает улыбаться. — Поэтому если ты делаешь это ради того, чтобы снять мой приказ, то у тебя вряд ли получится.

Бесы!

Хотя ладно.

— И это тоже, — признаюсь я. — Нет так нет, но я от своих слов не отказываюсь. Я по-прежнему хочу овладеть голосом альфы, а ты ничего не теряешь.

— Я обучался этому восемь лет.

Сколько?!

— Но я был ребенком. Подростком. Возможно, тебе понадобится меньше времени.

Или больше.

— Я рассчитывала научиться этому за неделю, — заявляю невесело. Какое тут веселье? Кампала не станет ждать, пока я разберусь во всех нюансах волчьих способностей.

— Посмотрим, — кивает Доминик. — Можем начать после обеда. Если, конечно, ты хорошо себя чувствуешь.

— Я чувствую себя прекрасно и готова начать хоть сейчас, но ты не ответил на остальные вопросы.

— Планы насчет нас и насчет старейшин?

— И насчет Хантера.

Доминик сжимает губы в тонкую линию и морщится, давая понять, что тема Хантера последняя, которую он хотел бы со мной обсуждать. Но все-таки отвечает:

— Рассчитываю убедить его вернуться в Асер.

— Убедить? — Я не вчера родилась, чтобы понимать, что простого разговора здесь не получится. — А если он не захочет, Доминик? Снова будешь с ним сражаться?

— С такими, как Бичэм, по-другому никак. Я хочу, чтобы он был как можно дальше от тебя.

— Но он сильный и опасный, а еще бесчестный.

— Откуда ты знаешь, какой он? — прищуривается Доминик.

— Вообще-то он меня похитил, помнишь? К тому же, он сын имани.

Мой волк кивает, а я предлагаю:

— Я могла бы поговорить с ним.

— Нет.

— Я могу убедить его уехать.

— Ты слишком переоцениваешь вашу дружбу, Шарлин. Сама сказала, что он обманул тебя ради боя со мной. Втерся в доверие.

— Но он меня не тронул. Думаю, все дело в его матери. Возможно, он переносит свое отношения к ней на меня, и хочет уберечь меня от ее судьбы.

— То есть от меня, — Доминик складывает руки на груди.

— Вообще-то, да. Но дело не только во мне, в тебе тоже. Почему он вообще вцепился в тебя?

— Очевидно потому, что я отказал его приемной матери. Хотя моя версия — он просто психопат.

— А ты отказал?

Доминик подается вперед и смотрит мне в глаза:

— Я вспомнил эту историю не сразу. Для меня она ничего не значила. Мне тогда было семнадцать, но я уже занимался делами деда, замещал его, когда он покидал страну, чтобы поохотиться в лесах Ипры или позагорать на островах вместе с Тиной. К деду, а в его отсутствие ко мне, приходили люди и вервольфы с самыми разными вопросами. Чаще всего это касалось бизнеса, кредитов, каких-либо услуг.

Я усмехаюсь:

— С тех пор ничего не изменилось.

— Вроде того. Но та женщина заявила, что много лет растила вервольфа. Что ее сестра или подруга забеременела от моего деда.

— Ты не поверил, потому что она была человеком?

— Отчасти. На самом деле, я не поверил, потому что, когда, по ее словам, мать Бичэма закрутила роман с Анхелем, этого попросту не могло быть. Он познакомился с Тиной гораздо раньше и считал ее своей единственной. Ему не нужен был роман на стороне.

— Ты так уверен, что твой дед не изменял своей женщине?

— Зачем ему это?

— Они могли поссориться, а мама Хантера, например, была слишком красивой. К тому же, она была имани! Она могла просто очаровать его в одно мгновение.

Доминик хмурится.

— Если бы дело было только в очаровании имани, то почему он не забрал ее с собой?

— Может, она не захотела.

— Ты недооцениваешь вервольфов, Шарлин. Свою пару они отыщут, где бы она ни была.

— Переоцениваю, недооцениваю, — ворчу я. — Тогда почему ты не предложил ей сделать тест на ДНК? Такое же возможно. Даже если вспомнить, что детей имани нереально почувствовать в утробе матери, всегда есть старая добрая официальная медицина. Современные тесты очень точные.

— В этом и загвоздка — именно это я ей и предложил. Дождаться деда, а потом сделать все по правилам.

Это неожиданно. Это настолько неожиданно, что я теряю дар речи — на такое мне нечего сказать. А Доминик продолжает:

— Она вроде бы согласилась, а на следующий день уехала из отеля и из города. Я решил, что она хотела обмануть, развести на деньги меня или деда, рассказал обо всем ему, и он со мной согласился. Тем более что долгое время считалось, что у людей и вервольфов не может быть общих детей.

— Почему она испугалась теста на ДНК?

— Потому что мой дед не имел отношения к Бичэму?

— Кто же тогда отец Хантера?

— Я понятия не имею. Но он явно мстит не той семье и совершенно точно преследует не ту женщину.

— То есть простому пути ты предпочитаешь сложный? Лучше бить друг другу морды, а в случае вервольфов это даже не метафора, чем просто поговорить и уладить все разногласия? — Я подаюсь вперед и кладу ладонь на грудь своего волка. — Доминик, меня не интересует Хантер. Я волнуюсь об отце своего ребенка. О тебе.

Он накрывает мою ладонь своей и поглаживает пальцы.

— Тогда тебе не о чем беспокоиться. Просто забудь о Бичэме, с остальным разберусь я.

Вот как с ним разговаривать? Тебе не о чем беспокоиться, Шарлин! Я всех врагов порву на части, Шарлин! Я злой и страшный волк, Шарлин! А, между прочим, где-то там еще бегает Кампала, который, как паук, плетет сети интриг и заговоров.

Как же я от этого всего устала!

Еще и Доминик отказывается меня слышать. Пока что отказывается.

— Хорошо, — киваю я. — А что насчет старейшин? Что делать с этими древними блохастыми вервольфами, которые в свободное от работы время подрабатывают творцами чужих судеб?

Доминика разбирает смех. Он откровенно веселится, пока я тут предельно серьезна. Правда где-то на второй минуте его веселья я тоже не выдерживаю и начинаю смеяться. Это именно то, чего мне не хватало последние дни.

— Шарлин, ты великолепна, — говорит он, отсмеявшись. — Их еще никто так не называл.

— Вслух, возможно, а вот за глаза — уверена, что да.

— На самом деле, старейшины не древние. Джейсон Конелл, пожалуй, самый старший из них. И по возрасту, и по статусу.

Теперь понятно, почему на вечеринку приехал именно он, и выходит, что дело вовсе не в Одри.

— Самый старый, самый влиятельный и самый опасный?

— Можно и так сказать.

— Клара сказала, что он способен развязать войну, если ты откажешься жениться на его племяннице.

Доминик сводит брови на переносице.

— При всем моем к ней уважении, Кларе стоило держать язык за зубами.

Я узнаю этот взгляд и эту морщинку на лбу. После них обычно из моего ближайшего круга исчезают все, с кем можно поговорить. Вообще все.

— Только не вздумай еще и Кларе запретить приходить ко мне! Как запретил Венере.

— Венера общалась с Бичэмом за моей спиной, а еще причинила тебе боль.

— Тогда мне стоит перестать общаться с тобой, — хмыкаю я. — Учитывая, сколько раз ты делал мне больно.

— Я твоя пара.

— А она моя подруга. С которой мы поссорились, но мне бы хотелось с ней поговорить, — говорю и осознаю, что абсолютно искренняя в своих словах. Я действительно хочу узнать, что тогда произошло: почему Венера приняла сторону Одри и почему сказала то, что сказала. Хочу если не

помириться, то хотя бы выяснить все это. — Уверена, что после твоей воспитательной беседы она не станет ничего говорить про Хантера.

Доминик рассматривает меня пару мгновений, но потом все-таки кивает:

— Хорошо. Я передам ей, что ты хочешь ее видеть, и приглашу на ужин.

— Ты сегодня такой сговорчивый, что даже страшно.

— Это плохо?

Я качаю головой.

— Просто непривычно. Вернемся к войне вервольфов. Стоит начинать бояться?

— Нет. Войн между стаями не было больше столетия, и я не хочу подвергать свою такой опасности.

— Тогда как ты собираешься не допустить этого?

— Для начала поговорить. Джейсон влиятельный вервольф, но он не весь совет. Если меня поддержат остальные старейшины, то все сложится наилучшим образом.

— А если не поддержат?

— Тогда возможны варианты.

— Новые битвы, — догадываюсь я.

Доминик неожиданно притягивает меня к себе на колени и бережно обнимает.

— Я сделаю все, чтобы ты и наш волчонок были счастливы. Были в безопасности. Клятва альфы.

— Даже останешься в живых? — спрашиваю хрипло.

— Обязательно. — Он кладет ладони на мой живот, осторожно поглаживая кожу через водолазку. — Ведь тогда я не смогу выполнить свою клятву сделать вас счастливыми. Нас счастливыми.

Я целую его первой, сильно и одновременно нежно, вкладывая в этот поцелуй невысказанные чувства. Всю себя. Целую до тех пор, пока он не перехватывает инициативу, пересаживая меня на стол.

Я вздрагиваю, вспоминая не самый приятный наш опыт секса в кабинете его дома на Мантон-Бэй, но Доминик не позволяет мне опомниться, додумать эту мысль. Он зарывается пальцами в мои волосы и целует в губы так, будто хочет заклеить меня собой.

Мои джинсы оказываются стянуты и отброшены в сторону, следом за ними отправляется водолазка и трусики. Я обнаженная и раскрытая перед ним, но куда еще больше? Кажется нет ни одного сантиметра на моей коже, где бы не побывали руки или губы Доминика, разжигая во мне звериную страсть. Ту, которая просыпается во мне только рядом с ним. Но сейчас он не торопится, лаская меня пальцами до тех пор, пока я не начинаю постанывать от нетерпения. Тогда он входит в меня медленно, заставляя откинуться на столешницу и подаваться вперед, встречая его движения. То плавные и тягучие, то быстрые и от этого острые, подводящие к краю, за который мы падаем вместе.

Я издаю то ли рык, то ли стон, когда блаженство накрывает меня с головой, заставляя содрогаться всем телом в наслаждении. Но еще большее наслаждение я испытываю, когда Доминик обнимает меня, притягивает к своей груди. Это так хорошо, что хочется то ли плакать, то ли смеяться. Или все сразу.

— Я тебя люблю, — шепчу я и не жду ничего в ответ.

Тем неожиданнее услышать:

— Я тоже люблю тебя, Шарлин.

Я замираю, а потом еще сильнее прижимаясь щекой к его груди.

Кажется, сегодня он ответил на все мои вопросы. Даже больше. Остается лишь обсудить Кампалу, но я не хочу его сейчас обсуждать. Просто не уверена, что не выдам себя неосторожной фразой. А признаваться Доминику... Как ему признаться в такой момент?

И я не признаюсь, решив отложить это все на потом. Позволяю себе сегодня быть абсолютно счастливой. Тем более что дальше меня ждет вкусный обед и обучение. С последним все вообще весело: оказывается, мне помогают дыхательные практики, но до управления голосом альфы еще далеко. Доминик в основном рассказывает, как защищаться от приказов. Это похоже на то, что я делаю инстинктивно, но есть свои нюансы. Например, как именно смотреть другому альфе в глаза.

— Нельзя терять зрительный контакт, — говорит он. — Смотри прямо и старайся не моргать.

Я так старательно не моргаю, что на определенной минуте у меня начинают слезиться глаза.

— Я поняла, — заявляю серьезно, — сила альфы в том, чтобы не расплакаться в присутствии врагов.

После занятия я чувствую себя выжатым лимоном, и, как только об этом узнает Доминик, меня утаскивают в спальню. В его спальню. К сожалению, вовсе не для того, чтобы продолжить начатое в кабинете, поэтому я просто сплю до самого вечера. Спала бы и дальше, но меня будят поцелуем.

— У меня для тебя сюрприз, Шарлин, — сообщает Доминик, не позволяя себя увлечь на кровать. — Но он внизу.

— Мне начинать бояться?

— Сначала посмотри, а потом решишь, стоит или нет.

— Я уже заинтригована, но ты хотя бы намекни, к чему готовиться.

— К ужину.

Не знаю, что там за сюрприз с ужином, но мне впервые за последние месяцы хочется выглядеть красивой. Поэтому пока Доминик ждет, сидя на постели, я собираюсь. Распускаю волосы и надеваю одно из тех платьев, которое мы с Венерой приобрели в винтажном магазине. Оно цвета шампанского со светлым изящным кружевом. Теплое, уютное и с застежкой сзади.

— Поможешь застегнуть платье?

— И застегнуть, и расстегнуть.

Он нарочно проводит горячими пальцами по спине, отчего по коже растекается приятная дрожь.

— Я не против любого расклада, но тогда сюрприз придется перенести.

— Не получится, — с досадой произносит он, застегивая молнию. — Невежливо заставлять сюрприз ждать.

— Я начинаю думать, что внизу связанный Джейсон Конелл, которого я могу побить кочергой.

— Учту твои пожелания в следующий раз.

Мы покидаем спальню, спускаемся на первый этаж и направляемся в сторону большого зала. Где-то на подходе до моих ушей сначала долетает тихая мелодия, а после звуки голосов.

— Только не говори, что снова собрал стаю, — Последнее, о чем я мечтала — это развлекать множество вервольфов, которые в принципе неплохие ребята, но их слишком много, а я рассчитывала на домашний вечер.

— Прошлая вечеринка в твою честь была испорчена, так что я организовал новую.

— Доминик, я не уверена...

Мы почему-то проходим большой зал, и вервольф толкает дверь в малую гостиную, откуда, собственно, и доносятся голоса. Договорить я не успеваю, я вообще теряю дар речи, потому что первым, кого вижу — папу, подбрасывающего полено в камин. Мама тоже здесь, расположилась на диване рядом с Рэбел, Лолой и Кларой. В другом углу Сайрус что-то увлеченно выпрашивает у близнецов. Естественно, это было до нашего с Домиником появления, потому что теперь все повернулось в нашу сторону.

— Чарли! — папа ближе всех, поэтому сгребает меня в объятия первым. — Как я рад тебя видеть!

Остальные тут же подтягиваются следом. Мама целует меня в щеку, Рэбел притягивает к груди нежно, будто я весьма ценный и старинный экземпляр из моего магазина. Лола просто здоровается, а Сайрус обхватывает мои ноги.

— Шарлин!

— Чарли.

— Я по тебе скучал больше всех!

Меня окружают дружной толпой, только Клара с сыновьями остаются на своих местах, и слава Владыке, потому что и так слишком много объятий на меня одну.

— Как? Как вы здесь оказались? Это же закрытая территория.

— И это круто! — орет Сайрус.

— Нас пригласили, Шарлин, — говорит мама и смотрит на Доминика.

Я тоже на него смотрю. Выразительно так.

— Я решил, — объясняет он с усмешкой, — что, как маленькой альфе, тебе захочется побыть вместе со своей маленькой стаей.

У меня ком в горле, а на глаза наворачиваются слезы. Не просто наворачиваются, я начинаю реветь от переполняющих меня чувств.

— Чарли, что-то случилось? — расстраивается папа.

Я мотаю головой, шмыгаю носом и стираю слезы ладонями.

— Просто счастлива вас всех видеть!

Это лучший сюрприз в мире, и, обняв всех уже по второму разу, я поворачиваюсь к Доминику и одними губами произношу:

— Спасибо.

Незаметно так меня утаскивают к диванам.

Оказывается, мама и Рэбел уже познакомились с Кларой и даже успели пообщаться. Потому что уже смеялись над общими шутками. В основном над тем, что они бы заблудились в лесу, не пришли Доминик за ними машины. Они расспрашивают меня, как мне здесь, и я отвечаю чистую правду. Конечно, избегая подробностей про Кампалу и совет старейшин. Это точно не то, что нужно знать моим близким. И это, пожалуй, единственное, что омрачает вечер. То, что я превращаюсь в лгунью.

Я стараюсь не задерживаться на этой мысли, особенно, когда Доминик зовет всех ужинать, и мы нестройными рядами переходим в большой зал, где уже накрыт стол, полный разной еды.

Лола, в новом платье, которое как я знала она готовила для праздников, бросает взгляды украдкой на близнецов. Я ее понимаю: там есть на что смотреть, но все-таки надо бы ее предупредить, что вервольфы опасны для сердца. Особенно такие, как Доминик.

— Всё хорошо? — интересуется мой волк, когда мы немного задерживаемся в дверях.

— Всё так хорошо, что мне страшно, — смеюсь я. — Спасибо тебе за это.

— Не за что.

— Но ты не позвал Венеру.

— Позвал, — хмурится Доминик. — Она должна была приехать.

Но почему-то не приехала. Что странно, ведь слово альфы закон.

Доминик нахмурился, наверное, подумав о том же, но выяснять, куда подевалась Венера, было не время и не место, поэтому мы присоединились к остальным.

Доминик занял стул во главе стола, а я опустилась на тот, что по правую руку от него. Родители сели с другой стороны, все остальные разместились посередине. Тут я поняла, что мой волк не только заказал еду в ресторане своих родственников, он и официантов оттуда пригнал, потому что из боковой двери появились двое вервольфов в темном и в белых фартуках. Точнее, сейчас роли официантов выполняли младшие сыновья шеф-повара.

Они принесли вино и начали наполнять бокалы гостей. Мы с Лолой и Сайрусом оказались в меньшинстве, нам достался безалкогольный пунш. По сути, если я имани и ношу волчонка, то обмен веществ у меня должен быть как у вервольфа, но я решила не рисковать и не экспериментировать.

— Рады видеть, дочка, что у тебя все хорошо. — Папа первым прервал возникшее молчание, когда все разбирали закуски. — Это прекрасный дом. Природа. Ты наконец-то перестала сидеть исключительно в книжном магазине и занялась устройством личной жизни. И главное — я вижу, ты счастлива. Это лучшая награда для отца.

— Спасибо, пап, — улыбаюсь я.

— Мы с Иви очень рады познакомиться с Домиником и узнать, какой он человек.

Над столом снова повисает пауза. Папа понимает свою ошибку и багровеет от волнения.

— Вервольф, — подсказывает Сайрус.

— Да, простите, вервольф.

— Человечность — давно уже качество, а не особенность какой-либо расы, Гувер, — сглаживает неловкость Доминик. — Я тоже рад познакомиться со стаей Шарлин.

— Семей, — снова поправляет Сай, отчего получает предупреждающий взгляд от матери, а вот мой волк мальчику подмигивает. И я люблю его еще сильнее.

— За знакомство! — салютует бокалом папа. — Чарли, с каких пор ты не пьешь?

Вопрос заставляет меня поперхнуться пуншем. Обычно в семье мама специалист по неловким вопросам, но сегодня он ее переплюнул. Пока я думаю, как бы так ответить, чтобы родители не упали в обморок, Доминик разрешает мою дилемму:

— С тех пор, как мы узнали, что Шарлин ждет ребенка.

Учитывая, что мама и папа здесь единственные не в курсе, все смотрят на них, а они то на меня, то на Доминика. В обморок не упали, но судя по их округлившимся глазам уже готовы это сделать.

— Чьего ребенка? — переспрашивает мама.

Доминик берет меня за руку и переплетает наши пальцы:

— Нашего.

— Это невозможно, — папа отставляет бокал в сторону. — Всем известно, что...

— У вервольфов и людей не может быть потомства, — заканчивает за него Доминик. — Но ваша дочь оказалась настолько особенной, что случилось чудо.

Кажется, родители в чудо не верят, потому что не спешат нас поздравлять. Что ж, никто не говорил, что будет легко.

— Это правда, прим и прима Мэдисон, — вмешивается моя подруга.

— Ты знала? — интересуется мама у Рэбел, а потом с укором смотрит на меня: — И когда ты собиралась нам об этом рассказать, Шарлин?

Доминик сжимает мою ладонь, и по ней струится тепло, возвращающее мне уверенность.

— Мы рассказываем вам сейчас.

Мама собирается сказать что-то еще, но отец вскидывает руку, не позволяя ей сделать это, и поднимается:

— Я хотел задать вам этот вопрос наедине, после ужина. — Смотрит он исключительно на Доминика. Будто я тут ничего не решаю! — Но думаю, сейчас это будет гораздо уместнее, тем более что мы в кругу семьи. Я хочу узнать, какие планы у вас насчет моей дочери? Вы живете вместе, у вас роман, она даже беременна, но что дальше? Я не вижу кольца на ее пальце.

— Па-па, — я совсем овервольфилась, потому что слово без единой «р» я умудряюсь прорычать. И если бы Доминик не держал меня за руку, вскочила бы.

— Все в порядке, — говорит альфа тем тоном, с которым сложно спорить. — Наш ребенок родится в законном союзе, как по обычаям вервольфов, так и по человеческим законам.

Что?!

Вот теперь по степени раскрытия глаз я целиком и полностью напоминаю свою семью.

— То есть вы женитесь на ней? — папа выглядит довольным.

— Да, конечно, — отвечает мой самопровозглашенный будущий муж. — Я обещаю вам, что позабочусь о Шарлин и о нашем ребенке.

— Доминик, ты ничего не забыл? — спрашиваю тихо.

Он смотрит на меня непонимающе.

— Меня спросить, например? Потому что я не хочу за тебя замуж.

Доминик резко поднимается, ножки стула громко царапают паркет.

— Мы вернемся через пару минут

Мою руку он так и не выпустил, поэтому мне приходится последовать за ним. Поэтому, а еще потому, что не хочется спорить на глазах у родителей. Они только-только поверили, что я счастлива.

И я на самом деле счастлива! Зачем это портить?

Доминик приводит меня в малую гостиную и отпускает мою руку, отходит к окну. Мне кажется, что он готов рычать и кричать на меня, но его голос звучит спокойно:

— Ты хочешь быть со мной, Шарлин?

— Да, — в этом я уверена на двести процентов. — С тобой и нашим ребенком.

— Жить здесь? Делить со мной постель? Видеть первые шаги нашего сына? Его успехи.

— «Да» на все вопросы.

— Тогда в чем дело? — в его слова просачивается горечь. — В том, что я сделал все не по правилам?

— Нет, — я смотрю на пламя камина, на часы на каминной полке, куда угодно, только не в глаза Доминика, и выталкиваю из себя правду: — Просто я не хочу больше замуж. В прошлый раз из меня не получилось хорошей жены.

— Дело только в этом? В том, что Дэнвер не смог сделать тебя счастливой?

— Дэнвер тут не при чем, Доминик. Да, он не был идеальным мужем, но и я тоже не была идеальной.

— А я идеальный? — интересуется альфа с большим самомнением.

— Нет.

— Так почему ты решила, что мне нужна идеальная жена?

Я качаю головой.

— Не идеальная, но нормальная.

— Да, тебя сложно назвать обычной, — соглашается он.

— Со мной много проблем, Доминик.

— Мне ли не знать. Но мы уже обсуждали это множество раз. Ты моя женщина, Шарлин. Я давно так решил. А что решишь ты?

Доминик достает из кармана коробочку, и я знаю, что там кольцо. Но я не позволяю ему ее открыть, накрываю его ладонь своей.

Потому что я не могу ответить «да», пока между нами не все честно.

— Давай вернемся к этому вопросу после того, как разберемся с Кампалой, Хантером и старейшинами. — Доминик колеблется, и я добавляю: — Пожалуйста.

Он кивает, и коробочка возвращается в карман.

— Вернемся, — обещает мой волк, но я чувствую его разочарование.

Не только его.

Собственное тоже чувствую.

Разочарование в себе самой.

Глава 13

Возвращаясь к гостям, пришлось нацепить на лицо улыбку. Да, это были мои близкие. Моя стая. Но я не собиралась посвящать их в сложности наших отношений с Домиником. Хватит и того, что папа своим желанием защитить меня сделал то, что сделал. А мама только подлила масла в огонь:

— Ты теперь вообще не появляешься в магазине?

— Пока нет. Мой доктор сказал, что на ранних сроках мне необходимы покой и чистый воздух. Поэтому Доминик привез меня сюда.

— Это правильно, — говорит мама. — Шарлин с детства страдает гиперответственностью и всегда берет на себя больше, чем может унести.

— Возможно, позже мы сможем вернуться в городской дом Доминика.

Когда за мной перестанут охотиться все, кому я мешаю своим существованием. Хотя я уже так не уверена в том, что перестанут.

Оставят ли нас когда-нибудь в покое?

От мрачных мыслей меня отвлекает стук каблуков, а следом дверь распахивается и в комнате появляется Венера.

— Всем добрый вечер. Прошу прощения, что опоздала. Меня задержали непредвиденные обстоятельства.

Она вовремя, очень вовремя. Я искренне улыбаюсь ей.

— Привет.

— Рад, что ты приняла наше приглашение, — говорит Доминик.

«Наше» не остается незамеченным. Кажется, родители от него в восторге. Особенно после обещания жениться на мне. Что любопытно, потому что они всегда были против Дэнвера. Мама так вообще переносила мнение о моем бывшем на всех вервольфов. Но не сейчас. Сейчас Доминик не дает мне работать и всячески обо мне заботится, и поэтому он мамин герой. Она улыбается Доминику и с любопытством рассматривает Венеру.

— Благодарю, альфа. Чарли.

Волчица занимает свое место за столом, и я представляю ее своим родителям — они единственные, с кем она не знакома.

Вечер продолжается, и тон, как хозяин дома, задает Доминик. Несмотря на то, что я вернулась без кольца на пальце, он развлекает гостей, шутит, отвечает на вопросы родителей о будущем и на вопросы Сая об альфах. Я в очередной раз убеждаюсь, что в качестве мужа, партнера, отца моего ребенка он безупречен. Это мысль заставляет меня поколебаться, но только на мгновение. Потом я вспоминаю, что и почему делаю.

Остальным гостям тоже было весело, даже вервольфы держались расслабленно. Близнецы разговорились с Лолой, и судя по ее смеху, окончательно ее покорили. Клара общалась мало, но поддерживала общее настроение улыбкой.

Венера как всегда безукоризненно выглядела, в строгом платье винного цвета, с идеальным макияжем и укладкой, но даже я видела или скорее чувствовала, что с ней что-то не так. Обычно спокойная девушка сегодня была какая-то нервная и дерганная. А еще Венера — всегда собранная и внимательная — отвечала невпопад.

После десерта и очередного такого «невпопад» я поднялась:

— Я покину вас на время. Венера, составишь мне компанию?

Судя по тому, как долго она не решалась последовать за мной, я уже почти решила, что волчица откажется. Но в конце концов Венера поднялась.

Я не собиралась обсуждать это там, где нас могут подслушать, поэтому предложила ей подняться наверх.

Доминик догнал нас в коридоре, подхватил под локоть.

— Шарлин. — Это прозвучало настолько предупреждающе, что не понять намек было невозможно.

— Ты же не думаешь, что мы будем говорить про Хантера? Твой приказ все еще на мне.

— Если ты не хочешь, чтобы я изгнал Венеру из стаи, вы точно не станете его обсуждать.

Девушка вздрагивает, и мне хочется его покусать.

— Я думаю, что нам найдется, что обсудить, — говорю холодно, а когда мы с Венерой оказываемся в моей спальне, интересуюсь:

— Что тебя задержало?

— Я не хотела приходить.

— Почему?

— Мне было стыдно. Стыдно за то, что я тогда сделала.

— А что ты сделала?

— Из-за моих слов про Хантера Бичэма ты поссорилась с Домиником. Я не должна была вмешиваться в ваши отношения, не должна была упоминать Хантера.

— Не должна была, — соглашаюсь я. — Как и защищать Одри.

— И это причина, по которой я здесь.

Это интересно. Очень интересно. Поэтому я вопросительно смотрю на Венеру.

Она присаживается на диван и делает глубокий вдох, прежде чем начать:

— Ты уже знаешь, что мы выросли в одной стае. Я, Одри и Джин были единственными девочками, поэтому с детства дружили. Играли в куклы, бегали по лесу, в общем, были не разлей вода. С Одри больше, потому что мы с ней были ближе по возрасту, к тому же, Джин... она...

— Не слишком умная, — подсказываю я.

— Я хотела сказать, говорит, что думает, — хмыкает Венера, — но в детстве было хуже — ей ничего нельзя было доверить, любой секрет сразу же передавался Кристине, их матери.

Я была единственным ребенком в семье, и подружек мне заменяли книги. Поэтому всегда завидовала тем, у кого были братья и сестры. Наверное, интересно жить в таком поселении, где много детей, и где родители спокойно отпускают погулять. Мой волчонок будет таким же. Играть с другими маленькими вервольфами.

— Мы с Одри были больше сестрами, чем она и Джин, — продолжает Венера. — Увлекались модой, даже в детстве мечтали открыть свой магазин, обещали друг другу, что станем подружками невесты. И Одри сдержала свое обещание: когда я выходила замуж, она организовала девичник, помогала мне во всем. Но потом...

Она замолчала, сцепив руки на коленях до побелевших пальцев и выдавая свое состояние. Так как Венера молчит, ядвигаюсь к ней и ободряюще сжимаю ее руки.

— Потом тебя прогнал муж, — говорю тихо.

— Нет. В смысле, да. От меня тогда все отвернулись, будто я испорченный товар, ошибка природы. Все, кроме Одри.

Это неожиданно. Потому что я считала, что бывшая недоневеста Доминика та еще ханжа. А оказывается, нет?

Венера, заметив мое замешательство, грустно улыбается:

— Мой брак с Августом поломал меня, раздавил, а Одри поддержала меня в самый сложный период моей жизни, убедила искать работу. Продолжать жить нормально. Продолжать жить. — Она делает еще один глубокий вдох. — Надеюсь, теперь ты понимаешь, почему в тот вечер я встала на ее сторону.

— Нет, не понимаю, — я качаю головой. — Я не понимаю, почему тогда в магазине они с Джин смотрели на тебя не как на подругу. Если Одри не перестала общаться с тобой после твоего развода, значит, вы поругались позже.

— Это случилось из-за Доминика, — признается Венера и тут же торопливо добавляет: — Не в том смысле, о котором ты подумала.

— Я еще не успела ни о чем подумать.

— Это радует. Потому что Одри подумала. Когда я согласилась на предложение Доминика стать помощницей его секретаря, она решила, что он заинтересован во мне, как в женщине.

— Она решила, что ты претендуешь на ее место?

— Нет, просто объявила меня предательницей за то, что я сплю с Домиником. — Кажется, наш разговор перешел на какой-то совершенно иной уровень, потому что Венера отбросила смущение и впервые по-настоящему разозлилась: — Но я бы никогда так с ней не поступила, даже если бы была в него влюблена!

— А ты влюблена?

Так, с «отбросила» я поторопилась — кто-то снова поджал хвостик.

— Чарли...

— Просто интересно.

— Нет. Я благодарна Доминику за работу. Благодарна за то, что принял меня в стаю. Он очень мужественный, умный и харизматичный вервольф. Но после всего того, что со мной случилось, я уже не уверена, что смогу подпустить к себе кого-нибудь. Это сделать очень сложно, когда близость ассоциируется с болью.

Она это так сказала, что даже меня передернуло, и в голове будто щелкнуло:

— Венера, мы сейчас говорим про боль и разочарование, которые тебе принесло решение мужа о разводе?

Ей не нужно ничего отвечать: ответ я читаю в ее взгляде.

Я буквально задыхаюсь от ярости и вскакиваю:

— Это нормально? Относиться так к своей жене? Что сказала его стая?

— У вервольфов хорошая регенерация, а я не выходила из дома, когда наши... игры заходили слишком далеко.

— Ваши или его? Доминик в курсе?

— Нет, и не нужно ему ничего говорить! У альфы и так слишком много проблем!

Со мной и старейшинами. Венера не говорит этого, но я и так прекрасно все знаю.

— Он должен узнать. И не только он, старейшины тоже. Что это за альфа, если он издевается над своей женой?

— Очень плохой, — соглашается она. — Мне пришлось посещать психоаналитика, чтобы перестать винить себя в этой истории. Но я пришла сюда не для того, чтобы ты меня жалела. Если честно, я рассказала даже больше, чем хотела. Просто...

— Ты не хочешь, чтобы Одри стала женой Августа, но спасая Одри, ты не решишь проблему.

— Знаю. Я ошиблась Чарли. Очень сильно ошиблась. К тому же, перенесла свою историю на Одри, и не учла, насколько она заиклилась на Доминике. Поэтому я здесь. Она что-то задумала.

Я снова возвращаюсь на диван:

— Давай поподробнее.

— Я рассказала Одри про тебя. Что ты имани, что есть еще такие. Про Хантера Бичэма.

Так, квест «ни слова про Хантера» я проигрываю.

— Про него зачем?

— Он — пример выжившего ребенка имани.

Логично.

— Я хотела, чтобы она поняла — обратной дороги нет, и она не получит Доминика.

— Но это все бесполезно.

— Думаю, да. Я уже сотню раз пожалела о своих словах, — говорит Венера. — Но это не то, что заставило меня прийти сюда и признаться тебе во всем. Одри была у меня сегодня и просила устроить с тобой встречу. Вроде как хочет извиниться за...

— Сцену в кабинете?

— Да. Сначала я ей поверила, сказала, что могу поговорить с Домиником, и если ты захочешь, я привезу ее в стаю. Но она стала настаивать, чтобы я вывезла тебя из поселения. И это было очень подозрительно!

Настаивать она могла сколько угодно, Доминик меня отсюда не выпустит, и это, пожалуй, еще одна причина для отказа становиться его женой. То, что я в нашей паре ничего не решаю.

Глава 14

Голова раскалывалась и была такой тяжелой, что я не могла оторвать ее от подушки. Ко всему прочему, меня мучило и знобило, будто я накануне выпила штук десять «Пьяных медведиц», и сейчас расплачивалась за это.

Но я не пила ни капли алкоголя с тех пор, как узнала о своей беременности!

Воспоминания нахлынули резко, выстраиваясь в правильную картинку: Доминик отправил меня в Морийский лес, я вернулась в особняк, встретила Анну Брайс, а потом она что-то мне вколола. Что-то, от чего мне сейчас так хреново.

Вот сука!

Если с моим сыном что-то случится из-за этой наркоты, я не знаю, что с ней сделаю.

Открыть глаза с первого раза не получается, я буквально их продираю, и даже свет одинокой лампы на прикроватном столике кажется нестерпимо яркой. Когда глаза все-таки привыкают, я осматриваюсь и понимаю, что я больше не в особняке. И даже не в доме Доминика: там нет таких спален, у него все строгое, стильное и чистое.

Эта комната была грязной и забитой хламом. Кресло возле окна завалено вещами, шкаф выглядит так, будто в него бросили нечто тяжелое, потому что одна дверца треснула и на ней образовалась вмятина, какие-то темные пятна на ковролине. И на покрывале, на котором я лежала — тоже.

Мерзость!

Но больше всего раздражает запах: запах сырости и затхлости. Именно от него меня и тошнит.

Где я?

Анна ведь не могла вывезти меня из поселения. Или могла?

Наплевав на боль в висках, я заставляю себя сесть. Голова все еще кружится, но я должна знать, где я, и что мне грозит. Особенно последнее, потому что теперь я забочусь не только о себе, о малыше тоже.

Нужно встать.

Нужно дойти до приоткрытой двери.

Мне нужно отсюда выйти.

Поэтому я подтягиваю к себе ноги, и левую дергает обратно.

Что за бес?

Бесом оказывается короткая металлическая цепочка, прикрепленная к браслету, плотно обхватившему мою щиколотку. Другой конец крепится к кольцу в полу. Даже если я встану, далеко не уйду.

Я подергала браслет, но тщетно: он сидел крепко.

Меня приковали.

Теперь понятно, почему Анна даже не потрудилась закрыть дверь. Мне не добраться до нее. Или до окна, задернутого плотными шторами.

Сколько вообще времени? Сколько я была без сознания?

Мысли скачут с одной на другую, если бы не этот туман в голове, возможно, я бы соображала быстрее, но имеем то, что имеем. И это совсем немного.

— Зачем ты ее притащила?

Я едва не подпрыгиваю, когда до моих ушей долетает знакомый механический голос.

Кампала? Там, за дверью?

— Ради тебя. — Анна. — Тебе же она нужна.

— Не сейчас. Она должна была сыграть свою роль.

— Сейчас или никогда. Доминик ходит за ней, как приклеенный, но сегодня его не было в поселении.

Нет, не за дверью, они гораздо дальше. Но достаточно близко, чтобы я могла их расслышать своим улучшенным слухом.

Кажется, в последнее время я только и делаю, что подглядываю и подслушиваю!

— Ладно, — говорит Кампала. — Возможно, ты права, и так мы быстрее покончим с Домиником. А она лучшая приманка.

Мое сердце пропускает удар, чтобы забиться раза в три быстрее. Не нужно быть гением, чтобы понять — речь обо мне. Я приманка для Доминика.

От этого осознания даже в голове проясняется.

Еще раз осматриваю браслет и понимаю, что его мне не одолеть, зато можно попробовать вырвать кольцо или выбить одно из звеньев цепочки. Для вервольфа или для какого-нибудь киношного суперагента это было бы раз плюнуть, для меня же это... сложнее. Но кто сказал, что невозможно?

Я спихиваю себя с постели: голова кружится, поэтому приходится опуститься перед кольцом на колени, чтобы можно было потянуть. Наматываю цепь на предплечье и тяну со всей силы обеими руками. Не срабатывает. Не уверена, что сработало бы, будь я в нормальном состоянии: кольцо сделано хорошо. Тогда я оглядываюсь в поисках предмета, который можно было использовать, чтобы повредить кольцо или хотя бы звенья цепочки.

Как назло, под рукой ничего. В комнате вообще нет ничего, что бы мне подошло.

— Проснулась, — раздается со стороны дверей. и я вздрагиваю. — Наконец-то.

Я оборачиваюсь и застываю, потому что в комнату шагает человек в маске вервольфа. Точнее, вервольф в волчьей маске.

— Ты же не думаешь, что эта маленькая, но крепкая цепь — единственное препятствие к твоей свободе?

— Предпочитаю решать проблемы по мере их поступления.

— А я думал, что ты из тех, кто ждет, пока само рассосется.

— Так хорошо меня знаешь? Потому что я впервые вижу эту собачью маску.

Может, злить похитителя — не самый разумный шаг, но мне надоело быть марионеткой в чужих играх.

— Маску впервые, — отвечает Кампала, — а вот мое лицо тебе точно знакомо.

— Вряд ли.

— И все-таки.

— Удиви меня.

Если честно, я ни на что не рассчитываю, но он заводит руки назад и стягивает маску.

Вид обожженной, покоренной кожи заставляет снова вздрогнуть. Одна щека у него будто смята, а правый глаз почти не открывается, но не узнать его невозможно.

Под этой уродливой личиной мой бывший муж.

Дэнвер.

— Что? Как? Как это вообще возможно?! — Я даже не могу сформулировать нормальный вопрос, потому что все это будто во сне или в какой-то бурной книжной фантазии. Я словно попала в одну из детективных историй, вроде той, что пишу.

Это настолько невероятно, что у меня вырывается нервный смех, и я зажимаю рот ладонью.

Мой мертвый муж вовсе не мертвый. И он изуродован. Не смотреть на многочисленные ожоги и шрамы просто не получается, и Дэнвер это замечает.

— Как я перестал быть красавчиком? — усмехается он. Теперь голос его звучит нормально, в смысле, знакомо. — Автокатастрофа.

— Но ты же вервольф.

— Я тоже так думал. Я вервольф, и поэтому я практически неуязвим. Но оказывается, даже у нашей расы есть порог восстановления.

Тот самый, о котором говорили на волчьем ринге? Когда Доминик сражался с Хантером. Поэтому у Доминика на спине шрам: он тоже однажды получил травму, след от которой так и остался на его коже.

— У кого-то больше, у кого-то меньше, — продолжает Дэнвер, приближаясь ко мне. — Моего хватило, чтобы выбраться из горящей машины, чтобы выжить, но не хватило, чтобы восстановиться полностью.

Голова кругом от всего этого.

— Сержант... сержант Лабрю сказала, что полиция обнаружила твоё тело.

— Тому парню повезло меньше.

Там был кто-то ещё? И этот кто-то выбраться не успел.

Меня снова мутит, но я заставляю себя посмотреть Дэнверу в глаза.

— Зачем? — спрашиваю я. — Зачем ты притворился мертвым?

— Конечно же, чтобы начать жить с чистого листа, Чар.

Он говорит так искренне, так проникновенно, что я сама себе удивляюсь, как раньше велась на эту «искренность». Но мы оба уже не те Чарли и Дэн.

— И первым делом отправил ко мне своих дружков требовать несуществующий долг?

Я все время переживала, что мне не хватит денег. Что у меня не получится закрыть долг Дэнвера. А оказывается, никакого долга не было и в помине. Все эти нервы, все мои метания были непонятно ради чего или ради кого.

Взгляд Дэнвера мгновенно становится жестким.

— Почему «несуществующий»? Ты мне сильно задолжала, Чар, за все годы моей никчемной жизни рядом с тобой.

— Твоей никчемной жизни? — я сжимаю кулаки. — Ещё скажи, что я виновата в том, что твоя жизнь была никчемной!

— Конечно, виновата, моя дорогая женушка. — Он опускается на одно колено, и его уродливое лицо сейчас очень близко от моего лица. — Ты не предупредила меня, что ты имани, и что от таких как ты у вервольфов срывает крышу. Ради тебя я отказался от своего будущего, меня изгнали из стаи, разлучили с моей семьей, и все это даже не было моим выбором. Я пошел на поводу у природы, и что получил взамен? Брак с женщиной, которой магазин с древней макулатурой интереснее мужа!

Меня не цепляют его слова про наш брак. Видимо, я давно это пережила в своей душе. Переболела, перегорела. Я хватаюсь за другое:

— Ты не знал, что я имани, когда прислал за мной Халли. Тебе мог рассказать Хантер, но он сам не знал этого до встречи со мной.

— Правда. Логика всегда была твоей сильной стороной, Чар. Но то, что ты имани — это все объяснило. До этого я просто тебя ненавидел.

Он говорит это так, что у меня впервые за все время нашего разговора мурашки по коже. Мне страшно, как не было никогда. Поэтому я инстинктивно прикрываю руками живот.

— Поэтому ты придумал идею с долгом?

— Да. Тебя должны были привести ко мне. — Он тянет ко мне руку, но я отшатываюсь. — Я бы заставил тебя мучиться, как ты мучила меня.

— Тебя никто не заставлял мучиться!

Он резко выпрямляется и теперь смотрит на меня с высоты своего роста.

— Ошибаешься, у меня не было выбора. Но ты снова все испортила. Ты просто мастер все портить, Чар. Высший уровень! Могла бы даже преподавать эту дисциплину в университете.

Я задыхаюсь от гнева и пытаюсь подняться, но он легко отталкивает меня, и я падаю на кровать. К счастью, на кровать, потому что от Дэнвера — такого Дэнвера — можно ждать, чего угодно. Я могла оказаться на полу или налететь на деревянный столбик кровати. Но то что это к счастью, я думаю всего мгновение, до тех пор, пока вервольф не нависает надо мной.

— Ты обратилась к Доминику. — Он смеется, и я начинаю верить, что все-таки сила имани действительно могла свести его с ума. Буквально. — Из всех возможных вариантов ты обратилась за помощью к тому, кого я ненавижу больше тебя.

Дэнвер оказывается сверху и всем весом вжимает меня в матрас, сжимая пальцы на моем горле. Так, что мне становится сложно дышать.

— Я злился, Чар. Ты даже не представляешь, как сильно я злился.

— Пусти меня! — цежу я, но кажется он меня не слышит. Или не хочет слышать.

— Но потом подумал, что смогу убить сразу двух волков. Точнее, одного волка и одну имани.

Я чувствую бедром его возбуждение, и мне становится жутко.

— Бесы! — ругается он, утыкаясь носом мне в щеку. — Как же приятно ты пахнешь.

Я что есть силы бью его коленом. Целюсь между ног, но кажется попадаю ниже. Тем не менее Дэнвер рычит и убирает руки.

Я с хрипом вдыхаю воздух и кашляю. У меня перед глазами разноцветные круги, но вервольф откатывается в сторону и отпускает меня.

— Не волнуйся, Чар. Ты настолько провонялась Экротом, что я не стану тебя трахать.

Провонялась. Я вдруг понимаю, почему меня подташнивает. Запах. Такой же запах был в моей квартире, когда Кампала отправил мне цветы. Не Кампала — Дэнвер. Сейчас этот запах исходит от него. Именно так в нем никто не опознал Дэна?

— Если, конечно, сама не пожелаешь.

— Катись к бесам!

Дэнвер усмехается, поднимаясь:

— Все там будем.

Нет, так дело не пойдет. От близости имани или по какой-то другой причине, но Дэнвер слетел с катушек, и оставаться рядом с ним — опасно и для меня, и для ребенка. Надо что-то с этим делать.

— Если все это ради мести, то ты достаточно меня помучил. Я бросила свою жизнь, свой магазин. Вынуждена была жить в глуши, в страхе.

Я говорю спокойно, но он злится:

— Трахалась с Домиником ты тоже из-за страха? Думаю, нет.

Удержаться от ответной колкости нелегко, но я проявляю чудеса терпения:

— Это случилось задолго до моего визита к Доминику. Ты меня бросил. Отказался от меня. И мне было плохо.

Ловлю удивление на его лице, прежде чем Дэнвер сжимает губы в тонкую линию.

— Я тоже была зла на тебя, но потом простила. Прости меня и ты.

— Я прощаю тебя, Чар, — говорит он после секундного раздумья. — В конце концов, сейчас ты в моей власти.

— Так отпусти меня, — прошу я. — Ради всего хорошего, что между нами было.

— Я отпущу тебя, — внезапно обещает он. — Родишь ребенка, и можешь быть свободна.

Все внутри холодеет, потому что я вспоминаю наш разговор с Кампалой. То есть с Дэном. Мне по-прежнему сложно уложить в голове, что это одна и та же личность.

— Зачем тебе ребенок? — спрашиваю окончательно севшим голосом. — Он не твой.

— Меня это ничуть не смущает, Чар. Главное, что он будет сильным, приемных детей тоже можно любить.

— Ты никого не любишь.

— Зато ты просто профи в любви, — рычит он. — Не успела похоронить мужа, сразу бросилась в койку к его врагу.

— Насколько я помню, раньше ты называл Доминика другом.

— Который пытался меня убить.

— Это чушь! И я это знаю.

— Откуда? Хотя можешь не отвечать. Наверное, так подсказывает твое сердце. Ты же всегда полагалась на сердце. — Он смеется мне прямо в лицо. — Я хотел, чтобы ты узнала, какое чудовище Доминик. Поверила, что он убийца. Но ты влюбилась в него. Как это на тебя похоже.

Я могла воспользоваться трюком, которому научил меня Доминик. Прямо сейчас. Остановить Дэнвера-Кампалу на несколько секунд, а если повезет, то даже на пару минут. Но вовремя сама себя осадил.

Пару минут ничего не решат: я по-прежнему прикована к кольцу в полу. К тому же взгляд волка — мое единственное преимущество. Выдам свой секрет, и преимущества больше не будет. Нужно ждать и выбрать другой момент.

Я едва не завывала от необходимости сидеть здесь, обездвиженной. Как собака на цепи!

— Он отец моего ребенка, — тем не менее ответила спокойно.

— Скоро у этого ребенка будет новый отец.

— Доминик найдет меня.

— Даже не сомневаюсь, — вместо улыбки у Дэнвера получается звериный оскал. — И я его очень жду.

— Зачем?

— Пока это секрет, Чар. Но обещаю, тебе мой план понравится.

Не понравится. Точно не понравится.

— Расскажи мне, — прошу я.

— Всему свое время.

Дэнвер почти уходит, но в дверях оборачивается:

— Кстати, можешь не пытаться сбежать. В этой комнате есть скрытые камеры, так что я узнаю о твоих попытках в любом случае.

Продуманный засранец!

— А если я захочу в туалет?

— Придется подождать, пока я не вернусь.

Он уходит, а я сползаю с кровати и опускаюсь на пол. Дышу ровно, чтобы не потревожить малыша. Потому что, если меня накроет приступом, мне поможет только Доминик.

Мой волк наверняка уже ищет меня, но я не должна поддаваться панике.

Пока не знаю как, но я должна выбраться отсюда.

Раньше, чем Доминик придет за мной и попадет в ловушку Кампалы.

Пригород Крайтона

Хантер почувствовал их раньше, чем различил вдали дом и припаркованные возле него темные внедорожники. Не только у Экрота было потрясающее обоняние, и его запах давно стал

предвестником развлечения. Но не сегодня. Сегодня они уже успели пообщаться, если, конечно, так можно назвать их столкновения, и Экрот мог приехать только лишь по одной причине — передумал насчет Шарлин.

Но тогда бы он привез ее с собой, а тонкого, ни с чем не сравнимого, аромата Чарли Хантер не заметил, даже когда припарковал машину возле дома.

— Чем обязан? — историк вышел из автомобиля и остановился напротив Экрота и его вервольфов.

— Где она?

Если бы голосом можно было убивать, Хантер валялся бы уже в ногах Доминика. Точнее, если бы на Хантера действовал голос альфы. Но он на него не действовал, спасибо матери и его происхождению.

О ком он говорит?

Чарли? Вряд ли. Экрот хранит свое сокровище, будто сказочный дракон, так что можно не сомневаться, что он знает, где она.

Одри? Тем более не понятно, зачем ему эта девица, которая сегодня напугала Чарли. Мелочная, эгоистичная, алчная и самовлюбленная. Когда он узнал ее получше, эффект того, что она волчица, а именно так Хантер объяснял свое влечение к девчонке, сошел на нет.

Их договоренность была простой: Хантер просил дождаться его в книжном магазине, ей всего лишь нужно было разговорить Чарли, не доводить до обморочного состояния. Если он прав, а он прав, даже беременность у нее сложная, не говоря уже о родах. Та, естественно, сделала все наоборот, хотя чего-то подобного можно было ожидать.

Впрочем, она рассказала Чарли всю правду, которую историку удалось накопать: только у истинных пар может быть здоровое и многочисленное потомство. О том, что Чарли нужна поддержка истинной пары. И о том, что ее истинным может быть только он, сын имани.

Так что, возможно, все произошло наилучшим образом, раз Доминик здесь.

— Мы сейчас о ком?

— Где Шарлин? — спрашивает Экрот.

А вот это неожиданно.

— Ее здесь нет. Разве ты не чувствуешь?

Доминик шагает к нему, и от просто веет яростью, смешанной с отчаяньем.

— Я нигде ее не чувствую. Но учитывая, что ты единственный, кто столько времени за ней охотился, я жду от тебя ответа.

— Не единственный. Есть еще Кампала.

— Которого никто не видел без маски.

— Мне не нужно ее похищать, тот случай не в счет. Я хотел, чтобы Чарли пришла ко мне по собственной воле. Если, конечно, ты здесь не потому, что она просто ушла от тебя.

По лицу Экрота проходит судорога, будто он едва сдерживает трансформацию.

— Она сбежала? — переспрашивает Хантер, не веря своему предположению.

— Она исчезла из закрытого поселения, — рычит Доминик. — Я собрал стаю и очень быстро вычислил, что одна из волчиц помогла ей сбежать. Возможно, Шарлин хотела с тобой поговорить.

— Если и хотела, то ко мне она не доехала.

Волки молча сверлят друг друга взглядами, и Хантер словно в отражении видит, как Доминика охватывает такое же беспокойство. Плевать на их вражду, если Чарли у этого мерзавца Кампалы!

— Допустим, я тебе верю, — говорит Экрот. — Выведи меня на него.

— Все не так просто.

— Мне плевать насколько это сложно, сын имани. Где-то там страдают Шарлин и мой сын.

— Она нужна тебе из-за ребенка?

— Из-за нее самой. — Доминик сжимает разжимает кулаки и говорит: — Если та чушь, что ты нес про истинных — правда, то ты должен чувствовать ее на расстоянии. Поэтому найди мне Шарлин.

— Хорошо, — кивает Хантер. — Я найду ее. Что получу взамен?

— Любую услугу. Какую захочешь.

— Тогда еще один бой. В прошлый раз Кампала помешал нам, в этот раз я хочу взять реванш.

Экрот, до этого выглядящий готовящимся атаковать хищником, расслабляется.

— Это лишено смысла. Но я принимаю условие. — Он протягивает руку, которую Хантер пожимает.

— Впрочем, если передумаешь, дай знать.

— У меня есть все, кроме справедливости.

— Лучше направь свою ярость на тех, кто действительно этого заслуживает.

Хантер сжимает кулаки — кто бы знал, как хочется воспользоваться «услугой» Экрота прямо сейчас! Но альфа-мерзавец прав: сначала нужно освободить Чарли, потом решать все остальное.

— Я не знаю, где он ее держит, — переходит он на деловой тон, — но начал бы поиски с волчьего ринга. Мы пересекались там несколько раз.

Экрот кивает и указывает на свою машину.

— Предпочитаю свой автомобиль, — говорит Хантер.

— Так мы потеряем время, а нам еще многое нужно обсудить по дороге.

Это действительно экономит время, хотя пресловутое «мы», судя по выражению морды, Доминика царапает не только его. Историк направляется к одному из темных авто первым. Расположившись на заднем сиденье, интересуется:

— Например?

— Кампалу. Что ты о нем знаешь?

Экрот занимает место рядом и называет адрес вервольфу за рулем. Хантер его уже видел — персональный телохранитель Чарли.

— Вообще-то более скрытного персонажа я не встречал еще ни разу в жизни. Кампала никогда не снимает маску. Ходят слухи, что он уродлив, но я бы не особо им доверял. Плюс синтезированный голос, искусственный запах. Скорее, он стережет свою личность, как цепной пес монетный двор.

— Он вервольф?

— Насколько мне известно — да. Но никто этого не знает наверняка. Он ни разу не выходил на ринг, не присутствовал в качестве зрителя. По крайней мере, в своей маске.

— То есть он может быть кем угодно.

— Да. Твоя очередь. Расскажи, кто помог Чарли улизнуть из твоей суперзащищенной деревеньки.

— Я уже говорил, что одна из волчиц.

— И ты, конечно же, спросил ее, почему?

— Нет. Она не вернулась в поселение.

Хантер присвистывает.

— Тогда клятва альфы должна приносить ей как минимум неудобства.

— Если Шарлин сама попросила ее, то нет. Но если все было иначе...

Доминик не заканчивает мысль, но она и так очевидна. Если волчица что-то сделала с женщиной альфы, ей не позавидуешь. Клятву альфе дают не просто так: за ее нарушение расплачиваются не просто изгнанием. Вполне ощутимой болью.

— Кто она?

— Мать бывшего мужа Шарлин.

— Стоп! Того, кого изгнали из твоей стаи? Который погиб в автокатастрофе? И ты пришел ко мне?! Может, его мамаша решила отомстить?

— Как ты правильно заметил, она все еще член моей стаи, поэтому не могла причинить вред Шарлин. По крайней мере, своими руками.

— Хорошо. Начнем с Кампалы, а там посмотрим. Мое чутье должно привести меня к ней.

— Если приведет, — прищуривается Доминик. — Иначе я аннулирую наш договор.

— Не волнуйся, — холодно отвечает Хантер. — Своего шанса я не упущу. Ты проиграешь, и тогда я верну себе то, что принадлежит мне по праву рождения. Место альфы.

Где-то в другой части города

В комнате не было часов, поэтому я понятия не имела, сколько прошло времени с тех пор, как ушел Кампала. Мысленно я отныне называла его именно так, потому что мой Дэнвер, Дэнвер, которого я знала, погиб в той страшной автокатастрофе. Даже после его измен, после тех слов, что мы наговорили друг другу, я вспоминала яркие моменты нашей семейной жизни с теплом.

Но того Дэна больше не было.

Его занял монстр, желающий уничтожить меня и мужчину, которого я люблю, а потом превратить нашего ребенка в машину для убийств и пожизненного раба на волчьем ринге. Почему-то мне казалось, что я правильно разгадала план Кампалы.

Никогда!

Одна лишь мысль об этом не позволяла мне скатиться в истерику. Я не отдам ему своего мальчика. Мы обязательно сбежим. Я что-нибудь придумаю с этой цепью и камерами, и мы сбежим. Я обещала это своему волчонку и всем сердцем надеялась на то, что Доминик обо всем догадается и не попадет в ловушку. В капкан.

Но чтобы разобраться со всем, что меня удерживало, нужен был собственный план. Знать бы, где я, и что меня ждет за дверью! Где все эти скрытые камеры, и существуют ли они в принципе.

Поэтому идея с туалетом была не такой уж плохой. Другое дело, что снова видеть Дэнвера мне не хотелось. Впрочем, Анну, которая появилась вместо него спустя полчаса, мне хотелось видеть еще меньше.

— Дэнвер сказал, что ты хочешь прогуляться в туалет.

— И выбрал тебя в провожатые.

— Никому другому он просто тебя не доверит.

— А тебе он доверяет?

— Конечно, — расправляет спину Анна. — Я же его мать.

— Не поспоришь. Правда, не сказать, что хорошая. Учítывая, что ты бросила его на долгие годы.

По лицу Анны пробегает тень, она крепко сжимает губы, прежде чем выдавить из себя:

— Ты хочешь в туалет, или мне уйти?

— Хочу, — поспешно говорю я. — Видимо, мой организм старается вывести ту дрянь, что ты мне вколола.

Она ничего не отвечает, подходит ближе и проводит по кандалам электронным ключом. Кандалы размыкаются, и становится как-то легче дышать.

— Не пытайся убежать. Я тебя сильнее, а в коридоре стоит охрана.

— Мне это не нужно, — блефую я. — Доминик скоро придет и спасет меня.

— Я бы на это не надеялась. С наибольшей вероятностью он решит, что ты ушла от него сама.

— Это еще почему?

— Потому что между вами не все гладко.

Я скептически приподнимаю бровь, но Анна продолжает:

— И потому что я оставила сообщение, где объяснила, что помогаю тебе сбежать.

Вот сучка! Во всех смыслах.

Я сжимаю и разжимаю кулаки. Хочется наброситься на нее, но я понимаю, что Анна права — она сильнее меня. К тому же, после такого мне принесут горшок, но из комнаты не выпустят. Поэтому вдох-выдох и, глядя ей в глаза, говорю:

— Это неважно. Доминик все равно отыщет меня.

Бесы! Всегда считала это самой раздражающей его чертой, а сейчас остается только порадоваться этому факту. Да, сегодня он предлагал мне уйти, но уверена, что это был риторический вопрос. Я слишком хорошо его знаю!

Наверное.

Нет, сейчас точно не время сомневаться в наших отношениях!

— Мы идем? — спрашиваю я, натянув кроссовки.

Анна кивает, но выглядит недовольной. Вообще-то у нее такое лицо, будто у нее болит зуб.

Мы выходим из комнаты в еще одну, больше похожую на гостиную, с настоящим камином, длинными диванами в центре и с письменным столом возле окна. Шторы не задернуты, но за окном ночь и ничего не разобрать. Здесь такой же бардак, как в спальне. А еще высокие потолки с металлическими балками, какие бывают на складах. Ультрасовременная декорация квартиры или переделанные подсобные помещения?

Я рассчитывала, что нам хотя бы нужно выйти в коридор, но за дверью, к которой меня подвела Анна, оказалась вполне обычная ванная комната: с туалетом, душевой и раковиной. Затолкав собственное разочарование куда подальше, я решила, что еще не все потеряно.

— Оставишь меня одну? — интересуюсь я.

— Сын попросил, чтобы я за тобой присмотрела.

— Будешь смотреть, как я сижу на унитазе?

Анна снова морщится, но кивает. Упрямая стерва! Ради тебя я готова даже душ принять. Тем более что на полке под раковиной ровными стопками сложены чистые полотенца. Но потом я вспоминаю о замашках Кампалы-вуайериста и передумываю.

У Анны хватает такта отвернуться, а может, она просто ханжа. Радует, что голова перестала кружиться, и силы понемногу ко мне возвращаются. Но я все равно делаю все медленно. Хожу в туалет, затем тщательно мою руки и долго-долго умываюсь.

— Ты не можешь делать это быстрее? — слышу недовольное за спиной.

— Вколи себе ту гадость, которую ты вколола мне, и посмотрим, насколько шустрой будешь ты!

Вместо колкого ответа Анна вдруг взвизгивает и хватается за голову.

— Что с тобой?

— Это тебя не касается, — шипит она.

— Не касается, так не касается, — я возвращаюсь к зеркалу и вытираю лицо полотенцем.

Она тяжело дышит, а потом все-таки выпрямляется:

— Это расплата. За то, что я выбрала сына.

— И предала альфу стаи, — догадываюсь я.

— Это все мелочи, которые можно потерпеть, если любишь. Скоро у моей стаи будет новый альфа.

— Думаешь, старейшины выберут Кампалу в качестве альфы? Что-то сильно сомневаюсь.

— Кого волнует их выбор? Дэнвер уже стал альфой, а совсем скоро присоединит к своей еще и Морийский лес.

Я всегда знала, что Дэн амбициозный, но он, кажется, совсем с катушек съехал. А еще интересно, боль Анны зависит от ее эмоций?

— Они за ним не пойдут.

— Пойдут, — усмехается она. — Если он победит Доминика.

— Доминика не смог победить даже Хантер.

— Он проиграет. Он проиграет, если хочет получить тебя живой и невредимой... А-а-а!

Она согнулась пополам от нового приступа, а я схватила керамический стакан для зубных щеток и без сожалений запустила ей в голову. И, когда Анна рухнула на кафель, я, не раздумывая, рванула за дверь, заперла ее и бросилась к выходу. Учítывая, что других неизвестных мне дверей здесь не было, ничем другим она просто быть не могла.

Со складом я не ошиблась. Потому что дальше было огромное пространство, напоминающее ангар, заполненный металлическими ящиками, вниз уводила винтовая лестница. Я не знала, сколько у меня времени. Все шло вопреки моему изначальному плану, но, по крайней мере, я сбежала от Анны и никого не заметила.

Пока что.

Я осторожно спустилась по лестнице и побежала между ящиков в сторону, где по моей версии должен был быть выход. Оставалось только надеяться, что по пути мне по-прежнему никто не попадется, и не попадусь я сама.

Наверное, все было в состоянии аффекта, потому что адреналин в моей крови прямо зашкаливал, сердце билось быстро-быстро, а дыхание сбивалось, но я упрямо пробиралась от ящика к ящику, пока не вынырнула у какого-то бокового, очевидно, служебного выхода.

Я схватилась за ручку как раз в тот момент, когда услышала за спиной шаги и приказ:

— Стоять!

Знакомым голосом, между прочим. Обернувшись, я с облегчением заметила не менее знакомую девушку в полицейской форме. Если здесь полиция, то я в безопасности.

— Сержант Лабрю, как хорошо, что вы здесь! Помогите мне.

— Конечно, прима Мэдисон, — внезапно улыбается она. — Я помогу вам вернуться в вашу клетку. Там, где вам самое место.

Я даже не успеваю удивиться, видимо, все удивление ушло на новость о том, что Кампала — это Дэнвер. А может, потому что разрозненная картинка наконец-то складывается воедино.

Лабрю, сообщающая мне о смерти мужа.

Лабрю, предупреждающая меня о Доминике.

Лабрю, руководящая полицейской операцией по захвату и помешавшая бою Доминика с Хантером...

— Ты работаешь на него.

Волчица усмехается.

— Не работаю. Я просто с ним.

Мне хочется пнуть себя побольнее за наивность. Никому здесь нельзя доверять! Но еще больше мне хочется пнуть эту двуличную стерву. Особенно когда она говорит:

— Сама пойдешь, или мне надеть на тебя наручники?

— Разве у вас вервольфов нет уважения к беременным?

— У меня к тебе нет уважения, Чар. Но можешь не волноваться за своего детеныша: у Кампалы на него большие планы. — Она кивает в сторону, откуда я пришла. — Пойдем.

Я тоже бросаю туда взгляд, но не двигаюсь с места. Лабрю — волчица, если воспользуюсь трюком

Доминика, выиграю около двух минут. Нужно только, чтобы она подошла ближе.

Знать бы наверняка, что за той дверью город и моя свобода!

— Знаю я про его планы. Но ты тоже женщина. Для тебя это нормально? Что он хочет присвоить чужого ребенка.

— Мне плевать на твоего на ребенка, Чар.

— А как же клятва защищать город от преступников и оберегать простых граждан? Знаешь, как называют таких, как ты? Продажный коп!

Симпатичное лицо искажается, сержант издает тихое рычание и направляется ко мне.

— И как вы познакомились? — интересуюсь я. — Ты приехала на дело и спасла полуживого вервольфа?

— Мы познакомились гораздо раньше, Чар. Очень-очень давно. И нас связывает далеко не моя продажность, а нечто большее. Когда ты занималась своими книжечками и игнорировала своего мужа, я поддерживала его. Поддерживала в его стремлениях, амбициях, поддерживала в победах и сопереживала его неудачам. Я была ему женой на деле, а не на словах.

— Это ты мне звонила, — доходит до меня. — В тот вечер, когда мы с Дэнвером расстались.

— Надо же, догадалась, — усмехается сержант. — Могла бы стать детективом.

Я воскрешаю в памяти обрывки того разговора.

— Зачем ему я, если у него есть ты? Вы оба вервольфы, ты можешь стать ему парой.

— Я уже его пара, — напоминает Лабрю.

— Тем более!

— Ради мести.

— Зачем ему мой ребенок, если ты можешь родить от него?

— Вот это не твое дело, — снова рычит сержант, а я понимаю, что попала в точку.

— Может, потому что он не хочет ребенка от тебя? Потому что он не будет таким сильным и уникальным. А может, потому что не может забыть меня?

Она бросается на меня, а я ловлю ее взгляд и успеваю удержать волчицу на долю секунды. Потом ее просто сносит вынырнувшей из-за моей спины тенью. Сержант оказывается у моих ног раньше, чем я успеваю моргнуть. Точнее у ног Кампалы, успевшего ее оттолкнуть и тем самым помешать мне.

— Я приказал тебе вернуть ее в клетку, а не разрывать на части. Что не так в моих словах?

Я с шумом выдыхаю, хотя облегчения не чувствую, только разочарование, что у меня ничего не получилось. Не получилось отсюда сбежать.

— Она меня спровоцировала! — скулит волчица. — Ничего бы я ей не сделала.

— Это радует, Каро. Не хочу в тебе разочаровываться.

Выражение лица сержанта меняется: она смотрит на него чуть ли не с обожанием. С покорностью.

— Я сделаю все, как ты просил.

— Не нужно. Я забираю ее с собой. — Кампала поворачивается ко мне. — Прогулялась, Чар?

— Твоя маска не менее уродлива, чем твое нынешнее лицо.

Из-под волчьей морды раздается короткий смех.

— Ты накажешь ее за побег? — вмешивается Лабрю.

— У меня для нее самое лучшее наказание.

От его ласкового обещания я вся будто застываю. Идвигаюсь с места только потому, что Кампала начинает меня тянуть к заветной двери. Точнее, это я считала ее заветной, своим спасением, а оказывается, за ней был он.

— Позаботься о матери, Каро, — приказывает он сержанту.

— Как благородно, — цежу я. — Еще бы наказание отменил, цены бы тебе не было! Понятно же, что развлекался за мой счет.

— Развлечения только начинаются. Доминик здесь.

Глава 15

Упоминание Доминика заставило сердце екнуть, а меня — ускорить шаг. Потому что несмотря на то, что Кампала явно что-то задумал, я хотела его увидеть. Так сильно хотела, будто не видела его несколько лет. Наверное, мне не стоило стремиться к нему, показывать Дэнверу, сколько он для меня значит, но это было выше моих сил.

Открытым оставался вопрос: как Доминик так быстро меня нашел?

— Ты отправил ему приглашение? — интересуюсь я, пока мы идем по длинному глухому коридору, где единственный источник света — тусклые электрические лампочки через каждые пару метров.

— Не успел. Вообще-то, я рассчитывал, что наша встреча с ним случится позже. — Судя по недовольному тону, он не лгал. Очевидно, хотел помучить и меня, и Доминика.

— Но он здесь.

— Да, вместе с твоим приятелем, который вывел его на меня.

— Приятелем? — Я уже ничего не понимаю.

— Хантером Бичэмом. Знаешь такого? С ним ты тоже трахалась? Хотя, скорее всего, Доминик тебе не позволил.

Хантер тоже здесь? И он заодно с Домиником? Что-то сильно сомневаюсь. Хантер бывает заодно только с самим собой!

— Он не приятель.

— Правда? Ну ладно. Им же лучше.

— Что ты задумал?

— Скоро узнаешь.

Он вталкивает меня в комнату в конце коридора. Я рассчитываю увидеть Доминика, но это комнатка вроде помещения для охранника в бизнес-центрах. Из интересного здесь только несколько больших мониторов с погасшими экранами и кресло, на которое Кампала мне указывает.

— Помнишь, я обещал тебе место в первом ряду? Оно снова твое.

Мне не удастся скрыть своего разочарования, как бы я ни старалась.

— Я думала, что ты собирался отвести меня к Доминику.

— Нет. У меня есть преимущество. Доминик не знает наверняка, что ты здесь. Так что для начала послушаю, что он скажет. Зато у тебя есть возможность присутствовать на встрече. Незримо.

— Катись к бесам!

— Не хочешь? Придется! И не трать время и силы на крики — тут очень хорошая звукоизоляция. Доминик все равно тебя не услышит.

Он собирается уйти, а я вскакиваю.

— Он меня почувствует. Учует.

— Сомневаюсь, Чар. Я это предусмотрел, — он указывает на мониторы, — включи и узнаешь.

Я отвлекаюсь на экран и упускаю момент, когда Кампала выходит и запирает дверь. Не знаю, прав он насчет звукоизоляции или нет, но попробовать я смогу только когда увижу Доминика через камеру. Он же этого добивается? Чтобы я смотрела. Это все еще вуайеризм? Или уже эксгибиционизм?

Здесь нет клавиатуры или пульта, поэтому я просто нажимаю кнопку на мониторе в центре, и автоматически включаются все остальные. Они показывают одно и то же помещение, но с разных ракурсов: как это было на волчьем ринге. И это оранжерея. Или, по крайней мере, то, во что эту комнату превратили.

Повсюду цветы, которые я тут же узнаю. Красивые, яркие, тропические.

Именно такие я получила от Кампалы в тот вечер, когда переехала к Доминику. Этот запах я

помнила до сих пор. Он у любого вервольфа нюх отобьет! Это и есть его секрет?

Мысль тут же теряется где-то на задворках сознания.

Потому что я вижу появившихся в оранжерее мужчин.

Доминика и Хантера.

Это напоминает мне вечер битвы, когда я подслушала их разговор в раздевалке. Разве что сейчас они стоят не друг напротив друга, а плечом к плечу, и это внушает надежду, что сегодня они союзники. Это, и еще недовольство Кампалы моим «приятелем».

Он не ждал Хантера. А значит, они не заодно.

Или это блеф?

Единственно, что сейчас имеет значение, точнее, единственный, кто имеет значение — это Доминик. Я так внимательно всматриваюсь в ставшие уже родными черты: светлые волосы, сдвинутые брови, упрямо сомкнутые губы — что от напряжения начинает покалывать в висках. Хочется протянуть руку и коснуться его, но Кампала лишил меня даже возможности увидеть его вживую, а не вот так, через объектив камеры. Чтоб его бесы сожрали, этого Дэнвера!

Который как раз появляется в оранжерее.

— Альфа Экрот? — голос у него снова изменился и звучит как у робота. — Вот так сюрприз! Вы все-таки меня нашли.

— Мне помогли.

— Вы бы сами справились, рано или поздно. Признаюсь честно, было приятно водить вас за нос.

— Что изменилось сейчас?

— Мне надоело прятаться.

— Так сними маску.

Звук, который издает Кампала настолько странный, что я не сразу понимаю, что он смеется.

— Не думаю, что это важно. Важно то, зачем вы здесь?

— Мы пришли за Чарли, — говорит Хантер.

— Чарли?

— Шарлин Мэдисон, — уточняет Доминик таким тоном, что я бы на месте Кампалы себя бы ему уже выдала. Но где я, а где этот психопат?

— Прима Брайс? Почему вы решили, что она здесь?

— Потому что ты объявил ее своей должницей.

— И простил ей долг, когда узнал, чья она любовница.

— Она моя женщина. И моя будущая жена.

— Разве вервольфы женятся на людях? Особенно альфы. Не боишься, Экрот, кончить, как ее муж?

— Смертью? Или, скорее, никчемной жизнью? Моя никогда не станет такой, потому что Шарлин будет со мной рядом.

У меня в груди что-то задрожало, горло сдавило всхлипом.

— Отдай мне ее, иначе я тебя уничтожу.

— Ее здесь нет. Думаю, вам стоит поискать в другом месте.

Доминик шагает вперед, но Хантер кладет руку ему на плечо и качает головой. И, как ни странно, с рукой не прощается.

— Ты сказал, — говорит мой волк, — что ты ее истинный, так определи, где она.

О чем они? О той глупой идее, что Хантер моя половинка? Бред! Я к нему ничего не чувствую.

— Здесь повсюду это вонючее растение, я чувствую себя так, будто у меня насморк.

— Для истинного это не должно быть проблемой.

— Тогда оба будем надеяться, что я истинный. Это единственный шанс ее найти.

Они сверлят друг друга взглядами несколько мгновений, и после Доминик снова поворачивается к Кампале:

— Если ты ее не прячешь, зачем все эти цветы?

— У меня есть личные секреты, Экрот.

— А у меня тоже есть связи в полиции, Кампала. Поэтому либо я здесь все обыскиваю по-хорошему, либо получаю ордер на обыск и делаю так, чтобы волчьих боев не было по меньшей мере полгода.

Из-за маски и измененного голоса сложно сказать, какие чувства испытывает Дэнвер. Ярость? Досаду? Или он наслаждается, издеваясь над Домиником? Но отвечает он спустя небольшую паузу:

— Ты же знаешь, какие убытки это повлечет.

— Знаю. Тебе придется искать другую работу.

— И что ты скажешь полиции? Основание для обыска?

— В двух кварталах отсюда, на одной из парковок мы нашли машину Анны Брайс. Она вывезла Шарлин из поселения, номер сменили, но запах моей женщины остался. Мотив, улики, этого достаточно для полиции и для волчьих законов.

— Зачем тебе ордер? Можешь обнюхать склады от пола до потолка.

Я понимаю, что они ничего не найдут.

Кампала об этом позаботится.

Звукоизоляция. Цветы. Я в клетке.

— Доминик! — кричу я и не верю своим глазам, когда он оборачивается. — Доминик! — повторяю громче. — Ты меня слышишь?

Но он просто уходит. Уходит, чтобы обыскать склад, и главное — я этого не увижу, потому что камеры показывают исключительно оранжерею. В этом я убеждаюсь, нажимая кнопку на мониторе. Склад огромный, поэтому я даже не узнаю, когда Доминик будет проходить мимо, чтобы можно было крикнуть погромче.

Что делать?

Что они там говорили про истинных? Что я вообще знаю про истинные пары?

Ничего. Ничего я про них не знаю!

Я сдвинула виски и приказала себе успокоиться. Хватит кружить по этой комнатухе, по ней вообще кружить проблематично. Допустим, я не знаю про истинные пары, но я хорошо помню легенду о Руфусе и Ирине, пусть даже она считается всего лишь фольклором. Но если верить большинству вервольфов, имани тоже не существует! А я существую, и если Хантер моя истинная пара, нужно сосредоточиться на нем.

Я погладила живот, убеждая малыша успокоиться, а заодно убеждая успокоиться себя, и попыталась представить Хантера. Но он категорически отказывался представляться. Вместо него перед мысленным взором появлялся образ белоснежного волка. И когда у меня раз в пятый не получилось позвать Хантера, я плюнула и стала звать Доминика. Оказалось, вспомнить то чувство, которым он обволакивал меня в минуты, когда мне было больно и плохо, очень просто. Вспомнить сон, где мы были вдвоем с нашим малышом. Раскрыть собственные чувства, всю свою любовь.

— Доминик! — позвала я, и будто сквозь толстенную стену услышала ответ:

— Шарлин.

В этот момент дверь распахнулась, но вместо своего волка я увидела Лабрю, схватившую меня за руку и потянувшую за собой.

— Пойдем! Кампала приказал тебя перепрятать.

— Доминик!

— Да хоть оборись, дура. Они в другом конце здания, через множество толстых стен.

Я ей не отвечаю, потому что совершенно ясно осознаю, что это правда.

Потому что я чувствую Доминика, а он чувствует меня.

Наша связь сейчас будто канат.

— Он идет сюда. Доминик направляется к нам.

Не просто идет, бежит.

— Бесы! — Лабрю выхватывает пистолет и снимает его с предохранителя: — За мной! Живо!

Переполюющая меня радость меркнет, я подчиняюсь, потому что вид оружия заставляет волосы шевелиться от страха. За себя и за своего малыша.

Сержант тащит меня по коридору, а затем впахивает в ту самую оранжерею, где нас уже ждет Кампала. Аромат такой сильный и приторный, что даже у меня начинают слезиться глаза.

— Куда теперь? — спрашивает она.

— Никуда, дорогая. Планы изменились.

Дэнвер сжимает мое горло, подтягивая к себе:

— Не знаю, как ты это сделала, но Экрот несется сюда на всех парах.

— Это называется любовь, — хриплю я.

— Тогда будет любовь до гроба!

Мне хочется ответить: «До твоего», но Кампала швыряет меня к своим ногам, и от удара из меня вышибает дух. Как раз в этот момент дверь распахивается и на пороге появляются два волка. Белоснежный и серебристый с темными пятнышками.

Два разъяренных хищника, готовых убивать. Смести любого, кто встанет у них на пути.

Кампала и Лабрю тут же отвлекаются на волков. Последняя целится в них:

— Ни с места!

Вервольфов это не останавливает, они плавно, но неотвратно наступают. Будь я на месте моих похитителей, мне бы стало страшно, а так мне страшно исключительно за них. За Доминика и, бесы его заберут, за Хантера тоже. Но когда сержант, наводит дуло пистолета на меня, все во мне холодеет.

— Еще шаг, и она прострелит ей голову, — предупреждает Кампала, и волки останавливаются.

— Ты блефуешь, — говорю я. — Я нужна тебе живой.

— Точно. Тогда не голову, а, допустим, ногу. Заодно посмотрим, какая регенерация у имани.

Он психопат. Абсолютно свихнувшийся тип.

И как я этого не заметила, когда жила с ним?

— Доминик, это...

— Заткнись! — приказывает мне Кампала. — Так что, есть желающие посмотреть, как ваша драгоценная Чарли истекает кровью?

В ответ он получает утробное рычание.

— Нет? Тогда принимайте тот вид, в котором мы с вами сможем разговаривать.

Доминик перекидывается в человека в мгновение ока, поднимается и смотрит только на меня. Глаза в глаза. Во мне будто разрастается сила, тепло, уверенность, что все будет хорошо. Раньше я это чувствовала, когда он меня обнимал, но сейчас хватает только взгляда. И я медленно киваю, показывая, что мы сейчас на одной волне. Что я его поняла.

Его взгляд будто говорит: «Я позабочусь о тебе». Это не похоже на чтение мыслей, о котором говорят в легендах, скорее, какое-то инстинктивное понимание, что нужно делать.

Хантер долго остается в волчьем облике, в отличие от Доминика он смотрит то на Кампалу, то на Лабрю, сжимающую пистолет двумя руками. Вот от кого исходят волны ужаса. Паники. И это делает ее гораздо более непредсказуемой и опасной.

Хантер оборачивается в человека медленно, словно напоказ.

— Другое дело, — говорит Кампала. — А теперь играем по моим правилам! Сразитесь друг с другом, до смерти. — Он хватает меня за волосы, заставляя запрокинуть голову. — Победитель получит самый ценный приз — легендарную имани.

Мои спасители переглядываются, и Хантер кивает:

— Я согласен. Я обещал тебе найти Чарли, ты обещал мне бой.

Что? Бесов ты сын! О каких еще условиях они договорились?

— Он лжет! — выкрикиваю я, несмотря на то, что по ощущению несколько прядей остается в руках Кампалы, так сильно он дергает меня за волосы. — Ему нужен ребенок. Для волчьих боев.

— Только ребенок, — уточняет Дэнвер. — Ты, моя дорогая, совсем другое.

— Она еще не у меня, — цедит мой волк.

— Мы договаривались про «найти», а не про «забрать», — напоминает историк, но, судя по его взгляду, ему тоже не нравится идея Кампалы.

— Хантер, уверена ты бы не хотел такой судьбы ни для себя, ни для кого-либо другого.

— Твой ребенок не станет игрушкой, Чарли. Я заберу тебя вместе с ним.

— Я не хочу идти с тобой, — признаюсь честно. — Но ты еще можешь все исправить. Вам с Домиником нужно объединиться, а не враждовать.

Теперь во взгляд Хантера просачивается холод, и я понимаю, что мне до него не достучаться.

Они будут сражаться, и на этот раз до последнего.

— Зачем тебе это? — спрашивает Доминик у Кампалы. — Если это месть, то за что? Я тебя даже не знаю.

— Знаешь, дорогой кузен. Знаешь.

Кампала стаскивает маску и вздыхает, будто ему наконец-то есть, чем дышать.

Я чувствую удивление моего волка. Его неверие. Все то, что испытала сегодня сама, когда встретила с тем, кто считался мертвецом.

— Дэн? Зачем понадобился весь этот маскарад?

— Затем, что ты забрал у меня все. Стаю, деньги, благосклонность старейшин, даже женщину.

— Не я тебя изгнал.

— Не ты, но ты бы поступил точно так же. Теперь я все себе верну. И для начала хочу посмотреть, как ты подохнешь. Выбирай: либо ты, либо она.

Он меня отпускает. Отталкивает и коротко приказывает:

— Каро!

Моего виска тут же касается холодный металл: сержант не медлит.

Сейчас самое время вспомнить, чему меня учил Доминик. Сейчас или никогда! Я ловлю взгляд Лабрю и останавливаю ее, а затем выбиваю пистолет из застывших пальцев.

Вздрагиваю от выстрела, но не чувствую боли. Только слышу волчье рычание за спиной. Оглянувшись, понимаю, что Доминик и Хантер в облике волков набросились на Кампалу. Отвлекаюсь только на мгновение, но этого достаточно, чтобы пропустить удар. Меня отбрасывает в сторону, а сержант тоже перекидывается в неприметную серую волчицу. Точнее, сейчас она очень даже заметная! И теперь смотрит не в мои глаза, а на пистолет, валяющийся в метре от нас.

Этот пистолет — мое единственное преимущество перед зверем. Но она быстрее, сильнее и с острыми зубами.

Единственное ли?

— Стоять, — команду я, хотя вернее будет сказать — рычу, и зверь замирает на пару мгновений.

Я отползаю назад, нащупываю пистолет, но она уже приходит в себя и бросается на меня.

Я не успею. Успею. Не успею. Я...

Все это проносится в моей голове так быстро, быстрее мысли только белоснежная молния, летящая наперерез волчице. Доминик огромной лапой сбивает ее и отбрасывает в сторону. А потом перекидывается обратно в человека и обнимает меня.

— Доминик, — я врезаюсь в него, вдыхая его, впитывая в себя.

— Тише, Шарлин, все хорошо. Теперь все хорошо. Ты все сделала правильно.

Я всхлипываю.

— Прости меня, — шепчу я. — Я много всего сделала и наговорила, но я не убегала от тебя. Я бы никогда не сбежала.

— Знаю, — говорит мой волк.

— Потому что я люблю тебя, — добавляю сбивчиво.

Доминик стирает слезы с моих щек:

— И я тебя люблю, Шарлин. Но лучше повторишь это, когда мы отсюда выберемся.

Что?! Это еще не все?

— Где Дэн?

Мощный взрыв справа оглушает, и если бы не Доминик, закрывший мою голову, прижавший меня к себе, меня бы снесло взрывной волной, а так мы остаемся на месте. В отличие от серебристого волка, тело которого я замечаю даже сквозь дым. Зверь Хантера, попавший в эпицентр взрыва, поднимается на подкашивающихся лапах, хрипит и трясет головой.

А вот Кампала исчезает за дальней дверью оранжереи.

— Тварь! — рычит мой волк.

Доминик упустил его, чтобы спасти меня. Прежде чем я успеваю все осмыслить, в мои непослушные пальцы вкладывают пистолет:

— Шарлин, держись рядом. Используй это и все, чему я тебя учил.

Рядом? Владыка всемогущий, да что же это такое?!

Доминик снова перекидывается в волка и устремляется к двери, за которой скрылся Кампала. Осторожно огибая островки армитруций, теперь я вспомнила, как называется это растение. Я понимаю, что он делает это, чтобы не нарваться на скрытые в цветах сюрпризы вроде тех, с которыми успел встретиться Хантер.

— Мы должны ему помочь, — говорю я.

Доминик недовольно рычит и качает головой.

— Он помог тебе, — настаиваю я.

Волк не может ответить, но я ловлю его мысли-чувства: мы не станем помогать Хантеру, потому что он поможет себе сам. Словно в подтверждение невысказанных слов серебристый волк снова поднимается и семенит к нам, сначала прихрамывая, но с каждой секундой шаг сильных лап становится все увереннее.

К счастью, мы достигаем выхода все вместе, целыми и невредимыми. Что случилось с Лабрю я не знаю: может ее тоже контузило, или она уползла, но сейчас я могу думать только о волках, которые бегут по обе стороны от меня, и о Дэнвере, от которого ничего хорошего ждать не стоит. В подтверждение этого далеко позади раздается волчий вой, подхватываемый множеством других.

Можно предположить, что это подоспевшая помощь — волки из Морийских лесов. Я бы так и решила, если бы Доминик резко не остановился, будто споткнувшись, и не наострил уши.

Враг.

Мне не нужно было прислушиваться к нашей личной связи, чтобы это понять.

Показалось, или волки переглянулись? Но теперь мы ускорили ритм и бежали по каким-то бесконечным коридорам так быстро, что у меня давно сбилось дыхание и закололо в боку. А позади доносился вой.

И впереди!

Я только успела увидеть выскочившего из-за поворота волка, как мы резко свернули в широко распахнутую дверь и оказались на...

Арене!

Именно той, на которой Доминик сражался с Хантером. В отличие от запыхавшейся меня, последний чувствовал себя прекрасно и только сверкал синими глазами. Яростно и зло.

— Добро пожаловать на волчий ринг! — объявил Кампала и микрофон усилил его голос в несколько раз. С треском захлопнулась дверь за нашими спинами, вспыхнул яркий свет прожекторов, направленных на нас, и я зажмурилась. Но только в первое мгновение: когда глаза понемногу привыкли, я увидела, что множество мест на трибунах заполнены. Вервольфами, в основном мужчинами. Бандитами, вроде Маверика Халли. — Вы же не думали, что у меня нет запасного плана? Или что я буду один?

— Все присутствующие здесь знают, что такое быть изгнанником. Таким как я. Пока Экрот и ему подобные, альфы, — выплевывает он с ненавистью, — наслаждаются тем, что достается им просто так — собственными территориями, всеобщим уважением, коронами на их головах, мы вынуждены бороться за выживание. Но теперь все будет иначе.

Я осознаю, что все это было до встречи со мной. Его одержимость собственным местом в стае. Понимаю, что Дэнвер ушел не из-за меня. Просто он не желал подчиняться чужим правилам, хотел жить по собственным. И это привело его туда, куда привело. К ненависти, зависти, ярости.

— Сражайтесь! Иначе не уйдете отсюда живыми!

Если Хантер и Доминик не подчинятся, им придется сражаться со всей этой толпой озлобленных волков.

Дэнвер стоит на площадке для ведущего возле главной ложи, и до него просто так не добраться, потому что волчий ринг находится ниже. Даже если бы я умела стрелять, мне пришлось бы подойти ближе, не говоря уже о том, что я все равно не смогу хладнокровно застрелить его. На нем снова маска, и я цепляюсь за эту мысль.

— Если ты такой же, как и все, почему носишь маску? — выкрикиваю я, и по толпе проносится шепот. Ободренная реакцией зрителей, я продолжаю: — Сними ее, и мы будем на равных!

— Кто ты такая, чтобы мне указывать?

— Мой волк называет меня маленькой альфой, — отвечаю с гордостью, и со всех сторон доносится смех. — Но это к делу не относится. Речь о тебе. Или я не права? — с последним я обращаюсь к публике.

— Сними! — выкрикивает кто-то, и я замечаю Халли, поднявшегося с кресла в первом ряду. Остальные подхватывают его требование-приказ:

— Сними! Сними! Сними!

— Сниму, когда один из них сдохнет, — пресекает он общий гул. — Пусть это будет наградой для всех вас. Моим доверием.

От бессилия хочется кричать.

Видимо, авторитет Кампалы выше авторитета какой-то имани.

— Вы не должны этого делать, — я поворачиваюсь к волкам. — Именно этого он и добивается! Чтобы вы ранили друг друга.

Даже не ранили. Убили.

Мурашки по коже, стоит только вообразить это, а я даже представлять не хочу!

Доминик бодает мою руку, и я понимаю, что он просит отойти подальше. Он просит о доверии.

— Я никуда не пойду!

Я сотню раз тебе доверяю, любимый. Но Дэнверу нет!

Тогда Хантер рычит на меня. Они оба рычат. И хотя я знаю, что они не способны причинить мне вреда, инстинктивно делаю два шага назад. Этого достаточно, чтобы белый волк набросился на своего соперника. Они кубарем катятся по траве. Вскидывают. Ударяют друг друга огромными лапами. И все происходит так быстро, что я не успеваю решить: оставаться на месте или бежать к ним.

Удар. Еще удар. Кувырок. И злое рычание дерущихся не на жизнь, а на смерть зверей. Шум толпы будто фон для этой кровавой битвы.

Еще один удар лапы Хантера, и все внутри меня обрывается. Умирает за одно мгновение.

Доминик падает, катится с камня, на котором они бились, хрипит и замирает. Я не помню, как оказываюсь рядом, глотаю непролившиеся слезы, шепчу его имя... И понимаю, что мой волк жив.

В смысле, я не чувствую, что он мертв, хотя глаза видят совсем другую картину. Доминик не дышит. Или практически не дышит?

«Сниму, когда кто-нибудь из вас сдохнет», — вспоминаю обещание Кампалы, и уже хочется врезать и своему волку, и его новому союзнику-юмористу. Но это может сработать.

Это должно сработать!

Мне не нужно изображать слезы, они и так катятся по моим щекам. На этот раз от облегчения, когда Дэнвер спускается со сцены, перепрыгивает сразу через несколько ступенек, только чтобы быстрее оказаться на волчьем ринге, увидеть смерть врага своими глазами.

Я утыкаюсь лицом в мягкую шерсть, чтобы не выдать себя.

— Сними маску, — приказывает ему перекинувшийся обратно в человека Хантер.

— После.

— Нет, сейчас.

Кампала подходит слишком близко, а еще видимо не рассчитывает, что Хантер сильнее. Потому что сын имани выбрасывает вперед руку и сбивает с вервольфа недовольную маску.

Публика затихает, поэтому вопрос Халли звучит очень отчетливо:

— Дэнвер Брайс?! Ты же сдох!

Уродливое лицо Кампалы от ярости искажается еще сильнее. Только теперь эта ярость направлена еще и на толпу:

— Разве плохо, что я жив?

— Ты водил нас за нос! Стайный говнюк!

Когда Дэнвер начинает хрипеть, очевидно, под мощным захватом Хантера, я вскидываю голову, чтобы все рассмотреть, но мне на плечо кладут тяжеленную лапу.

— Я прикажу и тебя уничтожат!

— Очень сильно в этом сомневаюсь.

И правда, отверженные вервольфы, дети городских банд, не спешат помогать своему лже-альфе. Когда Кампала это понимает, живо меняет тон:

— Я помогу тебе отомстить.

— Сам справлюсь.

— Я отдам тебе долю с боев.

— Я лучше заберу все.

Хантер швыряет его к своим ногам.

Наши с Кампалой взгляды встречаются, и я читаю в его глазах всю звериную ярость, всю ненависть, направленную на меня. Он оборачивается в волка и кидается вперед стремительно, необратимо. Я отшатываюсь. Все инстинкты кричат, что мне конец. Его взгляд обещает, что мне конец.

Но прежде чем я успеваю попрощаться с жизнью, меня всем своим мощным телом закрывает белоснежный волк. Доминик встречает удар Дэнвера ударом, не позволяет его острым клыкам достигнуть моего горла. Он полосует когтями по уроливой морде и отбрасывает его на землю. Дэнвер целится в живот, но в моего волка будто вселились все предки-вервольфы.

Раздается жуткий хруст, и самопровозглашенный альфа падает без сознания.

— До суда срастется, — хмыкает Хантер.

Как раз в этот миг на арене появляется Оуэн, с другими волками Морийских лесов и полицией. Вид у них такой, что сразу понятно: пришлось пробиваться сюда с боем. Полиция уже настоящая, забирающая Кампалу и разгоняющая завсегдатаев волчьих боев. Доминик перекидывается обратно в человека, и мне хочется обнять его, нет, мне хочется прилипнуть к нему, и больше никогда не отпускать.

— Зато теперь он нам не помешает, — говорит Хантер, будто не замечая, а скорее, игнорируя витающее в воздухе настроение. — Ты мой должник, Экрот. И ты обещал мне бой.

Они с ума посходили?! Какой им еще бой!

— И ты его получил, — отвечает Доминик, кажется, довольный моим неотлипанием от него. — Ты даже меня победил.

— Это был не настоящий бой, — мрачнеет Хантер.

— Какой есть. Другого не будет. — Доминик прижимает меня к себе и целует в висок. — Мне теперь нужно заботиться о семье, так что с боями я на время завязываю. И кажется, мы разобрались с истинностью и прочим. Но взамен я могу оказать тебе услугу. Найти твоего отца и восстановить тебя в твоей стае. Тем более что у меня есть зацепка, где искать, и кто на самом деле виновен в случившемся с твоей матерью.

Хантер размышляет достаточно долго, чтобы я начала нервничать. Правда стоит по-настоящему заволноваться, мои волнения тут же перебивает уверенность Доминика. Он чувствует, что со мной и малышом все в порядке. Кажется, истинность — это действительно полезно. Иногда.

— Я согласен, — говорит историк.

— Тогда жду тебя утром в моем главном офисе.

Мужчины кивают друг другу, и Хантер уходит.

Можно выдохнуть и расслабиться, что я и делаю, окончательно повисая на Доминике.

— Домой? — предлагает Доминик.

— Домой! — соглашаюсь я.

Глава 16

Доминик отвез меня в дом на Мантон-Бэй, он был ближе, а нам обоим нужен был отдых. К тому же, бой с Кампалой не прошел бесследно: оказалось, что Доминик сломал запястье, и из-за усталости кровавые борозды от когтей на его груди отказывались затягиваться. Но этот упрямый волк не захотел ехать в больницу!

В итоге мы сошлись на компромиссе: он вызывает доктора Милтона в свой городской дом. Доктор посмотрит и меня, и его. Нужно ли говорить, что уснули мы поздно, а точнее, уже рано утром? После того, как Милтон подтвердил, что с нашим сыном все в порядке и занялся запястьем Доминика, я просто рухнула на постель, а очнулась уже в объятиях любимого волка.

Моего любимого волка.

Я лежала и рассматривала его, наслаждаясь каждым мгновением, пока Доминик не шевельнулся:

— Ты слишком громко думаешь, Шарлин, — заявил он, приоткрыв один глаз.

— Что? — покраснела я. — Как? Я тоже ловлю тебя, но я не слышу слов, только чувства.

Доминик смеется и перекатывается на спину, так, что я оказываюсь лежащей на нем. К счастью, борозды почти затянулись.

Он проводит ладонью по моей щеке.

— Разве чувств недостаточно? Они лучше слов.

— Не поспоришь. Как это вообще возможно? Наша связь. Раньше такого не было.

— Думаю, этот вопрос нужно задать нашему новому другу.

Я приподнимаюсь на руках, чтобы заглянуть Доминику в глаза.

— Ты подружился с Хантером?

— Нет, это был сарказм, которому я научился у тебя.

— Но ты согласился ему помочь, — напоминаю я.

— Чтобы он отстал от нашей семьи.

Семьи.

Мое сердце сладко замирает, но в следующее мгновение болезненно сжимается. И Доминик хмурится, поймав перемены в моем настроении. Он теперь все ловит.

— Я была неправа, когда отказалась выходить за тебя, — признаюсь я. — И еще более неправа, что сделала это в присутствии родителей.

Доминик глубоко вздыхает.

— Я тоже был неправ. Не нужно было решать за тебя. В том числе, и насчет твоего общения с Хантером.

— Я не хотела общаться с Хантером, я просто...

Договорить мне не позволяют, на этот раз переворачиваясь и укладывая на спину меня.

— Я знаю. — Доминик осторожно поглаживает мой живот. — Ты заботилась о ребенке, а я ревновал.

— Между прочим, зря. Потому что ни к одному из мужчин я не испытывала то, что испытываю к тебе.

— Даже к Дэнверу?

— Да. Хотя мне сложно представить, что он настолько меня возненавидел.

— Думаю, в первую очередь, он ненавидел себя и свое бессилие.

Ненавидел себя, а ранил других? Наверное, я больше не хочу копаться в его мотивах. Чтобы это ни было, я больше не имею к этому никакого отношения.

— Что его ждет? Его и Лабрю.

— Они не являются членами ни одной стаи, поэтому и отвечать будут не перед альфой и старейшинами. Их будут судить по законам Легории.

— А Анна? — вспоминаю я о матери Дэна. — Она член твоей стаи.

Лицо Доминика суровеет.

— Больше нет. Она не просто предала мое доверие, она навредила моей женщине. Кримсон в курсе, и собирается отправиться вместе с ней. Если не ошибаюсь, он собирается увезти ее из Крайтона, у них есть дом в Абируке.

— Что их ждет?

— Та жизнь, которую они сами построят.

Несмотря на мои непростые отношения с этой семейкой, понимаю, что в глубине души больше не испытываю к ним ненависти и рада этому факту. Нам всем нужен шанс начать все заново.

— Мне нужно встретиться с Бичэмом, иначе я бы провел в постели с тобой хоть весь день.

— Я поеду с тобой!

— Шарлин, — рычит он.

— Что? — я показываю ему язык. — Ты же знаешь, что я чувствую себя замечательно. Мне тоже хочется задать ему пару вопросов.

Напоминание о том, что мы теперь вместе, и решать отныне все будем вместе, сработало. Доминик согласился взять меня с собой в офис, а я подумала, что к этому можно привыкнуть — к тому, что вы все делаем и решаем вместе. В рамках разумного, конечно. Что касательно моей безопасности, теперь я решила с ним не спорить. По крайней мере, до тех пор, пока наш сын не появится на свет.

Впрочем, даже тут Доминик умудрился меня удивить, за завтраком заявив, что так как Кампала за решеткой, а его родители покидают Крайтон, мы можем вернуться в особняк на Мэнтон-Бэй, и я смогу чаще бывать в магазине. Услышав новости, я перегнулась через стол, притягивая моего волка к себе и целуя его, как в первый и последний раз.

В общем, про завтрак мы забыли и, конечно же, на встречу опоздали. Но стыдно от этого не было. Во мне будто выключились все запреты и предрассудки, я пьянела от каждого его взгляда, от прикосновения, даже от того, как он произносит мое имя. Хрипло, растягивая букву «р». Вместо этих запретов в меня влили чистейший концентрат счастья. И в таком состоянии казалось, что я справлюсь со всем.

Мы справимся со всем.

Потому что теперь мы чувствовали друг друга так, как не чувствовали раньше. И это тоже было новым, необыкновенным, волшебным.

Но реальность имеет свойство волшебство разрушать. В моем случае, когда мы с Домиником поднялись в приемную его офиса, это были слова встречающей нас Венеры:

— Альфа Доминик, старейшины здесь и ждут вас в большом конференц-зале.

Старейшины? Их-то как сюда занесло? Хотя вернее будет сказать — зачем принесло.

Но Доминик ничуть не удивлен.

— Отлично, Венера. А что насчет Бичэма?

— Прим Бичэм в вашем кабинете. Он тоже ждет, но...

— Но?

— Кажется, он не слишком доволен задержкой. Впрочем, так как вы будете общаться со старейшинами, может, мне перенести встречу?

— Нет, — говорит Доминик.

— Нет? — испуганно хлопает глазами Венера.

— Сначала я поговорю с Бичэмом. Попроси старейшин подождать, и сразу проводи ко мне моего

гостя, когда он приедет.

Больше Доминик не задерживается, шагает в сторону собственного кабинета.

— Еще одного гостя? — интересуюсь я на ходу.

— Очень важного свидетеля.

— Свидетеля чего?

Он останавливается возле дверей и поворачивается ко мне.

— Шарлин, ты мне доверяешь?

— Конечно.

— Тогда просто смотри и слушай.

Что мне еще остается, если я и так напросилась? Но сейчас знаю, что что бы тут ни происходило, ни за что бы это не пропустила!

Хантер стоит возле окна, но поворачивается к нам, когда мы входим в кабинет.

— Я понимаю, что счастливое воссоединение и все такое, но мог назначить нашу встречу на вторую половину дня, — говорит он, хмурясь.

— Поверь мне, твое ожидание окупится сполна.

— Уже даже не надеюсь на это.

— Привет, Хантер, — пытаюсь разрядить обстановку между мужчинами, и черты лица историка действительно смягчаются.

— Привет, Чарли. Рад, что с тобой все в порядке.

— В этом есть и твоя заслуга. Я тоже рада, что ты цел.

Хантер улыбается уголком губ и переводит взгляд на Доминика:

— Ты сказал, что сможешь разобраться в моем деле.

— Помогу. Но сначала скажи, почему ты решил, что твоим отцом был мой дед?

— Моя приемная мать множество раз называла его имя. Слышала его от матери, когда она еще была жива. Когда я вырос, я раскопал, что она была горничной в его доме, из которого ее вышвырнули беременной.

Он сжимает кулаки, и я осознаю, что до спокойствия Хантеру далеко. Что это рана в его груди, которая не заживет даже после мести.

— Затем ты прогнал мою приемную мать, когда она обратилась к тебе за помощью.

— Все было не так. Я предложил ей сделать ДНК-тест, но она сбежала. Возможно, потому что знала правду.

— Или испугалась, что все равно ничего не получит.

— В любом случае, когда я стал искать информацию об имани и Шарлин, — Доминик бросает взгляд на меня, — то заинтересовался и тем, что на самом деле произошло с твоей матерью. И как оказалось, они связаны друг с другом не только своей необычайной силой.

Не знаю, как себя чувствует Хантер, но у меня от этих слов пробежал холодок по коже. Даже пожалела, что оставила пальто в приемной.

— Можно я присяду?

— Конечно, — говорят в унисон мужчины, и смотрят на друг друга так, будто готовы снова подраться. Вот же... волки!

— Какая еще между ними связь? — нетерпеливо спрашивает Хантер, когда я опускаюсь на диван.

А вот Доминик раскрывать карты не спешит, будто ждет чего-то или кого-то.

Свидетеля! Только свидетеля чего?

— Твоя приемная мать не работала, так? — интересуется мой волк. — Занималась тобой и домом, и вы жили хорошо. Далековато до роскоши, но она ни в чем тебе не отказывала. Оплачивала лучшую школу, не муниципальную, частную. Различные кружки. Когда произошла твоя первая трансформация, купила дом в лесу, а после оплатила тебе первые годы учебы на экономическом. Никогда не спрашивал, откуда у нее деньги?

— Она говорила, что это наследство от отца. Ее отца, — поправляется он. — Но после ее смерти я выяснил, что это была ложь. Ее отец был столяром на заводе. Он просто не мог оставить ей тринадцать миллионов крайтов. Оставшуюся часть которых она завещала мне. Они были моими. Точнее, деньгами моей настоящей матери, которые, как я выяснил, она получила, когда узнала о своей беременности. Которыми от нее откупился твой дед. Именно он перевел эту сумму на ее счет.

— Это действительно так, — подтверждает Доминик. — Именно Анхель перевел деньги на счет твоей матери, но уже тогда он был известен в определенных кругах как вервольф, способный решить любую проблему. Он не был твоим отцом, но помог твоему отцу откупиться от имани.

— Доказательства?

— Как насчет клятвы бывшего альфы? — интересуется светловолосый незнакомец, вошедший в кабинет.

Если бы я не знала, что отец Доминика погиб, решила бы, что это он. Потому что схожесть налицо: и черты, и комплекция, и даже хищный взгляд с прищуром. Но отец Доминика не был альфой.

Пока я мысленно разгадываю тайну незнакомца, он замечает меня, направляется к дивану, на котором я сижу. Я уже привыкла к тому, что вервольфы не лапают чужих женщин, поэтому не успеваю отнять ладонь, которую он галантно подносит к губам.

— Мэтью Экрот, — представляется он. — Рад познакомиться с женщиной моего племянника.

Дядя! Это его дядя.

— Смотрю, ты совсем одичал, дядя, — Доминик не рычит, но холода в его голосе столько, что хочется пересест поближе к батарее.

— Наоборот, — усмехается Мэтью, но мою руку отпускает, — жизнь среди людей во многом проще. Меньше ограничений, больше свободы.

— Не знал, что ты когда-либо в чем-то себя ограничивал.

— Что правда, то правда.

— Жаль прерывать ваше милое воссоединение семьи, — вмешивается Хантер, — но мы здесь собрались, чтобы все выяснить о моей.

Он прищуривается, будто готов сбить с ног Мэтью одним взглядом:

— Если, конечно, не ты мой отец.

— Нет, — поднимает ладони вверх вервольф. — Хотя признаться честно, твоя мама была горячей штучкой, и я был бы не прочь сделать ее своей постоянной любовницей.

Судя по выражению лица Хантера, лично он не прочь разбить Мэтью нос или свернуть челюсть.

— Тогда кто?

В отличии от него и Доминика, дядя опускается в кресло.

— В то время я не помню вервольфа, который бы не пытался ухаживать за Ниной. Но она всем отказывала, выбирая работу в доме моего отца. Хотя могла купаться в роскоши и богатстве. Я тоже не был исключением, наверное, ни за одной женщиной так не ухаживал, как за ней, но всякий раз он ускользала. И так до тех пор, пока не познакомилась с Прайером.

— Августом Прайером? — вырывается у меня.

— Нет, — усмехается Мэтью, — Августа тогда даже в проекте не было. С его отцом — Кираном Прайером. Он чем-то покориł ее практически с первого взгляда. Между ними завязался абсолютно типичный роман, который начался внезапно и так же внезапно закончился, когда она забеременела.

— Моя приемная мать сказала, что отец вышвырнул маму, потому что посчитал, что она ему изменила.

— Ты сам вервольф и знаешь, что это чушь, — отрезает Мэтью. — Мы чувствуем своих женщин, чувствуем запах чужого мужчины. Но для всех все было именно так. Ведь у вервольфов и людей не может быть детей.

Я поморщилась.

Потому что почерк был узнаваем. Именно в этом меня пытались убедить старейшины, в том, что мы с Домиником не можем быть вместе.

— Я в курсе этого. — Сложно не восхищаться выдержкой Хантера, я бы, наверное, уже искала бы этого Кирана, чтобы дать по морде за то, как он поступил с матерью, а историк спокоен, и только потемневший взгляд выдает его чувства. — В курсе, что она практически осталась на улице. С деньгами, да, но еще и с сыном-вервольфом и непониманием, что с ней происходит. Но моим отцом может быть, кто угодно. Любой вервольф. Почему я должен вам верить?

— Ты можешь никому не верить, — Доминик подходит к своему столу, берет единственную папку, лежащую в центре, и протягивает Хантеру. — Но факты есть факты. Это тесты на ДНК: твой и Прайера. И судя по этим тестам вы ближайшие родственники.

Хантер рассматривает бумаги долго, словно не может поверить своим глазам, и я впервые вижу его настоящего, а не того, кого он хочет показать миру. Более открытого, уязвимого. Это длится несколько мгновений, потом он снова становится привычным Хантером.

— Почему он это сделал? — вопрос риторический, но неожиданно Доминик спрашивает:

— Почему бы не спросить у него самого? Тем более что для этого достаточно переместиться в конференц-зал далее по коридору.

Только сейчас я вспоминаю о том, что отец Августа тоже один из старейшин, а старейшины здесь. Ну конечно же! Доминик сделал это специально, позвал их.

Хантер приходит в себя первым: не говоря ни слова, он выходит из кабинета. Мэтью с довольным видом шустро направляется следом. Понятно почему, у него свой клык на старейшин.

— Мне можно с тобой? — интересуюсь я, вскакивая с дивана.

— Разве я могу тебя остановить? — улыбается мой волк.

Только он и может, но...

— Мне бы не хотелось ничего пропустить.

Мы быстро проходим коридор и успеваем заметить, как Хантер без стука входит в широкие двери зала для переговоров.

— Тогда пойдем. Тебя это тоже касается.

— Я все еще не могу понять, каким образом.

— Пусть это будет неожиданностью.

Что-то в последнее время вся моя жизнь состоит из сплошных неожиданностей, но я не жалуясь. Очень хочется посмотреть, как старейшинам прищемят хвосты, а судя по азарту Доминика, который я чувствую, именно это их и ждет.

Мы успеваем вовремя, к самому началу представления, где Хантер уже преодолел расстояние от дверей до окна и держал за горло высокого темноволосого вервольфа. А тот, кажется, не мог блокировать этот захват.

— Почему? — интересуется Хантер, игнорируя всех и вся.

— Что почему?

— Почему ты отказался от меня и моей матери?

— Я ничего не понимаю. Ты кто такой?

— Очевидно, твой сын.

— Что за чушь!

При виде нас Джейсон Конелл поднимается со стула.

— Доминик, что все это значит? И что здесь делает он? — последнее относится то ли к Мэтью, то ли к Хантеру. Судя по замешательству дяди Одри, он и сам не определился.

— Хантер, отпусти его, — приказывает Доминик. — Ты и так достаточно доказал старейшинам, что ты не полукровка, а настоящий вервольф.

Как ни странно, историк подчиняется, и старейшина Прайер, кашляя, отступает на несколько шагов. Третий старейшина, пожалуй, самый молодой из них, подхватывает его и не позволяет упасть.

— Объяснись, — рычит Конелл на Доминика, но мой волк даже бровью не ведет.

— С удовольствием. Наверное, стоит начать с благодарностей тебе, Джейсон. Именно твое предложение помогло мне раскрутить этот змеиный клубок. Когда ты пришел ко мне и пообещал не только свою племянницу, но и место старейшины. Самое престижное место в мире вервольфов. Взамен мне нужно было всего лишь отказаться от своей женщины. Забыть обо всем и молчать.

Тон Доминика веселый, насмешливый, но я чувствую скрытую ярость, которая тут же стихает, стоит мне взять его за руку и сплести наши пальцы.

«Я здесь. Я рядом. Я с тобой», — будто говорю я, и он меня понимает, стискивая мою ладонь, согревая ее своим теплом.

— Тогда я задумался, — продолжает он. — Что информации об имани нет не просто так. Что, возможно, обо всех других случаях тоже попросту молчали. Я не мог найти что-либо о других, но я мог раскопать историю Хантера Бичэма. Тем более что сам Бичэм уверял, что в ней замешан мой дед, и это подтвердил мой дядя, Мэтью Экрот. Дед недолго пробыл альфой, но он всегда был тем, кто находил нестандартные решения для щепетильных вопросов. Именно через его счета прошли деньги для Нины Пай.

Я следила за Прайером и заметила, что после этих слов он слегка побледнел, но Доминик, он будто рассказывал эту историю не для всех, а для меня и для Хантера.

— Нина тоже была имани, о чем, естественно, не знала, пока не встретила Прайера. Она забеременела, но он от нее отказался, от нее и от ребенка, когда ему предложили брак с дочерью Джейсона Конелла и место старейшины.

Теперь он смотрит на дядю Одри, и об этот взгляд можно порезаться.

— Киран согласился, и Нине тоже пришлось согласиться, когда к ней пришли с угрозами. Что она могла сделать? Ей пришлось выбирать между правдой и жизнью. Впрочем, прожила она недолго.

— Вы убили мою мать, — Хантер говорит это тихо, но даже у меня пробегают холода по спине.

— Она бы все равно умерла, — оправдывается Прайер. — Потому что человеческая женщина не способна выносить волчонка.

— Способна, — отвечает за Хантера Доминик. — С условием, что ее пара — а только в истинных парах рождаются такие дети — будет с ней рядом. Во время беременности и родов.

Это то, что узнал Хантер? Только он решил, что истинная пара мы с ним. Но это не так, я всегда знала, что это не так. Что мой мужчина — Доминик. Чувствовала это.

Мне хочется его обнять. Безумно! Но я держусь, потому что ничего еще не кончено.

— Это ради сохранения порядка, — отвечает старейшина Конелл. — Если человеческие женщины начнут рожать от вервольфов, то в нашем мире начнется хаос. Волчицы будут не нужны.

— Точнее, они перестанут быть товаром и залогом успешных сделок, а в некоторых случаях игрушками для чьих-то жестоких игр. Они станут просто женщинами.

— И кому это нужно? Тогда ими будет совершенно невозможно управлять! — он осекается, но уже поздно.

— Вот мы и добрались до сути, Джейсон, — говорит Доминик. — Старейшины должны следовать закону, помогать альфам, а не стоять над ними, не держать в страхе остальных вервольфов. Когда Одри назначала Шарлин встречу, я решил, что ты подослал свою племянницу для запугивания, но ошибся. Зато сегодня камеры все записали. Поэтому я покажу наш разговор всем альфам на Совете волков, разговор, анализ ДНК и рассказ Мэтью. А потом мы все поговорим и выберем новых старейшин. Непредвзятых и с более прогрессивными взглядами.

В конференц-зале становится настолько тихо, что я слышу стук своего сердца.

— Ты дал клятву альфы, — рычит Прайер на дядю Доминика. — Поклялся, что никому не расскажешь.

И получает сильнейший удар правой от Хантера, от которого сваливается на пол.

— Да, — усмехается Мэтью. — Но благодаря вам я больше не альфа, так что могу делиться вашими секретами, с кем угодно.

А вот Джейсон сверлит тяжелым взглядом Доминика

— И чего ты этим добился?

— Справедливости, — просто отвечает мой волк и обнимает меня. — И немного счастья для себя. Кстати, Хантер, я хочу, чтобы ты тоже присутствовал на Совете волков. Если бы не эти вервольфы, ты стал бы альфой и по силе, и по праву рождения.

Историк выглядит отстраненным. Словно до него еще не дошло, что с личной вендеттой покончено.

— Мне это не нужно, — говорит он и выходит из зала, а мы с Домиником идем следом за ним, оставляя Мэтью разбираться со «старичками».

— Тебе нет, — кидает мой волк ему в спину, — а вот стае твоего единокровного брата ты нужен. Кажется, ты уже успел с ним познакомиться — из него паршивый альфа.

Хантер оборачивается и снова собирается отказаться: по лицу вижу, но я делаю шаг вперед и протягиваю ему руку.

— Спасибо тебе.

— За что? — он вскидывает брови.

— За то, что дал мне надежду.

— Я ошибся, насчет парности. Это может быть любой человек или вервольф.

— Тогда тебе стоит присмотреться к волчицам, — улыбаюсь я. — Уверена, ты найдешь свою пару.

— Шанс на миллион, — то ли в шутку, то ли всерьез заявляет он. — Удачи, Чарли! Экрот.

Он уходит, а мы с Домиником возвращаемся в его кабинет.

— Никого не пускать, — приказывает он секретарям, и притягивает меня к себе, когда мы оказываемся внутри.

— Это было... Невероятно!

— Невероятно?

— Просто потрясающе!

Он целует меня так долго, что губы начинают гореть, а дыхание сбивается.

— А что будет на Совете?

— В идеале соберутся все альфы и выберут новых старейшин, Бичэм получит свою стаю и завяжет с криминальной деятельностью.

— Криминальной деятельностью? — смеюсь я, а Доминик снова меня целует.

— Да.

— А что будет с нами?

— Мы переедем на Мантон-Бэй и будем ждать появления нашего малыша. — Он разворачивает меня к себе спиной и кладет ладони на мой живот, поглаживая его через ткань рубашки. От этих прикосновений хочется довольно жмуриться и наслаждаться ими весь день.

Я бы так и сделала. Тем более что имею право!

— Или останемся в Морийских лесах на время моей беременности, — предлагаю я. — Я как раз закончу книгу.

Доминик согревает дыханием щеку, прикусывает мочку уха.

— Все как ты захочешь, моя маленькая альфа.

Эпилог

Что ж, с чистой совестью можно было сказать, что беременность я пережила. Почти пережила! Потому что со дня на день на свет должен был появиться мой волчонок. Точнее, наш с Домиником.

Несмотря на истинность и наши чувства, в эти месяцы не все было гладко. Я пережила несколько сильных приступов, и только присутствие мужа, его объятия помогли мне это вынести, а нашему малышу развиваться нормально. Это подтверждал доктор Милтон, и подсказывало мое сердце.

Хотя в некоторые моменты мне искренне хотелось побегать по потолку, и это не всегда было связано с предстоящими родами.

Во-первых, в мире вервольфов произошла настоящая революция. Доминик собрал Совет альф, и те проголосовали за то, чтобы сместить старейшин с их постов. Конечно, им понадобились новые старейшины, и все единогласно решили, что это место займет мой волк. А помогать ему в этом будет Хантер! Ведь, в конце концов, он посредник между людьми и вервольфами.

На самом деле, «скромный» историк долго отказывался принять такую честь, и по словам Доминика, первым делом послал всех в лес. Не сразу, но Доминик убедил его стать старейшиной и альфой. Как ни странно, побудил Хантера изменить решение именно рассказ про Августа Прайера и его не лучшую сторону. Так что теперь историк разбирался с собственной стаей, которая встретила его не совсем дружелюбно.

Во-вторых, истинность. С ней все было не так однозначно. К счастью, Доминик позволил мне работать с Хантером и искать информацию про имани (тем более что теперь мы знали, в каком направлении искать), но всегда присутствовал на наших встречах.

— Я доверяю тебе, — говорил он, — не ему.

Я поднимала глаза к потолку.

— Он теперь старейшина и твой соратник, как ты можешь ему не доверять?

— Я доверяю ему все что угодно и кого угодно, но не тебя.

В общем, с ревностью истинность не помогала. Разве что теперь мы подолгу не ссорились: поорем на друг друга пять-десять минут, а потом занимаемся любовью. Или просто обнимаемся, что стало актуальным сейчас, когда я не ходила, а перекачивалась.

Тем не менее мы с Хантером часто переписывались, и он даже несколько раз приезжал к нам в поселение. В основном, мы искали ответы на такие вопросы: как проявляется истинность? Как определить, кто твоя пара? Это нужно было для нового мира и новых законов вервольфов. Если со мной все было понятно, я не была волчицей и вряд ли могла разобраться, что происходит, то Доминик и Хантер воспринимали меня по-другому.

— Почему ты вообще решил, что я твоя пара? — спросила я у него в один из визитов.

— Твой аромат. Такой манящий. Я уже рассказывал, что его ни с чьим другим нельзя было спутать. А еще нестерпимое желание тебя защищать, будто самое драгоценное, что у меня есть.

На такое признание я не сразу нашлась, что ответить. Особенно под ревнивым взглядом Доминика, который оторвался от планшета и недобро глянул на историка.

— И ты больше не испытывал ничего подобного?

— Рядом с человеческими девушками нет.

— А рядом с волчицами?

— К волчицам меня тянет физически, и пахнут они не так, как люди. — Лицо Хантера становится задумчивым. — По-другому. Но это все не то.

— Может, я тоже пахну по-другому, потому что я имани? Но мне кажется, что ключ к этой загадке не в этом.

— Она меня раздражала, — вмешивается Доминик. — Поначалу. Очень сильно.

— Серьезно?! — рычу я.

— Но потом я понял, что меня раздражает то, что все мои мысли о ней.

Ладно, живи, белый и мохнатый!

— У вас, — он кивает на меня и на историка, — я так понимаю, все не так. Может, в этом исключительность имани и их детей? В том, что вы можете выбирать истинных сердцем?

— Я собираюсь это выяснить, — с уверенностью заявляет Хантер. — Опытным путем.

Третьим пунктом событий, которые вызывали у меня желание спрятаться куда-нибудь поглубже или громко поорать, была наша с Домиником свадьба.

Старейшина женится. К тому же альфа. Никто не хотел пропустить такое.

Я же с самого начала ее не хотела, потому что мне хватило одной-единственной, которая закончилась не слишком счастливым браком с Дэнвером. Поэтому я избегала свадебных разговоров. Мне все время казалось, что если снова надену белое платье, то случится что-то нехорошее. Впрочем, когда я поделилась своими опасениями с Рэбел и Венерой, они со мной не согласились:

— Это все беременность, — заявила моя помощница. — Поэтому ты очень остро на все реагируешь.

— Доминик не Дэнвер, — подтвердила волчица. — С ним все будет по-другому.

С этим я не могла поспорить. Он меня чувствовал. Конечно же, он почувствовал мое волнение, зажал меня в укромном углу и поинтересовался:

— Шарлин, чего ты боишься?

— Все испортить, — признаюсь я. — Боюсь того, что не слишком хорошие воспоминания повлияют на настоящее. Что это все фарс, представление.

Как ни странно, Доминик не злится.

— Это обряд, который сделает тебя моей по всем законам. Человеческим, государственным, волчьим.

— Но я и так твоя, Доминик. По всем законам, которые только можно придумать. Для этого не нужно надевать платье и говорить: «Да, да, и еще раз да».

— Пусть тогда не будет никакого платья. По крайней мере, белого.

— В смысле?

Мой волк усмехается:

— Давай проведем церемонию по древним вервольфским обычаям. Это очень красивый обряд, мы попросим благословение предков. Как истинная пара. Ты сможешь надеть, что захочешь. И наша свадьба будет только для своих.

Я обнимаю его крепко-крепко:

— Я говорила, что люблю тебя?

— Сегодня ночью, — довольно смеется Доминик, подхватывая прилично потяжелевшую меня. — Но можешь повторить.

Правда, он не уточнил, что для «своих» означает всю стаю. Всю-всю стаю, потому что ради такого случая к нам приехали действительно все члены стаи и их родственники. Но это уже не имело значения, потому что церемония и последующие после гуляния меньше всего напоминали мне о прошлом.

Мы с Венерой нашли красивое платье в винтажном магазине. Светло-серебристое, будто белое золото, и меховую накидку. Я не могла перекидываться волчицей, но в день свадьбы я практически ею была. Когда шла навстречу Доминику, когда мы соединяли наши ладони и касались друг друга носами, когда ходили по кругу, как того требовал ритуал.

И мой страх испарился. Исчез. Был только Доминик и благословение предков. Благословение нашей любви. Потом были дикие пляски, кто-то из гостей решил пошалить и перекинулся в волков. В итоге перевернули один из столов, за что перекинувшихся отправили во двор. Впрочем, эта вызывало только смех. Я, вообще, тогда очень много смеялась. Смеялась и танцевала.

Только теперь перед родами мне было совсем не до смеха. Потому что подтвердить, что истинность влияет на выживание матери, могла только я. Как сказал Хантер, опытным путем. Спросить у кого-либо другого возможности не было — любые упоминания имани удалялись старейшинами. Не только Джейсоном и его командой, предыдущее правление вервольфов тоже не жаловало

«полукровок».

Спасало только то, что можно было отвлечься. Например, закончить книгу. Оказалось, что когда тебя никто не отвлекает, вокруг тишина, тебя кормят вкусняшками, а вечером делают массаж, то книга пишется быстро. Я свою закончила за месяц, вычитала и отправила агенту. Конечно, сюжет претерпел большие изменения, но моя насыщенная жизнь сыграла мне на руку. Каково же было мое удивление, когда сразу три издательства предложили издать роман, и сейчас одно из них собиралось вот-вот его выпустить.

— Я должна их увидеть, — обещала я себе и Доминику. — Моего мальчика и мой бестселлер!

Редактор и агент обещали, что книга будет иметь успех, они были в этом уверены. Что нельзя было сказать о родах. Даже доктор Милтон нервничал, хотя и пытался этого не показывать. Ведь в случае каких-то осложнений волчицы просто перекидывались и рожали в звериной ипостаси. Так было безопаснее.

Я по понятной причине так сделать не могла.

Поэтому даже не знала, чего хочу больше: чтобы поскорее все закончилось, или подольше походить беременной. Еще месяца три-четыре, как обычный человек, но по меркам вервольфов это было много, и малыш собирался вот-вот увидеть мир. По этому случаю мы в Домиником даже переехали в дом на Мантон-Бэй. Отсюда до клиники было всего ничего по сравнению с дорогой из поселения.

Все было готово, только я не была.

Я нервничала, и вместе со мной начал нервничать мой волк. Доминик взял отпуск от работы и от дел старейшин, чтобы все время быть со мной. С одной стороны, мне это нравилось, что муж рядом и исполняет любое мое малейшее желание, с другой — мне шагу не давали ступить и на каждое «ой» пытались схватить в охапку и отвезти в больницу. «Ой» было много, потому что с приближением родов количество приступов только увеличилось. Плюс мое тело ломало, я стала неповоротливой, хотя по словам Милтона набрала вес в пределах нормы. Я уже молчу про перепады настроения: мне то хотелось рыдать, то злиться, а в следующую минуту меня переполняло чувство бесконечной любви.

Но у меня было оправдание — беременность.

У Доминика такой отмазки не было, но мои перепады влияли и на него. После моего очередного «ой» у мужа окончательно сдали нервы:

— Все! Едем в больницу!

От неожиданности у меня даже спина перестала болеть.

— Как едем? Любимый, я еще не рожаю.

— Вот и хорошо. Будет время подготовиться. Там палата как номер в хорошем отеле, зато я буду уверен, что ты под присмотром Милтона и его персонала, и они в любой момент смогут оказать тебе помощь.

— Я сейчас под твоим присмотром.

— Но я не доктор.

— Тем не менее ты в любой момент можешь отвезти меня в больницу.

— А что, если я не успею?

— Успеешь, роды не длятся три секунды. К моему огромнейшему сожалению.

Доминик сжимает кулаки и отходит к окну. Я замечаю, как напряжены его плечи и спина.

— Ты же сражался с Хантером, выступил против старейшин, можно сказать, пошел против волчьего сообщества. Роды — это ерунда.

— Там я мог хоть что-то сделать, а здесь ничего от меня не зависит. Я не хочу потерять тебя, Шарлин.

— Не потеряешь, — заявляю я. Вот не было раньше во мне этой уверенности, а сейчас откуда-то появилась.

Я сползаю с кровати, буквально, потому что по-другому это сделать невозможно, подхожу к нему и обнимаю со спины. Утыкаюсь лицом между лопаток. Это практически так же уютно, как то, как

меня обнимает он.

— Доминик, это естественный процесс. Самый естественный, который только можно представить. Хотя мне тоже страшно, я справлюсь. Я же не просто так твоя маленькая альфа.

Он расслабляется, я чувствую это, и радуюсь этой победе над страхом. Правда, всего лишь долю минуты, потому что в следующее мгновение меня скрючивает.

— Ой! — говорю я.

— Снова «ой»? — резко поворачивается Доминик.

— На этот раз «ой-ой-ой». Кажется, я рожая.

Мой волк бледнеет, но хватает меня на руки и несется вниз.

— Пальто! — кричу я.

Ладно, о пальто он все-таки вспоминает и помогает мне переодеться. Весенний Крайтон «радует» исключительно дождями и сыростью, но Доминик усаживает меня в автомобиль так быстро, что я не успеваю замерзнуть. Если честно, мне наоборот жарко, и единственное, о чем я могу сейчас думать, так это о том, чтобы мы успешно доехали до клиники Милтона.

В машине я глубоко дышу, знакомая со времен университета техника помогает. Она же помогает пережить минуты до того, как меня встречает доктор. Я думала, что все будет смазанным, но все настолько четкое и яркое, будто отпечатывается в сознании.

Я помню, что мне нельзя делать кесарево, волчонок должен родиться абсолютно естественным путем. Как и нельзя обезболить: из-за моего малыша ни один препарат на меня не подействует. Но боль в теле разрастается, и меня настигает странная мысль попросить Доминика стукнуть меня по голове, чтобы я вырубилась и очнулась уже после того, как все закончится. От этого мне хочется то ли истерически смеяться, то ли плакать.

Боль невообразимая, но когда меня едва не накрывает истерикой, Доминик сжимает мою ладонь, сплетает наши пальцы, и становится легче. Он рядом, хотя и в медицинском халате, в смешной шапочке и в маске, но я вижу его глаза. Его тепло втекает в меня, наполняя ответным чувством.

Любовью.

Ради любви можно вытерпеть любую боль.

Ради любви нужно жить.

И я решаю жить. Цепляюсь за Доминика, выполняю все указания Милтона, делаю все от меня зависящее, чтобы наш малыш пришел в этот мир. Дышу, тужусь. Когда я слышу крик нашего мальчика, понимаю, что я полна любви и не собираюсь умирать.

— Шарлин, как ты? — хрипло интересуется Доминик.

— Хорошо, — вот теперь я будто плыву в тумане и практически не могу шевелиться — все силы куда-то подевались. Но я определенно живее всех живых. — Замечательно.

Мы одновременно смотрим туда, куда унесли нашего малыша, который решил, что волки должны быть громкими.

— Так звучит музыка любви, — смеюсь я.

— Практически как рок-концерт.

— Самый здоровый волчонок на свете. Альфа Экрот, возьмите, — Милтон вручает Доминику маленький сверток, который считает, что музыки любви много не бывает, но в руках отца он успокаивается. Тогда муж подносит его ко мне. Мое маленькое чудо, крошечное, но явно уже с командным рыком.

— Кажется, в нашей семье появился еще один маленький альфа, — читает мои мысли Доминик.

— Который вырастет в большого.

— Непременно, Шарлин. Непременно.

Сын с интересом смотрит на нас, а мы на него, и это самое прекрасное мгновение в моей жизни. Я понимаю, что таких мгновений отныне будет великое множество. Ведь теперь в моей жизни двое

любимых мужчин.

— Ты придумал, как мы его назовем?

— Анхель, — предлагает Доминик. — Он как ангел Владыки.

— И настоящий волк, как твой дед, — соглашаюсь я. — Он был счастливым волком, значит, и наш малыш тоже будет счастлив.

— Я сделаю все, чтобы вы были счастливы, — муж перестает улыбаться и становится серьезным: — Клятва альфы.

От этого обещания, от этой клятвы комок в горле, а на глаза наворачиваются слезы радости и огромнейшей благодарности. Когда-то я оттолкнула этого мужчину, но он доказал мне, что истинные волки так просто не сдаются, они сражаются за свою пару. Я ведь могла упустить собственное счастье, упустить все это. Но теперь точно не упущу.

— Я в свою очередь сделаю все, чтобы мои мужчины были счастливы, — мой голос дрожит от переполняющих меня чувств, но получается именно так, мне хотелось бы. — Клятва альфы.

Торжество момента нарушает малыш, включая рев недовольного волчонка, и мы смеемся. Стоит мужу его коснуться, как рев стихает. А потом Доминик целует меня, перегнувшись через Анхеля, словно скрепляя наши клятвы, и я целую его в ответ.